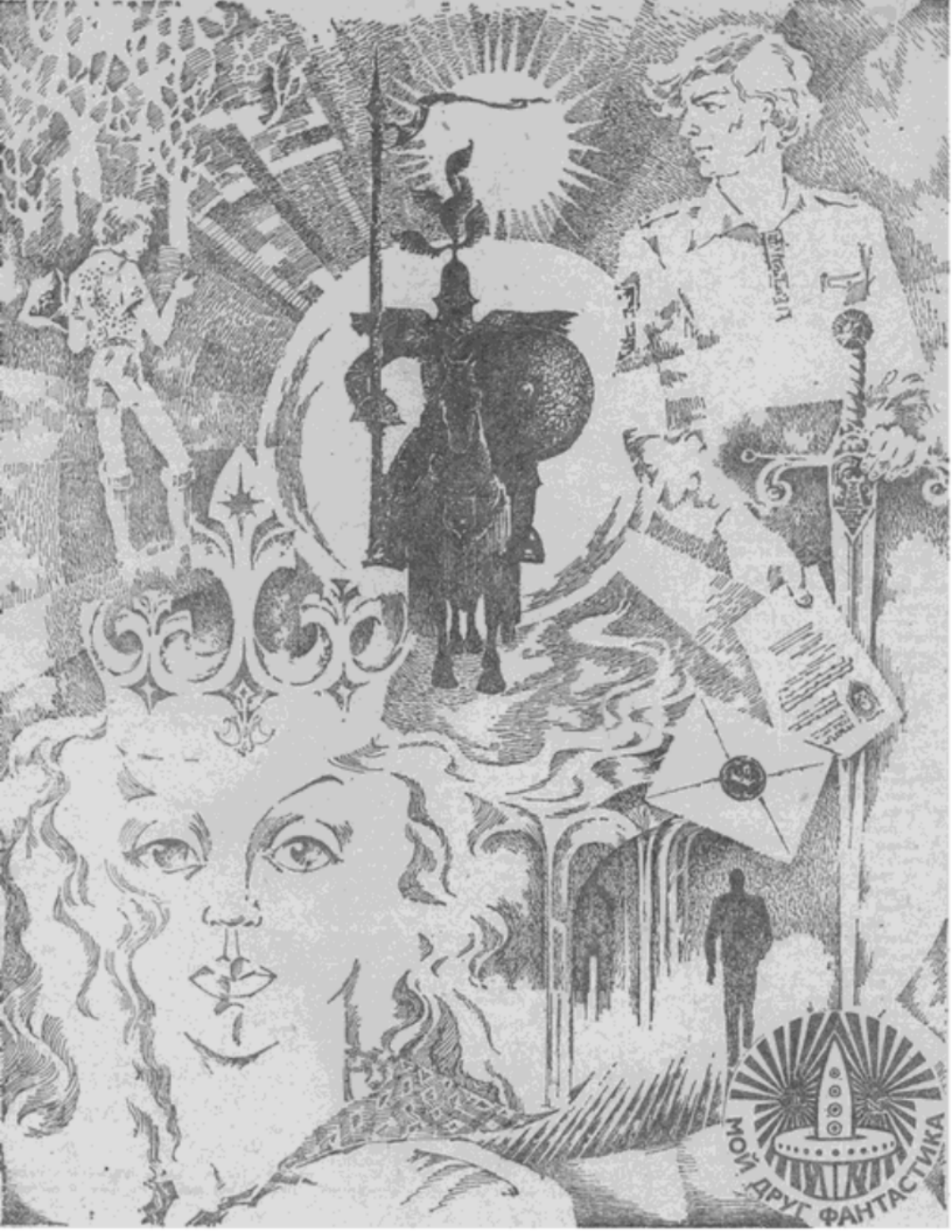

МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Владимир Николаевич Фирсов родился в 1925 году в Калуге. Во время войны работал слесарем на авиационном заводе в Москве. Окончил Московский полиграфический институт, работает в издательстве «Мир». В печати выступает с 1954 года, первый фантастический рассказ опубликовал в 1966 году в «Искателе», Повести и рассказы В. Фирсова печатались в сборниках «Мир приключений», «Фантастика», «НФ», переводились на иностранное языки.

В нашем журнале выступает впервые. Повесть «Срубить Крест» публикуется в журнальном варианте.

> …Это все происходило так давно, что даже в книгах — самых древних, самых мудрых — не найти упоминанья о событьях той поры. Каждый день над миром солнце поднималось величаво, освещая горы, реки и зеленые леса. Но не вился дым уютный над жилищем человека, не вставал с рассветом пахарь иль веселый дровосек. Не шумели на запрудах мельниц быстрые колеса, наковальни звон ритмичный тишины не нарушал. В постоянном страхе жили люди в те лихие годы. Смерть бродила между ними, поражая всех подряд. И не знал никто спасенья от ужасной этой гостьи — ни младенец, ни мужчина, ни старик седобородый. Все равны пред нею были, и она, не разбирая, всех без промаха разила, собирать не уставая жатву жуткую свою.
>
> И тогда взмолились люди, и услышало их небо, и сошли на землю боги жизни, смерти и любви. В неземном своем обличьи, окруженные сияньем, по ступеням туч небесных вниз сошли они чредой. Ниц просители упали, глаз своих поднять не смея на посланников небес. И людей спросили боги — чем они так недовольны, почему они стонают, что за горе их гнетет! Были ласковы их взоры, речи их полны участья. Но не смели слова молвить распростертые в пыли. И вторично вопросили трое жителей небесных, и сквозило нетерпенье в их сверкающих очах. Приподнялся вождь отважный, убеленный сединою, только слова недовольства вслух сказать он не посмел. В третий раз спросили боги — гневом очи их пылали, всколыхнулось шумно море, грозно дрогнула земля. И тогда старик решился, крепко на ноги поднялся и в лицо бессмертным

бросил дерзновенные слова. Говорил он, что устали люди ждать всечасно смерти, что хотят они без страха жить положенный им срок. Долгий срок или короткий — это пусть решают боги, лишь бы был всегда единым жизни путь для всех людей.

Услыхав такую просьбу, топнул в ярости бог смерти — раскололась в этом месте потрясенная земля. А бог жизни улыбнулся — от одной его улыбки зацвели на мертвых скалах небывалые цветы. Бог любви вздохнул глубоко и сказал: «Старик, поведай, для чего ты это просишь! Ты на свете жил немало — больше, чем любой из вас. Если сделать, как желаешь, жизнь твоя прервется сразу. Не оставить ли, как было, до скончания веков!» «Нет! — сказал старик бесстрашно. — Не себе прошу я жизни. Я люблю народ мой добрый — так люблю, как ты учил. Пусть живут без страха люди, пусть не бродит смерть меж ними — я за это, не колеблясь, десять жизней бы отдал!» И едва он это молвил, как глаза его закрылись, и к ногам богов бессмертных бездыханным он упал. «Быть по-вашему, о люди!» — прозвучало над землею, и ушли на небо боги по ступеням облаков.

С той поры века минули. Разрослось людское племя. Страха гибели не зная, люди счастливо живут. Всем срок жизни дан единый, и, богов благословляя…

Черновой набросок древней легенды, найденный в архиве Черного Совета.

(На черновике собственноручная пометка Рюделя: «Указать автору на недопустимость прославления иной религии, кроме религии Креста».)

- Часть I. ИГРА
  - Глава 1. Как рыцарь Черной Башни сразился с рыцарем Леопарда
  - Глава 2. Секретное письмо
  - Глава 3. Принцесса Изумрудной звезды не хочет замуж
  - Глава 4. Финал Малого Спора
  - Глава 5. Меня приглашают в Дом Без Окон
  - Глава 6. Справочник Гименея
  - Глава 7. Бабушек надо слушаться
- Часть 2. БОЙ

- Глава 8. Кузнец поневоле
- Глава 9. Долгая жизнь — проклятье
- Глава 10. Рюделя никто не любит
- Глава 11. Поезд смерти
- Глава 12. Полцарства за коня!
- Глава 13. Тень Креста над нами
- Глава 14. Пленник любви
- Глава 15, Короткая жизнь — благо?
- Глава 16. Смерть ходит рядом
- Глава 17. Человек против автомата
- Глава 18. Человек против автомата. (Окончание)
- Глава 19. Обещание долгой жизни
- Эпилог. Памятник

Часть I. ИГРА

Глава 1. Как рыцарь Черной Башни сразился с рыцарем Леопарда

Вдалеке запели трубы герольдов, возвещая начало поединка. Не глядя, я протянул руку, взял копье, поданное оруженосцем, и тронул Баязета. Тот боком-боком пошел в ворота, фыркая и помахивая бронированной головой. На противоположной стороне ристалища уже гарцевал мой противник, смеясь и выкрикивая что-то возбужденной толпе зрителей. Но вот он заметил меня, уставил копье и пришпорил коня. Я тоже опустил копье и помчался навстречу.

Мы сошлись в самом центре ристалища — точно на красной разделительной полосе. Публика взвыла от восторга. Первая схватка — это просто разведка, даже разминка. Рыцари скачут с поднятыми забралами, угрожая копьями лишь для пущего эффекта. Задача первой схватки — выявить скоростные данные противника, его внимание и глазомер. А поскольку считается почетным схватиться с соперником на его половине ристалища, каждый из бойцов пришпоривает коня вовсю.

Круто завернув лошадей и подняв копья над головой, мы вернулись к своим воротам, чтобы приготовиться ко второй схватке. Я опустил забрало, сменил копье на меч и снова выехал на поле.

Мой супостат уже гарцевал у трибун, размахивая мечом над головой. Под ноги коню из публики летели цветы. Подул свежий ветер, и его знамя с алым леопардом, распластавшимся на голубом шелке, развернулось в мою сторону. Я сделал в уме поправку на встречный ветер, который снизит стремительность моей атаки, и приготовился. В горле пересохло, а ладонь в бронированной перчатке, сжимавшая рукоять меча, стала влажной.

Мой противник все гарцевал перед публикой у своих ворот. По жребию право атаки досталось ему, и он спокойно разминался, не давая застояться лошади, а я вынужден был торчать, под июньским солнцем в своей черной броне. Конечно, мне никто не мешал последовать его примеру, но здесь-то и таилась опасность. Стоит на мгновенье повернуться к сопернику боком, и он кинется вперед, выигрывая драгоценные метры. Поэтому я стоял на месте, хотя в публике уже стали посвистывать.

Ветер опять стих, и я подумал, что столь опытный противник сейчас не станет атаковать — попутный ветер давал ему хоть

маленькое, но преимущество. Мне нестерпимо захотелось холодного апельсинового сока, я стал шарить по панцирю в поисках питьевой кнопки и чуть не прозевал бросок рыцаря Леопарда.

Ах, какое это упоенье — мчаться в броне навстречу бою! Где-то за спиной взлетают комья земли из-под копыт Баязета, голова надежно прикрыта щитом, меч со свистом рассекает воздух. Вперед, вперед — к красной линии в центре ристалища. Сейчас зазвенят мечи, и тысячи зрителей вскочат с кресел, и громовой рев потрясет окрестности! Вторая схватка — это уже бой, от исхода которого зависит, кому из рыцарей достанется Волшебное копье.

Мы снова сошлись на красной линии, вызвав взрыв восторженных криков на трибунах, обменялись двумя-тремя безрезультатными ударами и разошлись, чтобы развернуть лошадей. Но теперь я знал, что выиграю схватку, в мыслях уже видел алый плюмаж моего противника на траве, под копытами рассвирепевших лошадей.

За несколько секунд схватки я понял, что лошадь рыцаря Леопарда не так хороша, как это показалось мне сначала, и заметно уступает Баязету. Кроме того, я был обоеручный боец и только из-за строжайших правил рыцарского кодекса не рубился двумя мечами сразу. Пока мы разворачивали лошадей, я успел переложить меч в левую руку и вдобавок сманеврировал так, чтобы солнце оказалось у меня за спиной. И при второй сшибке мы съехались, неожиданно для соперника, не левым, а правым боком, и мой щит оказался против его меча, а его щит бесполезно болтался с другой от меня стороны. Рыцарь все понял. Он извернулся в седле, насколько позволяла тяжелая броня, и отразил мечом мой удар — из клинков вырубились искры, над мгновенно затихшей толпой проплыл короткий звон стали. Но Баязет уже оказался за его спиной, и напрасно рыцарь Леопарда старался развернуть свою лошадь — мой злой и кусачий Баязет был быстрее. Участившийся звон мечей дробью летел над ристалищем — рыцарь Леопарда пока защищался успешно, но я все объезжал его сзади, и ему не хватало доли секунды, чтобы повернуться ко мне левым боком. Выйти из боя он не мог, потому что наши лошади устроили круговерть — ржали, визжали, и Баязет уже кусал в ярости лошадь противника, — а тем временем я сантиметр за сантиметром передвигался за спиной рыцаря Леопарда в ту точку, отражать удары из которой он уже не сможет. И когда я ее достиг, мой противник сделал последнее, что ему оставалось — прикрыл щитом голову, чтобы успеть развернуться в седле. Но это его не спасло. Ударом щита я

отбросил его щит — на полсекунды, не больше, мне открылся сверкающий золотом шлем. Меч свистнул, прочертив горизонтальную линию, — это был мой любимый «полет ласточки».

Алые перья плюмажа лежали на зеленой траве, и Баязет танцевал на них, словно это были горячие угли, обжигавшие ему копыта, а я слушал рев зрителей и думал о каких-то пустяках. Теперь Волшебное копье — мое…

Пронзительно и чисто запели серебряными голосами фанфары. Отлично знакомые с ритуалом, лошади враз повернулись мордами к Арсенальной ложе и преклонили колена. Мы сошли на землю и, ведя лошадей в поводу, приблизились к ступеням, обтянутым синим бархатом. Я принял Волшебное копье из рук Верховного Судьи, сел на Баязета и помчался к своим воротам готовиться к третьей, решающей схватке.

Мой оруженосец и тренер Пашка Гусев выглядывал из ворот, приплясывая от радости.

— Ну, теперь держись, Алексей, — говорил он, пока руки его привычно бегали по броне, проверяя, закрыты ли замки, надежно ли закреплено забрало, нет ли упущений в моем защитном вооружении. — Это же надо, как ты его… Что будет, Леха! — Он расправил плащ на моей спине, снял с него невидимую пушинку, похлопал по крупу Баязета. — Ну как, готов? Включаю прицел. Щит или шлем?

Я, наконец, вспомнил, что хочу пить, и надавил кнопку. Тут же в губы уткнулся мундштук питьевой трубки. Апельсиновый сок почему-то казался безвкусным, и в горле стало еще суше. Я прекрасно знал такие шуточки нервной системы перед боем, но каждый раз этому удивлялся.

— Ставь шлем, — сказал я оруженосцу. — Драться так драться.

Павел включил индикатор копья и покрутил верньер так, чтобы перекрестье прицела легло точно в центр шлема крохотного силуэта конного рыцаря. Теперь, если цель будет захвачена, никакая сила в мире не сможет отвратить удар копья в намеченную точку.

Опять запели фанфары, оповещая о начале третьей схватки. Стоявшие рядом судьи еще раз проверили мое снаряжение и распахнули ворота, — по старинке вручную.

— Ни пуха ни пера! — бормотнул Пашка и хлопнул Баязета по брюху. — Ну, милай!

— К черту, — огрызнулся я и выехал на поле.

Стало необычайно тихо.

Несколько секунд ристалище напоминало цветную объемную

фотографию — в такой неподвижности застыло все. Утих даже ветер, и разноцветные стяги повисли в знойном воздухе. Потом копье моего противника стало медленна опускаться, и рыцарь Леопарда ринулся вперед, стараясь помешать мне прицелиться. Он закрывал щитом голову, пока позволяла дистанция, раскачивался и наклонялся в седле. Я тоже гнал Баязета, хотя ритуал разрешал мне оставаться на месте, — я хотел не только выиграть, но выиграть красиво, а для этого следовало сойтись с противником на красной черте. Галоп у Баязета был очень ровный, идеальный для прицеливания, но рыцарь Леопарда все сидел за щитом, почти не выглядывая, и копье никак не выходило на режим захвата. Он, конечно, все-таки выглянет, если не хочет промчаться мимо меня впустую. В этом была вся тонкость игры. Он ведь не знал, как я поставил прицел. Я вполне мог бить в щит, и тогда оказалось бы, что он напрасно лишил себя возможности прицельного удара и сам отдал мне победу, — больше трех-четырех ударов в щит не выдерживает никакой боец. Правда, у моего противника Волшебный щит, который не только перехватывает все до единого удары, но и автоматически создает наилучший угол встречи с копьем. Так что в оружии мы равны и спор за победу ведем в равных условиях, а победит наиболее сильный, стойкий и тренированный.

Наши лошади мчались стремительно, расстояние между нами все уменьшалось, и где-то внутри у меня словно прокатилось что-то холодное, потому что копье до сих пор не захватило цель. Но тут рыцарь Леопарда выглянул из-за щита, я прочертил концом копья невидимую спираль и услышал, как запел зуммер прицела. Копье словно напряглось в моих руках. Теперь я почти не держал его — оно свободно лежало в кулаке, как в шарнире, и лишь слегка колебалось в такт движеньям Баязета. Я знал, что в последнюю секунду мой противник включит Волшебный щит, который примет удар копья, и был готов к этому. Защищая хозяина, щит закроет его голову, и тому придется бить вслепую, и неизвестно еще, попадет он или нет.

Он попал. Я умею отбивать щитом удары любой силы — и все же с трудом удержался на коне. Сотрясение было так велико, что окончательно я пришел в себя лишь после того, как завернул Баязета. Я тоже ударил сильно — это чувствовалось по тяжести в правой руке, гудевшей от удара, — но все же не так, как мне хотелось. Однако я был доволен. Теперь рыцарь Леопарда знает, что я целю ему в голову, и будет все время сидеть за щитом, чтобы помешать мне прицеливаться.

Он так и сделал. Во время второй атаки мое копье не сумело захватить цель, зато и он не смог прицелиться. Его копье лишь

скользнуло по моему щиту, а мой удар чувствительно потряс его. И хотя Волшебный щит сделал все как надо — принял удар в самую середину, рассчитал выгоднейший угол встречи и развернулся на этот угол, — мой противник понял, что пассивной защитой бой не выиграешь. Поэтому в третьей атаке он почти не прятался и сумел нанести страшный удар. Впечатление было такое, словно мне по голове ударили кузнечным молотом. На какие-то секунды я потерял сознание. Потом все же открыл глаза, перед которыми плавали бесчисленные белые мухи, и совсем рядом, за прозрачной броней забрала, увидел траву, только она была почему-то не зеленой, а черной. В голове звенело и гудело. Почему трава, почему черная трава, подумал я с трудом и попытался упереться в землю руками. Но руки куда-то провалились, не встретив опоры, и тогда я понял, что это вовсе не трава, а грива Баязета, что я по-прежнему в седле и, значит, бой не кончен. Секундой позже я понял, что ошибся, — в руках у меня не было ни копья, ни щита, я был обезоружен и, следовательно, побежден.

Публика на трибунах неистовствовала, — рев толпы постепенно дошел до моего сознания. Баязет стоял напротив наших ворот, они были распахнуты, а оттуда спешил ко мне Пашка Гусев, махал руками и что-то орал, а за ним бежал доктор с чемоданчиком и еще какие-то люди.

— Да не нужен мне врач, — пробормотал я, словно кто-то мог меня услышать, и повернул Баязета, чтобы поздравить противника. Но поздравлять, было некого — рыцарь Леопарда сидел на траве, рядом с воткнувшимся в землю копьем, которое еще раскачивалось, и какими-то очень неуверенными движениями пытался открыть забрало. Неподалеку трусила его лошадь, а из противоположных ворот тоже бежал человек с чемоданчиком.

Глава 2. Секретное письмо

— Нет, ты положительно сумасшедший! — уверял меня Гусев. — Тебе дают в руки самую современную технику, а ты пользуешься ею, как дубиной!

Мой тренер, конечно, мог теперь волноваться сколько угодно. Он только сейчас узнал, что в последней атаке я выключил копье и бил просто по корпусу, чтобы поставить Волшебный щит в самое неэффективное для защиты положение.

— А по-моему, Алексей прав, — возразила Тина. — Рыцарский бой должен быть честным, без всякой автоматики. Если у одного копье, то и у другого тоже, а не самонаводящийся кибернетический агрегат.

— Практически силы бойцов равны, — сказал я. — Щит прекрасно закрывает от любого удара.

— То-то твой противник летел сегодня вверх тормашками вместе со своим Волшебным щитом, — настаивала Тина.

— Так я же выключил копье! Так что у рыцаря Леопарда были все преимущества — он мог попасть куда угодно, а я — только в его щит.

— Очередная глупость — этот щит, — рассердилась Тина. — Вот и поделом ему. Надо надеяться на себя, а не на автоматику. Следует потребовать, чтобы Олимпийский комитет запретил эти дурацкие выдумки.

Кожа у Тины была смуглая, глаза огромные. Я вдруг заметил, что, рассердившись, она удивительно хорошеет. Странно, сколько времени работаем вместе, а я только недавно понял, что она прехорошенькая девушка. Я вдруг позавидовал рыжему вихрастому Гусеву, который сидит с ней рядом, разглагольствует о пользе автоматического оружия, а сам держит ее за руку. Нет, уже не держит — отпустил. Опять взял… Ах, дьявол, да какое мне дело, жмет он ручку моей аспирантке или нет!

Я повернулся к бабушке, которая только что внесла ароматный пирог собственного изготовления, и потребовал:

— Бабуся, садись! Дай нам самим похозяйничать!

Моей бабушке недавно исполнилось восемьдесят лет, она была доктором технических наук и магистром Кулинарной академии. Она изобретала всяческие вкусные блюда для домашних автокухонь и очень любила ругать эти блюда, потому что признавала лишь пищу, приготовленную собственными руками.

Своих родителей я почти не помнил — мне было семь лет, когда они погибли при испытании системы внепространственной

связи. Вошли в передающую ВП-кабину, а в приемной не появились… С тех пор бабушка заменила мне отца и мать — сама поила и кормила меня, сама выбирала мне одежду, помогала разбираться в школьных задачах, считая, что она делает это лучше, чем обучающие машины. Все эти годы мы жили вместе, и я так привык к ее уютной квартире, что не менял жилища и в шумные студенческие годы, и даже теперь, когда стал профессором и всемирно известным спортсменом.

Кроме кулинарных обязанностей, у бабушки была масса других занятий. Ее постоянно привлекали к работе в многочисленных комиссиях и советах. За последние годы она инспектировала Службу погоды, работала в Экологическом совете, в комиссии по правонарушениям — увы, иногда случалось и такое. Однажды она исчезла на полгода — улетела куда-то на край Галактики, где на недавно заселенной планете вдруг вспыхнула гражданская война… О том, что она там делала, бабушка рассказывать не любила. «Люди во все века хотели как можно больше хлеба и зрелищ, — сказала она в ответ на мои расспросы. — Они там увлеклись зрелищами, а про то, что людям нужен хлеб, позабыли». — «А ты?» — «Я обеспечила их хлебом — на самое первое время. Дальше они должны управиться сами».

— За победу! — провозгласил Гусев, когда все расселись и бокалы были наполнены. Мы выпили за мою победу, потом за бабушку, за диссертацию Тины и ее отпуск в Гималаях, за то, чтобы Гусев стал тренером олимпийского чемпиона. Потом Пашка включил экран, сунул в гнездо стержень с видеозаписью, и я смог увидеть бой глазами зрителя. До этого момента я был, пожалуй, единственным на планете, кто не видел, как закончился бой: я знал только его результат.

Стоп-кадр помог рассмотреть в подробностях, как виртуозно работал Волшебным щитом рыцарь Леопарда — включал его в самый последний миг, когда копье мое было буквально в нескольких сантиметрах, и это позволило ему нанести мне два прицельных удара. Второй из них мог оказаться роковым, если бы я не упредил противника. Мой удар был беспощаден — только сейчас, глядя на стереоэкран, я понял это. Он был рассчитан до сантиметра, и никакой трижды волшебный щит не мог спасти рыцаря Леопарда от натиска шестисот килограммов брони и мускулов.

— И все же — удался эксперимент или нет? — спросил Гусев. — Что мы будем докладывать?

Я пожал плечами. Волшебное копье было опытным образцом, существовавшим пока в единственном экземпляре, и нам с рыцарем Леопарда было поручено проверить, его в бою. Конечно,

я одержал убедительную победу, но Волшебное копье было здесь ни при чем.

— Наверно, надо продолжить испытания, — промямлил я.

Меня больше интересовало поведение Тины. Гусев прокрутил запись дважды, и каждый раз Тина в решающий момент схватки бледнела от волнения и прижимала ладони к щекам. Бабуся скептически поджимала губы.

— Чем бы дитя ни тешилось, — иронически заявила она. — Тоже мне, рыцари! Копья-автоматы, щиты-автоматы, броня — из терилакса, лазером не пробьешь…

Тина немедленно поддержала бабушку.

— Рыцари в старину дрались, рискуя здоровьем и жизнью. Это были настоящие мужчины! А вам сейчас ничто не. грозит — в худшем случае, получишь несколько синяков, да с лошади шлепнешься-. А смог бы современный рыцарь выйти на бой, скажем, с Ричардом Львиное Сердце и победить его? И не в терилаксовой броне, а в старинной стальной? И с деревянным копьем?

— Уверен, что Алексей победил бы, — тотчас вскочил Пашка. Тина ему, безусловно, нравилась, но вынести нападки на любимый спорт он не мог даже от нее. — Современные методы тренировки, достижения физиологии, психологии, спортивной медицины, умелое чередование силовых и скоростных нагрузок дают нам неоспоримые преимущества!

Тина выслушала Пашкин панегирик и о чем-то задумалась. Гусев налег на пирог — ел да похваливал. Бабушка так и таяла, слушая его слова. Она всегда радовалась, когда нам нравилась ее стряпня, а пирог получился на славу. Недаром она была магистром Кулинарной академии… А Тина все думала о чем-то и сидела тихо, как воробышек. Павел сделал возле нее пируэт, но она даже не заметила.

— Мне надо поговорить с одним знакомым, — сказала она чуть позже, словно обдумав свою мысль. — Но я не хотела бы вам мешать.

— Пойдем в мой кабинет, — сказала бабушка. — Там тебя никто не услышит, — и она увела девушку.

Через несколько минут та вернулась повеселевшая. Гусев тут же подскочил к ней и стал потчевать пирогом. Я потянулся к бокалу, чтобы налить ей трехцветный кос, но этот нахал опередил меня. Она взяла бокал, улыбнулась Пашке, а в мою сторону даже не посмотрела. Да и зачем ей на меня смотреть, если я, профессор кафедры экстремальных состояний, в институте торчу у нее перед глазами четыре дня в неделю? Я глядел, как она пьет кос, — красные, оранжевые и синие струйки извивались в бокале,

не смешиваясь и не меняя цвета, — и Тина нравилась мне все больше и больше. Я еще раз позавидовал Пашке, что у него такая девушка, и со вздохом повернулся к нему, чтобы послушать, о чем он разглагольствует. А говорил он, оказывается, о том, что скоро Тина станет кандидатом наук.

— Ты, Пашенька, слегка преувеличиваешь, — сказал я мягко. — Диссертация еще не готова, так что раньше будущего года защиты не будет.

— Ты, Лешенька, слегка вздремнул и все прослушал, — нахально заявил Гусев. — Под твоим руководством она может еще пять лет без толку провозиться. Я говорю о другой диссертации.

И тут я с удивлением узнал, что у Тины готова диссертация на звание кандидата экономических наук.

— И какова тема диссертации?

— «Пути перехода от феодализма к коммунизму», — ответила вместо Тины бабушка. В этом доме положительно все, кроме меня, знали об этой девушке массу интересного. — По-моему, очень любопытная тема. Тина мне как-то рассказывала…

— Как, как? — я не поверил своим ушам. — От феодализма к коммунизму? Это что — самая актуальная проблема современности?

Тина пожала плечами.

— У нас в Институте первобытной экономики считают эту проблему очень важной.

— Да где ты найдешь феодализм в двадцать седьмом веке? — чуть не закричал я. — В созвездии Гончих Псов?

— А хотя бы и так, — снова вмешалась бабушка. — Или тебя волнуют только твои турниры? Кстати, они пришли к нам из феодальных времен.

Эти слова меня сразу отрезвили. Я виновато посмотрел но Тину, но тут замигал огонек над дверью — кто-то просил разрешения войти.

Вслед за бабушкой вошел высокий плотный человек, вежливо наклонил голову — сначала в сторону Тины, потом в мою и Гусева — и поздоровался.

— Я робот номер… — гость назвал несколько цифр. — Кто из вас Алексей Северцев?

Он был одет в обычное платье, и его выдавало лишь чуть застывшее выражение лица — впрочем, довольно приятного, — чересчур равномерные движения да еще тембр голоса. В остальном он был совсем как человек — ростом почти не уступал мне, но казался пошире в плечах, двигался уверенно и держался с достоинством.

Я встал из кресла и назвался.

— Имею честь вручить лично вам строго конфиденциальное письмо. — Робот достал из кармана модного костюма конверт и протянул его мне. — Отправитель этого письма просит, чтобы содержание его осталось в тайне.

Я никогда еще не получал секретных писем и растерянно взял конверт, не зная, что с ним делать. Я посмотрел на бабушку — она пожала плечами, на Тину — та глядела в окно, на Пашку — тот сделал круглые глаза и отвернулся.

Я развернул письмо. Оно было напечатано на старинной настоящей бумаге. В верхнем углу голубого листа красовался гербовый щит — я, рыцарь межпланетного класса, в геральдике разбирался хорошо. Герб изображал царскую корону, над которой светало зеленое солнце. Я взглянул на герб мельком, посмотрел на подпись — ее не было, — и стал читать.

Вот что было в письме.

«Рыцарю Черной Башни Алексею Северцеву.

Мне давно известно о вас как о человеке отважном, благородном и мудром. Именно таким должен быть тот, кому смогу я доверить свою судьбу, свое счастье, свою жизнь. Страшное положение, в котором я нахожусь, абсолютно исключает все пути, которые мог бы предложить для моего спасения непосвященный. Меня может спасти только один человек, и этот человек — вы.

Если мое письмо, этот вопль о спасении, затронуло вашу душу, если вы захотите хотя бы выслушать меня — приходите. Мой посланник проводит вас. Но торопитесь! Сегодня все еще в нашей власти. Завтра, возможно, будет поздно».

Я перечитал письмо три раза. Все было ясно и в то же время непонятно. Я даже не мог догадаться, кто пишет— мужчина или женщина.

— Куда мне надо ехать? — спросил я робота.

— Мне поручено доставить вас на место, — ответил тот, — Автокиб ждет вас внизу.

— Ты надолго? — спросил Гусев.

Я посмотрел на робота.

— Вы возвратитесь, как только пожелаете. Может быть, через час или полтора.

— Тогда я пойду, — сказала Тина. — Не провожайте меня.

Она попрощалась со мной и Пашкой, чмокнула бабусю и вышла.

— Я сейчас спущусь, — сказал я роботу. — Подождите меня

внизу.

— Пожалуй, я тоже пойду, — вздохнул Гусев. — Пока. Утром поговорим.

— Как ты думаешь, бабуся, он ей очень нравится? — спросил я неожиданно для самого себя и смутился.

— Он — ей? — переспросила бабуся. — Знаешь, Лешенька, мне почему-то кажется, что он ей совсем не нравится…

Глава 3. Принцесса Изумрудной звезды не хочет замуж

Выйдя из лифта, я остановился на тротуаре, ища глазами своего провожатого. Но кроме мальчишки, который ел вишни из большого пакета, никого не было видно. Он, видимо, стоял тут давно — выплевывал косточки прямо на тротуар, и у его ног на голубом резинобетоне их валялось изрядное количество. Рядом суетился жукоглазый уборщик, стараясь собрать мусор, а мальчишка с видимым удовольствием отпихивал его ногой. Бедняга автомат отпрыгивал, потом, обиженно повертев усами, подбирался к нахалу с другой стороны, но опять получал пинок.

Тут возле тротуара остановился автокиб, и таинственный робот-посланник пригласил меня сесть.

— Мальчик, не мешай автомату, — сказал я строго.

Мальчишка громко рассмеялся и стрельнул в меня косточкой.

— А зачем этот дурак хотел утащить мои вишни, — сказал он. — Я только положил, а он выскочил и цоп их… Пускай теперь помучается.

— Ну, ну, — пробормотал я. — А живот у тебя не заболит?

Наверно, такая же мысль уже приходила, шалопаю в голову. Отъезжая, я увидел, как он высыпал весь пакет прямо на неповинного мусорщика и отправился восвояси.

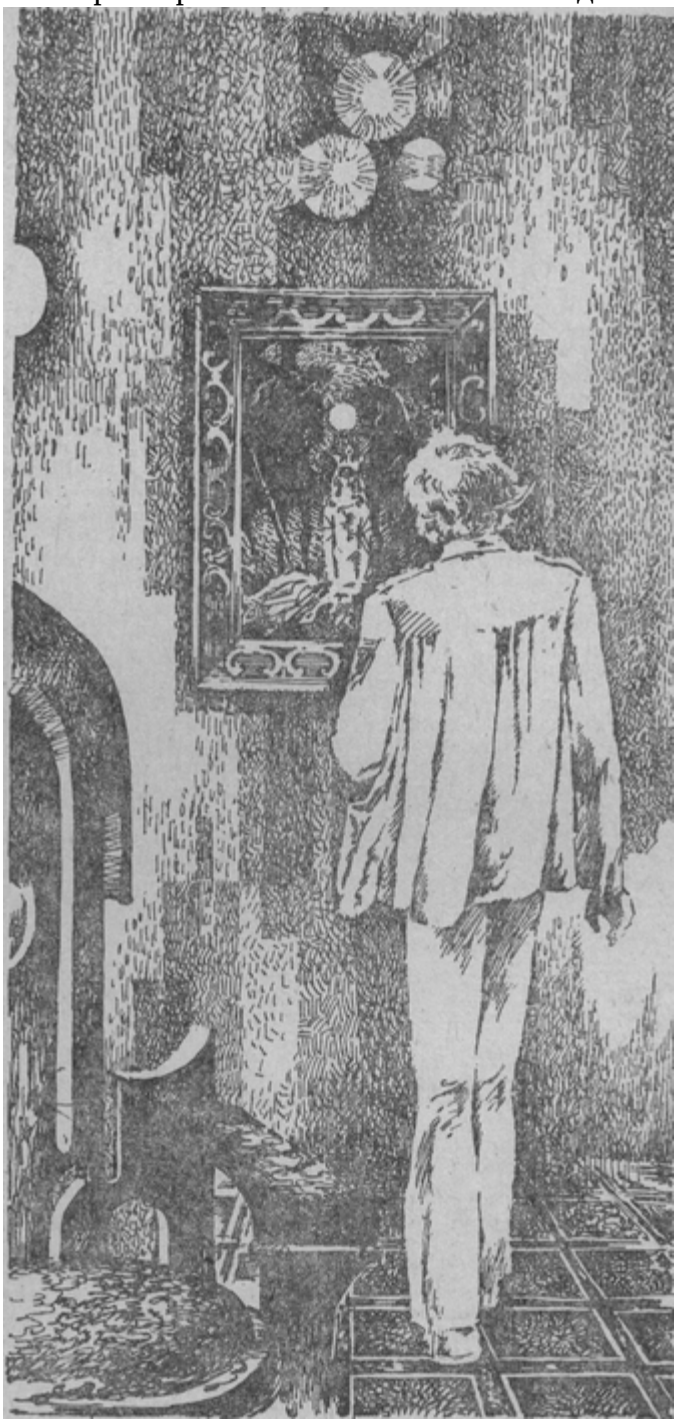
Мы ехали минут двадцать. Иногда я замечал, что направление движения меняется. Очевидно, мы кружили по транспортным туннелям, запутывая след.

Автокиб остановился у подъезда обычного дома, каких в любом городишке наберется сотня. Мы вошли внутрь и поднялись на лифте. Робот распахнул передо мной дверь, и мы очутились в большом холле.

Я огляделся. Стены холла были украшены вьющейся зеленью. Левая — прозрачная и явно раздвижная — стена отделяла комнату от глубокой лоджии. В правой стене виднелся камин, возле него стояли кресла, а на полу валялась медвежья шкура, скорее всего синтетическая. В дальнем углу стоял цветорояль. Все было как обычно, обстановка ничем не выдавала вкусов хозяина или рода его занятий, и если бы не картина на стене, противоположной входу, я мог бы принять это помещение за не очень уютный вестибюль гостиницы.

Уже первый взгляд на картину заставил меня внутренне вздрогнуть, и я торопливо сделал несколько шагов, чтобы рассмотреть ее вблизи, потому что на ней была изображена

девушка, с которой я расстался всего полчаса назад.



Картина висела в центре стены, и больше ничего на этой стене не было. Изумительной красоты девушка с царской короной на голове полными слез глазами смотрела куда-то вдаль,

бессильно уронив руки на каменное надгробье с изображением такой же короны. А за ее спиной возвышались две зловещие фигуры — два конных рыцаря в старинных черных латах, какие существовали на нашей планете, наверно, больше тысячи лет назад, — и копья их, опущенные к земле, почти упирались девушке в спину, а лица были жестоки, — такими не бывают, не должны быть лица разумных существ. Я уже разглядел, что изображенная на картине девушка — не Тина, но сходство было очень велико, и я все смотрел на картину, не понимая, что все это должно означать и почему у рыцарей на картине беспощадные глаза убийц. За спиной девушки простиралась зеленая равнина, залитая светом зеленого солнца, а на дневном небе отчего-то горели редкие яркие звезды. Частично по этому, а еще больше по вооружению рыцарей я понял, что картина написана не на Земле — мне было достаточно беглого взгляда, чтобы заметить многочисленные отличия в конструкции кирас, шлемов, поножей, наплечников от существующих или существовавших когда-то. Я увидел, что на поясе одного из рыцарей, наиболее свирепого и мрачного, висит мизерикорд — трехгранный кинжал-игла, единственное назначение которого — закалывать сквозь броню поверженного противника, и это сразу убедило меня в том, что рыцари на картине не имеют ничего общего с веселыми, дружелюбными спортсменами ста сорока трех планет, на которых живут люди, увлекающиеся благородным конным боем.

— Здравствуйте, Алексей Северцев, — раздалось у меня за спиной.

Я стремительно повернулся. Передо мной стояла девушка, изображенная на картине, и в первый момент я был готов поклясться, что это Тина.

— Здравствуйте, — пробормотал я.

Картина настроила меня отнюдь не на благодушный лад — я не люблю, когда люди носят с собой оружие не для спорта, а для убийства, — но девушка была так похожа на Тину и так хороша, что мысли мои спутались.

— Я видела ваш бой. Поздравляю. Это было великолепно, — сказала девушка. — Я долго колебалась, к кому обратиться, но этот бой решил все. Вы действительно сильнейший рыцарь на планете, и только вы сможете меня спасти.

Она пригласила меня сесть. Я вдруг поймал себя на том, что втайне любуюсь ею и одновременно анализирую — тембр голоса, походку, черты лица, движения рук. Сходство с Тиной было очень велико, но я обнаружил и массу различий, которые, впрочем, не только не портили, но, казалось, еще больше украшали незнакомку.

— Я должна извиниться за странный способ приглашения, — она смущенно улыбнулась. — Но вы поймете, что иначе поступить я не могла. Перед тем как назвать свое имя, я должна попросить вас сохранить этот визит и весь наш разговор в тайне. Я буду с вами совершенно откровенна. Возможно, от вашего молчания зависит моя жизнь. Вы обещаете?

— Обещаю, — выдавил я и спросил, нет ли у нее сестры-близнеца.

Но она только покачала головой.

— У меня на всей планете нет ни близких, ни родственников. Я ведь не землянка. Я принцесса Изумрудной звезды — так наше солнце называется в ваших справочниках. Мне двадцать лет, меня зовут Ганелона, я люблю одного человека, а должна буду выйти за другого, — она показала на правого рыцаря, который носил на поясе «кинжал милосердия», — да, за него, кавалера Рюделя. И если это случится, я умру!

В ее прекрасных глазах уже блестели слезы, и я понял, что дело плохо.

— А вы не выходите, — посоветовал я, пытаясь обратить все в шутку. — Выходите за своего любимого. Или он вас не любит?

— Не смейтесь, пожалуйста, — тихо сказала она. — Это очень серьезно. Я вам сейчас всё объясню.

Вот что она рассказала.

Их немноголюдная планета, которую у нас по имени звезды называют Изумрудной, очень похожа на Землю. На ней имеется единственный материк и всего одно государство, управляемое королем, власть которого передается по наследству, На Изумрудной женщин почему-то гораздо меньше, чем мужчин, поэтому замужество— святой долг, высшая гражданская обязанность для каждой женщины. Многовековые традиции не делают исключений ни для кого, в том числе и для королевских дочерей. А их у недавно умершего монарха, отца Ганелоны, было три. По законам Изумрудной власть перешла к Ганелоне, но только до замужества — едва принцесса выйдет замуж, полновластным повелителем станет ее супруг. Увы, принцессы не вольны выбирать себе мужа — их, как драгоценный приз, разыгрывают между собой наиболее достойные претенденты, разыгрывают (я был попросту потрясен, когда услышал это) в конном рыцарском бою, и награда достается тому, кто выбьет из седла остальных претендентов.

— А я не хочу за него замуж, — говорила Ганелона, ломая руки. — Я люблю другого, люблю больше жизни, а этот… этот… — она кивнула на картину. — Это зверь, а не человек! Это палач! Убийца! Садист! Я боюсь его…

И я узнал, что кавалер Рюдель — непревзойденный боец на копьях, мечах, топорах, который не проиграл еще ни одного поединка, который убил и искалечил несколько десятков противников в открытом бою и, как поговаривают, не меньшее число их устранил со своего пути другими способами.

— Я не удивлюсь, если узнаю, что смерть моего отца — тоже дело его рук. Это страшный человек! И он давно домогается меня. Я потому и скрылась сюда, на Землю, чтобы спастись от него. Но он нашел меня и тут.

— Ну, уж здесь-то он не заставит вас выйти за него, — сказал я. — Оставайтесь на Земле, вызовите своего любимого и живите на здоровье. Сдалось вам это царство — от него, по-моему, одни неприятности.

— У нас же наследственная власть! Поэтому я обязана выйти замуж. А если я откажусь, меня убьют, власть перейдет к средней сестре, и все начнется сначала.

— Как это — убьют? — не поверил я. — Дикость какая-то! Разве можно взять и убить человека? Да и как они это сделают? Мы же можем просто закрыть ВП-станцию, и никто не сумеет попасть на Землю.

— Поздно, — прошептала она. — Они уже здесь…

И она поведала мне историю своего неудачного бегства.

— Я была первой, кто покинул планету. Отец, очевидно, понимал, что мне грозит опасность, и отправил сюда. Но потом он умер… Или его убили. Мне сообщил об этом художник Летур — преданный нашей семье человек. Он и написал вот эту картину, когда я ездила на похороны отца. Потом я вернулась, а вскоре приехал он, привез законченную картину. И вдруг исчез. Я забеспокоилась, стала узнавать, не вернулся ли он. Но диспетчерская ВП-связи ответила, что никто на Изумрудную не возвращался, наоборот, оттуда приехали на Землю десять человек. И я знаю — зачем. Чтобы меня убить…

Ее голос упал почти до шепота. Я подумал, что девушка чересчур нервничает, и постарался ее успокоить. Но тут наш разговор был прерван появлением робота.

— Прошу меня извинить, — сказал он. — Но дело не терпит отлагательства.

Он вышел на середину комнаты, широко раскинул руки и сделал пол-оборота на пятках. Я смотрел на него с недоумением. А он двинулся к стене, где висел мой плащ, и стал внимательно его осматривать. Потом снял с него что-то и приблизился к нам.

— Посмотрите, — сказал он, протягивая какой-то шарик.

Я взглянул на шарик и вспомнил.

— Да это вишневая косточка! Тот сорванец стрельнул ею в

меня…

— Внутри этой косточки, — возразил робот, — находится передатчик, который транслировал весь ваш разговор, пока я не запеленговал и не заглушил его. '

— Вот видите! — прошептала девушка. — Это они! Я не успела вам сказать, что получила письмо с требованием вернуться и сразу сменила квартиру. Но они меня выследили!

Робот сдавил пальцы, и косточка лопнула. Да, это был передатчик — изнутри сразу выскочила крохотная спиральная антенна. Я оторвал ее и с омерзением отбросил.

— Скажите, Ганелона, а у вас не принято отречение от престола или что-нибудь в этом роде? Может быть, тогда Рюдель оставит вас в покое?

— Я уже думала об этом. Но ведь дело не только во мне. Отрекусь я — он станет домогаться моей сестры, и результат, будет тот же — он станет королем. А это ужасно! Мне просто страшно подумать, что станет с моим народом, если Рюдель и его шайка захватят власть.

— А у этого Рюделя много сторонников?

— Рюдель принадлежит к цвету нашего дворянства — у нас их называют кавалерами. Но кавалеры никогда не были реальной силой. Это богатые бездельники, которых интересуют только развлечения… Пожалуй, главная его опора — Черный совет, о котором я, увы, ничего не знаю. Могу только догадываться, что эта организация создана заправилами промышленного комплекса и выполняет функции тайной полиции. А Рюдель — глава Черного совета.

— Так ваша Изумрудная — индустриальное государство? А я подумал было, что у вас милая феодальная монархия.

— А во главе — добрый дедушка-король? Боюсь, что ничего похожего вы не увидите. Мне больно так говорить, но после того, как отец отправил меня сюда, я начала подозревать, что король на нашей планете — фигура номинальная, а истинная власть принадлежит кому-то другому. И, видимо, настало время, когда истинный властитель решил выйти из тени. Смерть отца открыла ему дорогу.

— Значит, нам остается…

— Да, только одно: победить Рюделя в открытом бою. И вы сумеете это сделать!

Я взглянул на изображение кавалера Рюделя. Судя по всему, это был прекрасный боец, который к тому же не уступал мне ни в росте, ни в весе. Но конь у него был жидковат… Да, неплохо было бы сойтись с этим кавалером на копьях и посмотреть, как он будет лететь из седла!

— Но если я потом откажусь от вас, все претенденты снова предъявят свои права?

— Нашими обычаями это запрещается.

— Значит, им придется остаться в холостяках?

— Нет, они могут сражаться за моих старших сестер.

— Как старших? — переспросил я. — Разве вы — не самая старшая?

— Нет, я моложе их. У нас власть переходит к младшему из наследников.

— Ничего не понимаю… Чем это вызвано?

Девушка вздохнула.

— У нас очень короткая жизнь, — тихо сказала она. — Мужчины живут сорок ваших лет, женщины — тридцать. Чем младше правитель, тем дольше он проживет. Я буду жить еще десять лет. А потом умру — сразу, без боли, без мучений. У нас все так умирают.

— Но почему, почему? — чуть не закричал я.

То, что она говорила, было чудовищно. Не могут, не должны умирать люди в самом расцвете сил! Я попросту не мог поверить, что где-то во вселенной существует такая нелепость, подлая гримаса природы — генетики, наследственности или не знаю чего еще.

— Так угодно Кресту… — тихо ответила девушка.

— Что? Что вы сказали? Какому Кресту? Почему — угодно?

— Я не знаю… Но наша жизнь и смерть — во власти Креста. А он всем дает равную жизнь и равную смерть…

Глава 4. Финал Малого Спора

Утром, едва я успел спустить пятки на ковер, Гусев высветился во весь экран и с места в карьер атаковал меня сотней вопросов — где я был, — что делал, куда хочу пойти, буду ли участвовать в Большом Споре? Я отшутился, сказав, что меня похитили влюбленные болельщики, а к Спору давно готов.

— Так что же ты рассиживаешь? — возмущенно завопил Пашка. — Уже восемь, а ты только-только глаза продрал! Сегодня же Спор кузнецов! И мы с Тиной придем болеть за тебя!

Действительно, я совсем позабыл, что сегодня начинается финал Малого Спора, который в конечном итоге определит участников Большого Спора. «Сделай сам» — так когда-то давно называлось это увлекательное состязание, охватившее миллионы людей. С тех пор как машины стали делать абсолютно все, что необходимо человеку, причем в любых количествах, проблема свободного времени стала необычайно острой. Началось это несколько сотен лет назад, и наше поколение знает обо всем, что происходило тогда, только по книгам. Я читал, например, что многие серьезные ученые, а также большие группы населения выступали против дальнейшего сокращения рабочего дня, который тогда снизился до четырех часов, а кое-кто даже ратовал за его увеличение. Группа энтузиастов, призвавшая людей совершенствоваться в ручном труде для изготовления кустарных и, откровенно говоря, никому не нужных вещей, долгое время оставалась незамеченной. Но когда выставку их работ показали по всемирной сети телевидения и миллиарды людей, у которых была масса свободного времени, вдруг увидели великолепные часы, кувшины, кружева, украшения, модели древних кораблей, мебель, музыкальные инструменты, изготовленные вручную, и, главное, увидели, как это делается, началось что-то необыкновенное. Общества, кружки, союзы, объединения любителей самоделок вырастали как грибы после дождя и, что самое удивительное, не распадались. Люди, привыкшие получать все или почти все набором нужного кода на шифраторе сети снабжения, вдруг поняли, как это прекрасно — изготовить вещь своими руками. Полустихийно возникали конкурсы умельцев, которые, как лавина, вовлекали в свою орбиту новые миллионы людей. Через сотню лет название «сделай сам» почти забылось и всепланетный конкурс получил громкое и гордое название «Большой Спор». Победителю не полагалось никаких наград — ни грамот, ни медалей. Наивысшей наградой было сознание, что ты сам, вот этими руками, сделал вещь, которой сейчас любуются

девяносто два миллиарда человек на ста сорока трех планетах.

Малый Спор был фактически состязанием по профессиям. Он не знал никаких ограничений, кроме единственного. Участникам Малого Спора запрещалось использовать какие-либо механизированные или автоматизированные инструменты. Отверстия приходилось сверлить ручной дрелью или пробивать зубилом, клепать — простым молотком, обрабатывать изделия вручную — напильниками, наждаком, алмазной пылью, пастами. Никаких электронных пил, лазерных сверлилок, высокочастотной сварки! Никаких вибрострогалок, импульсных полировок, анодно-молекулярных резаков! Все — только своими руками, своим потом, своими мозолями!

Я участвовал в Малом Споре кузнецов уже не раз. Меч, которым я срубил плюмаж рыцаря Леопарда, был выкован мною собственноручно. Это был прекрасный боевой меч с булатным клинком. Мне пришлось больше года рыться в трудах древних металлургов — Аносова, Бардина, Тер-Ованесяна и других, месяцами дневать и ночевать в кузницах. Я перепортил уйму металла, прежде чем овладел всеми секретами выплавки, ковки, закалки клинков. Но теперь мои клинки перерубали с одинаковой легкостью тончайший платок, подброшенный в воздух, и железный прут в два пальца толщиной. Будь у моего противника обычный меч, я разрубил бы его одним ударом. Но он бился со мной таким же булатным мечом, который я подарил ему месяц назад, — по кодексу конных рыцарей бой мог вестись только равным оружием. Теперь я хотел сделать еще один меч — для Олимпийских игр, поэтому изучил чеканку, золочение, финифть, гравировку по металлу, инкрустацию, ювелирное дело, — мне хотелось, чтобы это был не только боевой, но и парадный меч. Я назвал его старинным именем Эскалибур — рубящий железо…

В Дом Техники я приехал гораздо раньше, чем мы договорились, и долго болтался у паркинга, поджидая Гусева и Тину — нет, Тину и Гусева. Мне очень хотелось увидеть, как они приедут — вместе или порознь, будут ли идти под руку… Я вспоминал, каким сухарем держался с нею на занятиях в институте, и проклинал себя за то, что раньше не рассмотрел эту удивительную девушку. Интересно, что она нашла в рыжем растрепанном Гусеве, который, пожалуй, ниже ее ростом?.. Тут рыжий растрепанный Гусев хлопнул меня по плечу, а позади него засмеялась Тина — я все-таки прозевал их приезд. Я смотрел на них, этих самых близких и дорогих мне людей (кроме, конечно, бабуси), и мне тоже стало весело. Мы стояли и смеялись, сами не зная почему, и проходившие мимо люди тоже улыбались, глядя на нас, и волны хорошего настроения растекались вокруг все

дальше и дальше.

Потом мелодичный перезвон позвал нас внутрь — начинался финал Малого Спора. Я надел свой комбинезон с литерами участника и встал у верстака, где лежал почти готовый Эскалибур. Верстак, напоминавший сказочную птицу, был сделан словно специально для меня — узкая длинная полка из какого-то легкого серовато-серебристого сплава покоилась на изящно изогнутой ножке, которая вверху превращалась в подобие лебединой шеи. Там, где полагалось быть голове, находилась автоматическая кассета, которая сама выдвигала нужный инструмент, едва я протягивал руку. Я коснулся пальцем зажимов, и они намертво схватили меч, а два ярких глаза осветили рабочее место.

Мне понадобилось совсем немного времени — каких-нибудь сорок минут, чтобы доделать разные мелочи. По заполненному людьми залу бесшумно скользили телекамеры. Одна из них подъехала ко мне и заглянула через плечо, другая уставила свой глаз от соседнего верстака. Я как раз вставил в оправу большой рубин, венчающий рукоятку, и снимал с клинка промасленную пленку. Меч засверкал под светом юпитеров, когда я стер с него остатки смазки и стал протирать замшей. Я нажал кнопку на верстаке, и надо мной вспыхнула красная звездочка, означающая, что работа окончена. Сверху, с галереи для зрителей, раздались аплодисменты — это старались Тина и Павел. Меня окружили судьи, меч переходил из рук в руки, что-то говорил диктор телевидения. Тина взмахнула рукой, и ко мне на верстак упала красная роза. Я спрятал ее в нагрудный карман комбинезона и тут с ужасом услышал, что диктор рассказывает обо мне.

— Вы все вчера видели блистательную победу рыцаря Черной Башни над рыцарем Леопарда. Победитель этой схватки сейчас перед вами. Его зовут…

Я не дал ему закончить, быстро шагнул вперед и накрыл микрофон ладонью. Уж эти мне телекомментаторы! Успей он назвать мое имя, мне завтра не было бы прохода от болельщиков и болельщиц… Выдирая микрофон из его рук, я незаметно для всех сильно наступил ему на ногу. Диктор подпрыгнул и от неожиданности наконец-то выпустил микрофон.

— Разрешите, уважаемые телезрители, остаться для вас только рыцарем Черной Башни, — сказал я, улыбаясь телекамере. — Я пока не спешу раскрыть свое инкогнито — извините, что пользуюсь этим своим правом. Надеюсь, что с новым мечом в руках я сдержу не одну победу на Галактических Олимпийских играх, — я вежливо вернул микрофон его хозяину и взял в руки Эскалибур.

— А правда, что таким мечом вы можете развалить надвое человека? — спросил меня комментатор. Он явно разозлился на мою выходку и от злости не сумел придумать вопроса умнее.

— Да, конечно, — ответил я, по-прежнему безмятежно улыбаясь. — Позвольте начать с вас? — и я поднял меч.

Кругом засмеялись, а красный, как рак, комментатор на всякий случай попятился. Сверху мне махала и улыбалась Тина, и я почувствовал вдруг огромный прилив сил.

— Смотрите! — крикнул я и вскочил на верстак.

В сиянии юпитеров меч, как пропеллер, описал в моих руках вертикальный круг. Все смотрели на меня выжидательно— никто не обратил внимания на легкий удар и на то, что перед моими ботинками на верстаке появилась откуда-то поперечная черта.

— Ну и что? — спросил кто-то недоуменно.

Тогда я засмеялся и спрыгнул на пол, и от этого толчка разрубленный мною верстак развалился на две части.

Глава 5. Меня приглашают в Дом Без Окон

За последнюю неделю я несколько раз встречался с Ганелоной — надо было обсудить множество деталей, получить от нее документы на право посещения Изумрудной, потренироваться в языке (их Единый звучал для нас архаично, и мне пришлось ночей пять провести с гипнопедом), разузнать о ритуале рыцарских схваток. Кроме того, я должен был пройти курс прививок и сдать зачет по самопомощи, обязательный перед посещением других планет. С удивлением я узнал, что на Изумрудной существует денежная система. Об этой непременной особенности первобытных цивилизаций я совершенно позабыл, с деньгами обращаться не умел.

— Не смущайтесь, Алексей, — подбадривала меня Ганелона. — Я снабжу вас достаточной суммой, и, кроме того, вы сможете обратиться там к верным людям — я расскажу, как это сделать. Да, кстати, вы не будете возражать, если я дам вам провожатого? — И она показала на робота. — Он теперь просто напичкан разнообразнейшими сведениями об Изумрудной.

Тот вежливо наклонил голову и сказал:

— Я буду польщен, если сумею оказаться вам полезным.

— А что вы умеете? — спросил я с сомнением.

— О, не беспокойтесь. Я сделан надежно и с расчетом на самые неожиданные ситуации. Я сильнее любого человека, не нуждаюсь в еде, питье и атмосфере, хорошо вооружен, имею радиосвязь. Знаю приемы первой помощи, разбираюсь в технике, умею производить многие ремонтные работы, могу служить транспортным средством. Энергией заряжен на полтора года. Кроме того, я ничего не забываю, никогда не сплю, вижу в темноте, могу служить переводчиком с сорока языков, а также расчетчиком, справочником по основным разделам науки и техники…

— Довольно, довольно, — замахал я руками. — Вы меня убедили. Буду рад иметь такого спутника. Но только скажите, пожалуйста, как я должен вас называть? У вас есть какое-нибудь имя, номер или позывные?

— Называйте меня Петровичем, — сказал робот. — Мы, роботы, все считаем себя сыновьями нашего изобретателя, Петра Ивановича Федосеева, и любим, когда нас называют Петровичами.

— Ну-ну, — пробормотал я. — Значит, будем знакомы. Зовите меня Алексеем. И предлагаю перейти на «ты».

— Согласен, Алексей, — ответил он.

Я впервые в жизни пожимал руку роботу и очень удивился, что она оказалась самая обыкновенная — может быть, лишь чуть более твердая, чем у меня. По моим представлениям, рука механического существа должна была напоминать клещи.

— Петрович, а ты действительно очень сильный? — спросил я.

Робот взял стоявшую у камина кочергу.

— Ты сможешь ее сломать? — спросил он.

Кочерга была отштампована в высокочастотном поле из терилакса. Сломать ее? Вот если ударить по ней Эскалибуром…

Тут у меня от удивления глаза полезли на лоб — робот разжал кулак, и на пол упали две половинки кочерги. Я только развел руками.

— Да, Петрович, с тобой будет не страшно в любых переделках, — сказал я серьезно. — А вам, Ганелона, я сделаю другую кочергу — из настоящего железа.

— Я буду этому очень рада, — улыбнулась принцесса, вскидывая на меня свои огромные глаза.

Меня словно жаром обдало. Нет, до чего же она похожа на Тину!

Вечером мы с бабусей распивали чаи. На столе пел самовар — правда, не старинный, с огнем и дымом, а стилизованный, аккумуляторный. Бабушка дула на блюдце и косила глаза на какую-то очень древнюю и дряхлую книгу, время от времени осторожно перелистывая желтые страницы.

— Что ты читаешь? — спросил я.

— О, это замечательная книга. Я разыскивала ее лет сорок и вот с трудом нашла в одной частной коллекции. Это «Книга Молоховец», — с гордостью возвестила она. — Слышал?

— Конечно, конечно, — с энтузиазмом ответил я. — Как же можно не слышать! Книга Бытия, Книга Экклезиаст и Книга Молоховец — это же основа человеческой культуры! — И я продекламировал:

> Всему свой час, и время всякому делу под небесами:
> Время родиться и время умирать,
> Время насаждать и время вырывать насажденья,
> Время убивать и время исцелять…

— Ну вот, понесло тебя, — пробурчала бабушка, отрываясь от книги. — Если не знаешь, то так и скажи.

— Ф шисни не слыхифал, — сознался я, заталкивая в рот

огромный кусок хлеба с вареньем. — Кто же этот Молоховец? Пророк или философ?

— Елена Молоховец была замечательная русская женщина, жившая где-то в XIX веке. Она принесла человечеству больше пользы, чем сотни пророков, вместе взятых! Она научила людей, как надо вкусно готовить.

— Что-что?

— Да, она написала прекрасную поваренную книгу, вот эгу самую, которая выдержала десятки изданий. Если бы не она, многие уникальные рецепты русской кухни пропали бы бесследно. Вот слушай: «Уха из стерляди с шампанским…». Ты пробовал хоть раз такую? «Цыплята, фаршированные малороссийским салом… Яйца выпускные под соусом…» Или вот: «Гренки с мармеладом из чернослива». Это специально для тебя — ты же у меня сластена. На днях тебе сделаю.

— Угу, — сказал я. — Только я, бабуся, уезжаю.

— Опять на сборы? Или, может быть, в Гималаи?

— При чем тут Гималаи, — буркнул я. В Гималаях, как я знал, собиралась проводить свой отпуск Тина. — Я отправляюсь на Изумрудную.

— Это что — какой-нибудь спортлагерь?

— Нет, это планета.

— Значит, в космонавты записался… — Она о чем-то задумалась и вдруг сделала совершенно неожиданный вывод. — Женить тебя надо, голубчика.

— Бабушка, при чем здесь женитьба? У меня и девушки-то нет.

— И не будет никогда, если и дальше станешь от них прятаться.

— Да разве это девушки? Им все равно — что я, что Баязет, лишь бы знаменитость.

— Зачем ты говоришь неправду? А Тина? Неужели она тебе тоже не нравится?

Я постарался спрятаться за самоваром.

— Ах, бабушка, ну что ты говоришь! Тина — подружка моего товарища, моего тренера. Она дружит с ним больше года. При чем тут я?

— Вот-вот, и я то же самое говорю. Год дружат и еще десять лет будут дружить, а может, и двадцать. Твой Гусев хороший человек, хоть и пустой, но эта девушка не для него.

— Почему это Павел пустой? — громко возмутился я, обрадовавшись возможности переменить тему. — Ты же знаешь, какой это замечательный товарищ! Да он руку даст отрубить за меня!

— Насчет руки или ноги не знаю, а что парень он не стоящий, уверена. А ты Тине нравишься — вот тут уж я готова дать руку на отсечение.

Бабушка уверенно сворачивала разговор на свое. Мне было приятно слышать то, что она говорит о Тине, но обсуждать эту тему ни с кем не хотелось. К тому же бабушка явно преувеличивала — следов интереса к своей особе со стороны Тины я не замечал. А вот нападки на Гусева меня всерьез разозлили.

— Ты разве забыла, что он спас меня на Яблоновом хребте? У меня окоченели руки, и самое большее минут через пять я загремел бы вниз. А Павел пошел ко мне без страховки, не дожидаясь остальных, рискуя свалиться тоже. Потому что знал, что я долго не продержусь.

— Так я не говорю, что он злыдень какой-нибудь. Просто не тот он человек, с которым тебе надо дружить.

— Бабушка, я же тебе друзей не выбираю, — ляпнул я, не подумав.

Это было очень грубо и невежливо. Бабушка обиделась, поджала губы и замолчала. Чай мы допили в полной тишине. И только когда я встал и буркнул «спасибо», она сказала:

— Тебе какой-то конверт прислали.

Это было приглашение явиться к Верховному комиссару Звездного Совета.

Стоэтажная башня Звездного Совета была самым высоким зданием столицы. Возвели ее двести лет назад, когда архитекторов охватила очередная лихорадка новаторства. Здания-шары, здания-деревья, здания-зонты, здания-пирамиды были уже пройденным этапом. Новым увлечением стали здания без окон. Строить их — дешево, рационально, быстро, — так уверяли авторы проектов. Телеэкраны во всю стену прекрасно заменят окна, и видеть в них можно будет не изо дня в день одно и то же, а любой пейзаж по выбору — море, горы, лес, Ниагару, Сахару. Были даже запущены специальные «пейзажные» спутники, которые транслировали по сорока каналам сорок разных пейзажей — с ветром, птицами, восходами и закатами. Постепенно число пейзажей довели до полутора сотен, включив в них морское дно и марсианскую пустыню. Но мода на телеокна быстро прошла, жить среди телефицированных стен мало кому понравилось, и здания без окон потихоньку переделали в обычные. Теперь их осталось совсем мало, в основном административные; здание Звездного Совета было среди них самым известным…

В вестибюле меня встретила очаровательная блондинка в голубой униформе. Я показал ей приглашение. Она сразу засуетилась, стреляя в меня красивыми глазками.

— Я знаю о вас… Меня предупредили, что вы придете… Верховный комиссар вас ожидает. — Она сказала несколько слов в микрофон, приколотый к ее форменной блузке вместо брошки. — Разрешите вас проводить.

Она так таращила на меня глаза, словно я был по крайней мере о двух головах, и все о чем-то щебетала. А в кабине лифта вдруг спросила:

— Скажите, вы действительно… рыцарь Черной Башни? Я видела вас на Малом Споре и запомнила. Меня зовут Виола. Можно, мы теперь будем знакомы? Я так люблю конный бой — не пропустила ни одного соревнования!

Ах, нелегкая тебя возьми! Я огляделся, но из лифта выскочить было невозможно. Конечно, она прочитала в приглашении мою фамилию, и теперь начнутся записки, букеты, вздохи, охи. И чего занесло ее в Дом Техники?

— За кого же вы болели на Малом Споре? — спросил я, с отчаянием глядя на световое табло, цифры на котором словно заснули. Уж скорей бы доехать!

— Я сама участвовала в Споре. Я сделала тот самый верстак, который вы разрубили…

К счастью для меня, лифт, наконец, дополз до девяностого этажа, и мы вышли.

— Вы сделали замечательный верстак, — сказал я серьезно. — На нем очень удобно работать. Через неделю-две я вернусь, и мы вместе починим его…

В кабинете мне навстречу поднялся из-за стола высокий седой человек, к которому я с первого взгляда почувствовал расположение. Ему было лет сто сорок — сто шестьдесят.

— Комиссар Фаркаш, — представился он.

Я с интересом огляделся. Стол и кресла были обычные, папки, числом не больше десятка, стояли на самой простой полке, из техники я заметил только стандартный экран глобальной связи со стандартным же пультом. А во всех окнах, знаменитых телеокнах, виднелись только пейзажи Москвы — такие, какими они должны выглядеть с девяностого этажа.

— Вы скоро отбываете на Изумрудную. Вот заявка на ВП-перелет, — Фаркаш протянул мне листок бумаги. — Вас будет только двое?

— Да, я и робот Петрович. Ну и, конечно, немного вещей.

— Вы знаете, что вы первый человек, получивший разрешение посетить Изумрудную?

Это я знал — мне сообщила об этом Ганелона.

— Вот по этому-то поводу я и хотел с вами поговорить. Но сперва я кое-что расскажу вам…

Изумрудную открыли лет пятьдесят назад. Разведчики высадились на планету и попытались вступить в контакт с населением. Вначале все шло довольно мило, но потом появились представители центральной власти и дали понять, что дальнейшее общение нежелательно. Их соблазняли торговлей, обещали всяческую помощь, лекарства, развитие туризма — власти были непреклонны. Пришлось убираться не солоно хлебавши, даже не выяснив, откуда и когда взялись на Изумрудной обитатели.

Они явно были эмигрантами с Земли, даже разговаривали на Едином языке, правда, устаревшем, — видимо, планета была колонизирована кучкой беглецов еще в период создания Союза Коммунистических Республик, по времени совпавший с первыми звездными рейсами.

Разведчики подвесили на стационарной орбите ВП-станцию, а на планете оставили кабину для связи со Станцией, — это было единственное, на что удалось получить разрешение. И все эти годы никто ими не пользовался.

Теперь представьте себе ситуацию. Почти полвека на наши регулярные вызовы никто не отвечает, услугами Станции никто не пользуется. Почти полвека дежурные смены на спутнике изнывают от безделья. И вдруг Изумрудная заговорила — просят отправить на Землю пассажира, указывают, когда его забрать. Ребята рады, они сажают корабль тютелька в тютельку куда следует и видят конное войско с копьями и мечами, провожающее очень хорошенькую девушку. А по углам посадочного квадрата они видят четыре вышки, и им без бинокля видно, что на вышках сидят здоровенные верзилы с лучеметами и держат все это рыцарство и самих ребят под прицелом… Девицу, естественно, забирают. На Земле выясняется, что она наследная принцесса Изумрудной и приехала к нам учиться. Король, ее батюшка, прислал с нею слезную грамоту в наш Совет, из которой мы поняли, что он просит получше охранять его чадо, потому что ему, королю то есть, кажется, что чаду может угрожать опасность. Мы даем принцессе в сторожа робота высшего класса, снабдив его строжайшими инструкциями. Но принцессу никто не беспокоит, никто ей не угрожает. Да и кто может это сделать, если с Изумрудной не выезжала больше ни одна душа? Потом нас просят забрать королевского посланца, мы это делаем, он приезжает к принцессе, а та в слезы — оказывается, умер ее отец. Она едет его хоронить, возвращается, к ней снова приезжает тот

же самый Летур, — все идет естественным путем и тревоги не возбуждает. А потом началось… На спутнике вызов за вызовом. То двое, то трое, то сразу пятеро. Тут мы, конечно, слегка промахнулись — надо было четко знать, кого мы везем, куда и зачем. Но, поймите, у нас не было никаких причин для тревог или подозрений… До тех пор, пока не погиб Летур.

По словам Ганелоны, это был разносторонне талантливый человек, великолепный художник и ученый-энциклопедист. Правда, наука на Изумрудной какая-то странная— алхимия, да и только. Точных сведений у нас нет, а принцесса дома ничему толком не училась и мало что знает… Так вот, Летур поступил в институт и стал изучать генетику. Когда мы уже потом поинтересовались, нам рассказали, что в голове у него была каша, подготовки — никакой, наивность во многих вещах чудовищная, однако это был, бесспорно, очень, очень одаренный человек…

Мы не знаем, что с ним произошло, — может быть, просто несчастный случай. Он купался в море, — это случилось недавно в Гурзуфе, — уплыл и не вернулся. Браслет связи оставил на берегу — он всегда так делал, сколько ему ни говорили, — очевидно, считал, что вода испортит механизм. О Летуре вспомнили только на следующий день, однако сразу искать не стали — мало ли куда мог отправиться человек! Но потом ребятишки нашли в камнях одежду. Через час тело обнаружили. Он пробыл в воде почти сутки. И представьте — врачи так и не смогли сказать, отчего он умер. Подозревают, что это был паралич сердца. Словом, самая естественная причина, но… Но только трое из тех, кто недавно прибыл с Изумрудной, в тот день тоже были в Гурзуфе!..

— Поверьте, Алексей, — закончил Фаркаш, — мы проверили все, что только могли. Люди не умирают просто так, без причины, но причин нет. Есть только смутные подозрения. Эти трое Летура не убивали. Нам удалось проследить весь их путь, и мы убедились, что они нигде не вступали с ним в контакт. А за час до того, как Летур пошел купаться, эта тройка уже сидела на веранде над морем. Они пили вино, ели шашлыки и играли в эту допотопную игру… да, преферанс, на щелчки по носу. И просидели там несколько часов, никуда не отлучаясь, — игра эта затяжная.

— А где они сейчас? — спросил я.

— Уехали. Вернулись на Изумрудную. У нас не было никаких оснований их задерживать.

— Скажите, а среди тех, кто прибыл с Изумрудной, не было детей?

— Детей? — изумился Фаркаш. — А в чем дело?

Я рассказал ему историю с вишневой косточкой.

— Это был мальчишка? Вы уверены?

— Я разговаривал с ним вот так же, как сейчас с вами.

— Я проверю еще раз, но, насколько мне известно, к нам прибыли только взрослые.

Тут мне в голову пришла одна мысль, и я спросил Фаркаша, нет ли у него фотографий тех, с Изумрудной.

— Конечно, есть, — ответил комиссар. — Разрешения на ВП-перелеты выдаются только именные, с фотографией.

Он взял с полки одну из папок и достал из нее пачку цветных стереоснимков.

— Вот этого я знаю, — сказал я и протянул комиссару Фаркашу снимок. — Это кавалер Рюдель, глава Черного совета Изумрудной, главный претендент на руку принцессы Ганелоны и на королевский трон…

Глава 6. Справочник Гименея

Я разыскал Тину в лаборатории. Она уже заканчивала свои записи, и я предложил ей поужинать вместе.

— Если не возражаешь, можем поехать ко мне. Бабушка скоро укатит в какую-то Тмутаракань, а пока будет рада накормить нас. Знаешь, когда бабуся дома, она не терпит, чтобы я питался с помощью автокухни.

— Тебе хорошо живется, — вздохнула Тина. — Очень славная у тебя бабушка. И где ты ее раздобыл?

— Скажу только тебе, по секрету. — Я наклонился к самому уху девушки. — Мне ее выдали за спортивные успехи.

Мне было очень приятно идти вот так с Тиной, болтая о всяких пустяках, по открытой солнцу галерее, повисшей на высоте двадцати этажей над институтским парком. Как-то незаметно для самих себя мы остановились у перил. Отсюда, с вышины, были видны вдалеке увенчанные звездочками острия древних кремлевских башен над лентой реки и разноцветные силуэты новых зданий, и безглазая труба Звездного Совета, и ажурные километровые зонтики погоды, и переплетенья скоростных магистралей над домами и рекой. Когда я положил руку на перила, мои пальцы прикоснулись к пальцам Тины, — очевидно, она этого просто не заметила, потому, что не отодвинула руку. Я вдруг ощутил внутри какую-то сладкую пустоту и понял, что не могу сейчас ничего сказать — ну просто ни слова. Мне хотелось только, чтобы мы вот так стояли рядом и молчали, и чтобы она подольше не убирала своей руки. Я не знаю, долго ли все это продолжалось, только вдруг почувствовал, что Тина тихо вздохнула, и от этого ее грудь на секунду прикоснулась к моему локтю. Я чуть-чуть подвинул свою руку, мои пальцы скользнули по ее пальцам и сплелись с ними. Это было так невероятно, что сердце у меня в груди вдруг забухало громкими редкими ударами.

Нас вернул к действительности чей-то голос. Я не сразу понял, что этот голос мне очень хорошо знаком. По галерее спешил к нам Гусев — как всегда, взлохмаченный и суетливый.

— Вот вы где, голубчики, — кричал он еще издали. — А я обегал пол-института. Тина, ты почему без браслета?

— Я сняла его, чтобы мне не мешали работать, — ответила девушка. — Думаешь, ты один не даешь мне покоя? — Мне показалось, что она не очень обрадована появлением своего дружка.

— Какие у вас планы? — осведомился Гусев.

— Мы собрались ко мне ужинать, — сказал я. — Бабушка грозилась сделать что-то необыкновенное. Пойдешь с нами?

Я смотрел на моего тренера, на дорогого друга Пашку Гусева, и чувствовал, что впервые во мне возникает какая-то неприязнь к нему. Я его очень любил и уважал. И тем не менее сейчас при виде Гусева я ощутил глухое раздражение. Тина была его девушкой, и он ей, очевидно, нравился, она, может быть, даже любила его, поэтому я не имел никакого права становиться у него на дороге. То, что сейчас произошло на галерее (хотя там ничего не произошло — эка важность, подержал девушку за руку), казалось мне предательством по отношению к другу, и я чувствовал, что Гусев думает так же, хотя и не подает виду. Ох, как мне не хотелось, чтобы он, я и Тина ужинали вместе! Дернул черт меня за язык — не брать же приглашение обратно…

Но тут проблема решилась без моего участия. Мы уже стояли у паркинга в ожидании свободного автокиба, когда Тина сказала:

— Мальчики, вам придется ужинать без меня. Я забыла про одно срочное дело. Извините!

Она помахала нам рукой, села в подъехавший киб и укатила. Тут же второй киб остановился перед нами. Мне уже расхотелось ужинать, но ехать пришлось. Пашка тоже был не в своей тарелке — плюхнулся на сиденье и надулся, как мышь на крупу.

Я о чем-то заговорил, но Павел упорно молчал всю дорогу. Дома я зашел к бабушке поздороваться, а когда вернулся в гостиную, Гусев торчал у стола и вертел возле своего носа розу, которую мне вчера бросила Тина. Цветок стоял в вазочке с живой водою, мне хотелось законсервировать и сохранить эту розу как память о Малом Споре (а еще больше о Тине). Но теперь все пропало — консервация не получится…

— Слушай, Алексей, — сказал Павел и швырнул розу на стол. — Тина — моя девушка, и ты к ней не приставай.

— С чего ты это взял, — пробормотал я. Выпад Гусева застал меня врасплох. — Мы с ней друзья и только.

— И давно это вы подружились?

Я разозлился.

— А что, ты хочешь мне посоветовать, с кем дружить, а с кем нет?

— Можешь дружить с кем хочешь. Но не дури девчонке голову. От нее теперь только и слышишь: ах, какой рыцарь, ах, какой удар, какой сверхудар, какой сверхталант, сверхгений!

— Это она на самом деле так говорит? — спросил я с неподдельным интересом.

Павел почувствовал, что зарвался, и сбавил тон.

— Так или не так — какая разница? Она меня любит — вот

что главное. А ты ее с толку сбиваешь.

В его голосе чувствовалось сильное раздражение. Если они действительно любят друг друга, мое положение оказывалось незавидным. Хорошо, что я скоро уезжаю на Изумрудную…

Ужин был испорчен. Ели мы без всякого удовольствия, чем очень расстроили бабусю. Она сидела, поджав губы, и распрощалась с нами сухо. Я пошел проводить Павла. Мы пытались говорить о подготовке к Олимпийским играм, но разговор не клеился, и мы расстались.

Я бродил по городу довольно долго, думая о Тине и Павле. Высоко над моей головой в прозрачных трубах проносились серебристые капли магнитных поездов, еще выше проплывали дисколеты туристов, по улицам гуляли веселые, смеющиеся люди. Как всегда в это время, прошел легкий дождь, вывесив через все небо разноцветную радугу. Воздух стар удивительно свежим, запахло какими-то южными цветами. Не знаю, случайно это вышло или ноги сами привели меня, но когда я поднял голову, то увидел, что стою перед «Справочником Гименея».

Официально это здание называлось Центральным информаторием. В его огромном кристалломозге были собраны подробные сведения о всех обитателях планеты— их возрасте, внешности, вкусах, привычках, работе, увлечениях. Вначале все это мыслилось как автоматическое справочное бюро, но потом было предложено с помощью Информатория облегчить людям встречи по интересам. И сразу оказалось, что подобное учреждение просто необходимо людям. При этом большинство запросов имело целью получить информацию, облегчающую поиск подруги или друга жизни, и вскоре Информаторий иначе, чем «Справочником Гименея», почти никто не называл.

Сведения обо мне тоже хранились здесь, но я давно заблокировал свою ячейку, спасаясь от восторженных любителей и любительниц конного боя. Не так давно я заходил сюда, чтобы узнать, интересовался ли кто-нибудь моей особой. За последний месяц в Информаторий поступило три запроса о профессоре Алексее Северцеве и тринадцать тысяч восемьсот семьдесят два человека пытались связаться с рыцарем Черной Башни…

В прохладном вестибюле Информатория, как и всегда, дежурил робот. Он подкатил ко мне и осведомился, чем может быть полезен. Я подумал и спросил, много ли людей обращается сюда по брачным вопросам. Оказалось — до ста тысяч человек в год. Тогда я поинтересовался, насколько велика эффективность такой службы.

— По имеющимся у нас сведениям, — забубнил робот, — из всех лиц, обратившихся в Центральный информаторий для

отыскания друга или подруги жизни, впоследствии зарегистрировали объединенные опознавательные индексы или совместные адреса с кем-то из указанных в справочнике Центрального информатория лиц на срок до года и более, что может свидетельствовать о создании семейного союза, или родили детей при участии указанных в той же справке лиц, до сорока двух процентов лиц, которым были выданы рекомендации брачного характера.

— Неплохо, — похвалил я, подсчитывая в уме, сколько раз он упомянул о «лицах». — У вас очень высокий к. п. д. А смогу я узнать, какова пригодность моей кандидатуры для семейной жизни?

— Попрошу приложить сюда ваш опознаватель, — сказал робот, проводя меня к пульту.

Я приложил браслет к гнезду, и тотчас на щите замигали лампочки.

— Пригодность данного лица в каждой возрастной группе, — вновь забубнил робот, — определяется по пяти степеням пригодности, определяемым на основе тех требований, которые предъявляет к возможным кандидатам лицо, сделавшее запрос. По пятой степени ваша кандидатура за период, прошедший с начала текущего календарного года, соответствует двумстам сорока запросам, по четвертой степени — семидесяти одному, по третьей — девятнадцати, по второй — четырем, по первой — одному запросу. Поскольку ваша ячейка заблокирована, сведения о вас не выдавались и в справки не включались.

Я посмотрел на робота с уважением. Ведь обычная машина, а знает, что для кого-то я, Алексей Северцев, двадцати трех лет, ростом двести два сантиметра и весом сто двадцать килограммов, являюсь единственным… Интересно, кто это?

— Могу я узнать, кем сделан запрос, подпавший под категорию первой степени?

Робот повозился у пульта.

— Лицо, сделавшее данный запрос, заблокировало свою ячейку, поэтому ответ быть дан не может.

Вот так… Где-то живет неизвестная мне девушка, для которой я мог бы стать единственным, но никогда не стану. И ничего тут не поделаешь.

Я повернулся, чтобы уйти, но тут мне в голову пришла еще одна идея.

— Попрошу дать мне справку о возможной подруге жизни. Мои требования: пол — женский, возраст — от восемнадцати до двадцати двух лет, брюнетка, но не жгучая, рост… выражение глаз… грудь высокая… талия… походке волнующая… — Я закрыл

глаза и стал рисовать портрет Тины, переводя его из зрительных образов в сухие анкетные данные. — Интересуется наукой, конным боем, гимнастка, альпинистка, горнолыжница… — я диктовал всю эту бредятину, презирая сам себя, но остановиться не мог. Закончив, с опаской посмотрел на робота, словно ожидая увидеть осуждение в его электронных глазах. Но этот ящик на колесах стоял ко мне спиной, подключившись к пульту, и ему не было никакого дела до моих эмоций.

Из пульта выскочила карточка, робот взял ее и протянул мне.

— Ваш запрос соответствует первой степени, и ему соответствует по всем параметрам запроса, кроме не поддающихся формализации, каковыми являются требования к выражению глаз и эмоциональные ощущения от походки, всего одно лицо из числа всех лиц, взятых на учет в Информатории.

Я взглянул на карточку и присвистнул. На карточке было напечатано:

> «Виола Ириния Миллер, 19 лет, Звездный Совет, секретарь IV класса».

— Врет ваша машина, — сказал я. — Я эту Виолу знаю. Она же стопроцентная блондинка!

Робот обратил на меня философски мерцающие электронные глаза и пробубнил:

— Поскольку данное лицо в момент регистрации по цветовым параметрам прически относилось к нежгучим брюнеткам, допустим вывод, что данное лицо изменило цвет своих волос, не поставив в известность Информаторий. Данному лицу будет сделан немедленный запрос с целью внесения уточнений в его ячейку.

— Валяйте, — сказал я и вышел.

Глава 7. Бабушек надо слушаться

Все на свете имеет свой конец. Пришли к концу и мои сборы в дорогу.

Все было обговорено и рассказано, документы оформлены, обряды — заучены, снаряжение упаковано. С огорчением я узнал, что с терилаксовой броней мне придется распроститься, поскольку такой брони на Изумрудной нет. Принцесса рассказала мне, что их кавалеры сражаются только равным оружием и это правило соблюдается очень строго.

— Но вы получите лучший панцирь из коллекции моего отца. Он очень любил турниры и собрал прекрасную коллекцию оружия. Вот копье с вымпелом Соискателя вы должны взять с собой. Оно послужит для вас пропуском во дворец.

— А конь? Как быть с конем?

— Коня вы купите на месте. Не везти же его с Земли! Да он и не войдет в кабину.

Я представил себе, как получаю на Изумрудной из ВП-кабины одну половину Баязета и скачу на ней наподобие барона Мюнхгаузена… Да, коня придется искать там.

— Не огорчайтесь, — промолвила принцесса и положила свои пальцы мне на руку. — В королевской конюшне вам подберут лучшего коня. Я распоряжусь.

Когда я впервые услышал про конные поединки на Изумрудной, это совпадение поразило меня. Но теперь мне было ясно, что никакого совпадения тут нет. Рыцарские бои на копьях, процветавшие в средние века, возродились еще в XX веке — что-что, а уж историю своего любимого спорта я знал до мельчайших подробностей. Началось это одновременно в Польше и Англии. Польские рыцари выступали в театрализованных представлениях, устраиваемых в старинных замках, изображая битвы давних времен. В Англии в те же самые годы начали проводиться конные поединки с легкими бамбуковыми копьями. Позже, в XXI веке, после изобретения терилакса, который гарантировал спортсменам безопасность, этот вид спорта широко развился и впоследствии был включен в Олимпийскую программу. Ничего удивительного, что беглецы с Земли, создав на Изумрудной свою аристократию, вспомнили про конный спорт, всегда считавшийся на Земле аристократическим…

Пальчики девушки все еще покоились на моем локте, и от этого я почувствовал, как у меня к щекам приливает жар. Удивительное сходство Ганелоны с Тиной настолько сбивало меня с толку, что' я совсем запутался. С ужасом я вдруг понял, что

мне нравятся обе девушки, причем одинаково сильно.

Нет, различия в их внешности были, хотя и не очень заметные. У Ганелоны был гораздо светлее оттенок кожи, чуть тоньше губы, не такие большие глаза, неуловимые отличия в очертаниях скул, носа, подбородка. В движениях, жестах, походке разницы обнаруживалось гораздо больше. Ганелону отличало особенное выражение глаз — какое-то настороженное, всегда немного беспокойное и тревожное, словно девушку непрестанно грызли тайные заботы. Властно сжатый рот принцессы свидетельствовал о решительности и твердости характера, ничуть не умаляя ее прелестной женственности. Походка казалась несколько скованной, Ганелона словно избегала быстрых движений и старалась за округлостью жестов скрыть внутреннюю резкость. Пожатие ее руки было вялым и безразличным…

Впрочем, эти мысли выветрились из моей головы, когда вдруг выяснилось, что агенты Рюделя все же обнаружили Ганелону. Она рассказала, что недавно с нею говорил через браслет неизвестный, не назвавший и не показавший себя, и спросил, предполагает ли принцесса в ближайшее время отбыть на родину. Получив положительный ответ, он сказал: «Если передумаете — пеняйте на себя» и отключился, даже не попрощавшись.

— Почему вы не обратились в Службу Безопасности? — спросил я, кипя возмущением. Это было неслыханно: в наше время угрожать кому-то, запугивать, вынуждать. — Вашего Рюделя и всю его шайку быстренько бы схватили и выслали домой. А Изумрудную заблокировали бы, чтобы никто не мог до вас добраться…

— Я думала об этом, — грустно ответила Ганелона. — Да разве во мне только дело? Рюдель рвется к власти, и моя задача — помешать ему. А для этого я должна ехать.

Чтобы отвлечь девушку от тревожных мыслей, я заговорил о Петровиче. За последние дни я успел сдружиться с ним. Робот был неплохой парень, не то что механические недотепы из Информатория и аналогичных заведений. Он побывал на моих тренировках, обучаясь искусству оруженосца, и я теперь знал, что он ничего не упустит в сложном ритуале подготовки к бою. Шутки ради я предложил ему сесть в седло. Это было уморительное зрелище — ездить он не умел совершенно, сидя на лошади, растопыривал ноги наподобие циркуля и на рыси выглядел настолько жалко, что я поскорее остановил лошадь. Однако на землю он спрыгнул легко и грациозно и, судя по всему, был весьма собой доволен.

Рассказал я Ганелоне и о фотографии, которую получил в институте. Там уже знали, что я ненадолго уезжаю, и, когда я

зашел попрощаться, меня сразу окружили. К середине лета все мы были уже достаточно загорелыми, но все же одна из физиономий показалась мне чернее других. Вглядевшись, я узнал лаборанта Цоя, который только что вернулся с юга.

Мне стали показывать его снимки — старинные белоснежные дворцы, реставрационные работы на Золотых воротах, состязания ныряльщиков, толпы на пляжах. Все это сейчас меня мало интересовало — я потихоньку оглядывался, ища глазами Тину, которая куда-то отлучилась. Вдруг я понял, что передо мной только что мелькнуло знакомое лицо. Я схватил уже отложенную фотографию и увидел на ней кавалера Рюделя.

Снимок был сделан на приморской веранде, где, прячась от беспощадного солнца, сидели под тентами загорелые люди — кто в шезлонгах, кто у столов с напитками. В руках у соседей кавалера были карты, а сам он держал какой-то приборчик, из которого торчала крестообразная антенна.

Этот-то снимок я и показал Ганелоне.

— Почему он пользуется таким приемником? — спросил я. — У него же есть браслет, — я показал на левую кисть кавалера Рюделя. — Браслет дают каждому, кто прилетает на Землю.

— Опять кого-нибудь подслушивал, — с неприязнью ответила принцесса. — Помните, как он нас подслушивал?

Девушка долго смотрела на снимок, что-то мучительно вспоминая.

— Алексей, я боюсь, — сказала она наконец. — Я не знаю, в чем тут дело, но мне страшно. У меня на родине есть одна легенда… Я почти забыла ее. Но в ней говорится о каком-то кресте, который несет всем смерть… Когда я была совсем маленькой, сестры пугали меня по вечерам рассказами об этом кресте. Я кричала от страха и пряталась под одеяло, а потом долго не могла заснуть. И сейчас мне снова страшно…

Голос ее замер. Я взял ее за руку — пальцы у нее дрожали и были холодны, как лед.

— Не бойтесь, — сказал я. — Сказки — это только сказки. И меня не удивляет, что ваш Рюдель предпочел браслету собственный радиоаппарат. Ведь с помощью браслета подслушивать нельзя. А он, по-видимому, очень любит это занятие.

Чтобы успокоить девушку, я пообещал показать снимок специалистам.

— Бабуся, — сказал я за ужином, — где сейчас Милич?

— Иво? Вице-президент Радиоакадемии? Почему ты о нем вспомнил?

— Сейчас будет удобно его побеспокоить? Я хотел бы показать ему вот эту фотографию.

Бабушка повозилась у пульта, и через десяток секунд Иво Милич высветился на экране:

— Дорогая Евдокия Адамовна, — растроганно проговорил он. — Вспомнила все-таки меня, старого! А то мне стало казаться за последние десять лет, что так и помру, не повидавшись с тобой…

— Так уж и десять, — возразила бабушка. — Три года назад мы виделись на Плутоне.

— Ах да… Это когда ты провалила мой проект…

— Пожалуй, не стоит об этом вспоминать, — бабушка явно не хотела говорить в моем присутствии о некоторых своих занятиях. — Взгляни лучше на моего внука. У него есть к тебе вопросы.

— Здравствуйте, дядя Иво, — сказал я.

— Батюшки, неужели это Алеша? — старик даже всплеснул руками. — Слышал, слышал я про твои подвиги. Не женился еще?

— Некогда ему, — вздохнула бабушка. — Спортсмен! В чемпионы метит. Ну, еще профессором стал. Учит лягушек далеко прыгать. Всех девушек этими лягушками распугал.

— Дядя Иво, что это за прибор? — поскорее спросил я, не давая бабусе увести разговор в сторону.

Ученый некоторое время рассматривал снимок.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Вот антенна мне знакома. Только это устаревшая конструкция. Когда-то, очень давно, ими пользовались для поляризации сигналов. Но лет сто назад появились кристаллические антенны, а еще позднее — молекулярные.

— Дядя Иво, как ты думаешь, для чего на пляже может понадобиться поляризованная передача?

— Такую передачу сложнее подслушать. Подожди, — встрепенулся он, — а зачем это надо? Ведь связь через браслет абсолютно неподслушиваема…

— Вот и я думаю — зачем? — пожал я плечами. — И мне очень хотелось бы получить ответ на мой вопрос…

В этот вечер мы долго сидели с бабушкой за столом. Ганелона разрешила мне открыть свой секрет, и я все рассказал бабусе. Про Ганелону, кавалера Рюделя, про вызов в Звездный Совет. Она молча слушала, не задавая вопросов, только хмурилась и поджимала губы — мое повествование ее чем-то очень огорчило, — да барабанила пальцами по столу.

— С Тиной попрощался? — спросила она вдруг.

— Тина уехала… — отвечал я виновато.

Я весь день тщетно вызывал ее, а когда соединился с ее квартирой, автосекретарь ответил, что ее нет в городе, что вернется она только через месяц.

— Когда ты отбываешь? — спросила бабушка.

— Завтра утром.

— Завтра утром… — она забарабанила еще быстрее. — Завтра утром…

Она подошла к пульту, ткнула пальцем, и тотчас из экрана раздался знакомый голос.

— Слушаю вас, Евдокия Адамовна.

Я удивленно посмотрел на экран. Оказывается, моя кулинарка бабуся имеет личный канал связи с комиссаром Звездного Совета. Впрочем, тот тоже, наверно, любит вкусно поесть. Я знал немало известнейших людей, которые откровенно гордились тем, что им довелось пробовать стряпню моей бабушки.

— Фаркаш, вы с моим внуком уже знакомы, — сердито сказала бабушка, кивая на меня. — Не нравится мне вся эта история с Изумрудной. Вы не находите, что вам давно следовало известить Службу Безопасности?

— Я уже пришел к такому выводу. Моя информация час назад передана в оперативный отдел Службы.

— Этот юноша завтра отбывает. Какие меры безопасности приняты?

— Утром ему будет вручен несъемный браслет Службы Здоровья. На ВП-станции Изумрудной объявляется режим повышенной готовности с круглосуточным дежурством. На случай возможных передвижений Северцева в другое полушарие дополнительно подвешены два автоматических стационарных спутника, которые обеспечат ему связь со Станцией в любой точке планеты. К утру будет закончено дублирование канала ВП-связи Земля — Изумрудная.

— А робот?

— Проверен и проинструктирован.

— Вы заблокировали у него цепь Первого Закона?

— Да. И весь Совет, и командные машины — все за то, что риск допустим. Роботы класса ноль сверхнадежны. А Петрович к тому же очень воспитанный, я бы сказал — деликатный механизм. Ему можно доверять.

— Где блок-кольцо?

— Оно будет вручено Северцеву перед отлетом.

— Ну, ладно, — пробурчала бабушка. — По-моему, все правильно. Извините за беспокойство и спокойной ночи. Но утром я вас подниму ни свет ни заря.

— Спокойной ночи, — сказал Фаркаш и погас.

Весь этот стремительный разговор я слушал с возрастающим удивлением. Только сейчас я догадался, что моею особой все это время занимались десятки людей — работали, обеспечивали мою

безопасность, запускали спутники, беспокоились… Еще больше поразила меня бабушка, которая запросто говорила с одним из самых занятых людей на планете, да причем так, словно требовала от него отчета. Разговор был явно деловой, а не просто дружеский. Но додумать свои мысли я не успел, потому что бабушка так же стремительно, как и Фаркаша, атаковала меня.

— Чувствую, впутался ты в пакостное дело. Не стоило бы тебе туда ездить, да теперь ничего не попишешь — рыцарское слово надо держать. Ох, уж эта мне твоя принцесса — как ее, Ганелона? Надумала же такое… Да ведь тебя на Изумрудной придавят, как цыпленка, ты и пикнуть не успеешь! Отравят, зарежут, пристрелят! А ну-ка, внучек, дай мне позывные твоей красотки…

Она снова ткнула в какую-то кнопку.

— Иван, это я. У меня сейчас состоится один разговор. Есть предположение, что его могут подслушать — наверно, подсунули где-нибудь микрофончик… Так вот, обеспечь мне полную секретность. Заглуши любые передачи от моего собеседника, запеленгуй приемники и выяви их. Проверь, нет ли где записывающих устройств. Если обнаружишь, записи сотри, предварительно переписав, и выяви, кто их поставил. Ты все понял?

— Да, все, — ответил невидимый Иван.

— Даю тебе пятнадцать минут. Заодно проверь и у меня с внуком. Пока.

Я открыл было рот, чтобы задать бабусе вопрос, но она успела вызвать кого-то еще.

— Люций, ты уже спишь? Поднимайся. Всю информацию об Изумрудной — немедленно ко мне на стол. И быстренько отыщи кого-нибудь из Космостроя. Даю тебе полчаса сроку.

Она повернулась ко мне.

— Шел бы ты спать, Аника-воин. Завтра у тебя будет хлопот полон рот. Да и у меня тоже — по твоей милости. Дай-ка я тебя поцелую.

— Бабуся, ты кто? — спросил я недоуменно, подставляя ей лоб. — Я всегда думал, что ты кулинарка…

— Кто, кто… дед Пихто, вот кто, — проворчала она, подталкивая меня к дверям. — Бабушка я тебе. И мне очень хочется, чтобы ты вернулся живой, с этой самой Изумрудной. Иди, иди, не упирайся. Бабушек надо слушаться — они плохого не посоветуют. А ну, марш в кровать, профессор кислых щей, магистр лошадиных наук! И чтобы немедленно спал!

Но в эту ночь я долго не мог уснуть.

Часть 2. БОЙ

Глава 8. Кузнец поневоле

По совету бабушки десантный «Гриф» высадил меня на уединенной поляне.

— Чем позже узнает Рюдель о твоем прибытии, тем лучше, — сказала она, и я согласился.

К тому же мне была нужна лошадь, а отыскать ее в сельскохозяйственных поселках будет легче, чем в городе.

— И сам не ходи покупать. Пошли Петровича. Он не так заметен, как ты. Постандартней. Пройдет — его и не заметят.

Рассуждения бабушки были логичны, и после высадки на Изумрудную я отправил робота в поселок, который, как показывала фотокарта, лежал не очень далеко. После моих уроков Петрович стал немного разбираться в лошадях. Я не думал, конечно, что его приобретение окажется очень удачным, но ведь мне бы только добраться до столицы…

Я ждал Петровича больше часа и уже начал беспокоиться. Наконец он показался на дороге, ведя в поводу такого одра, что меня чуть не хватил удар.

— Этот ходячий скелет называется тут боевой лошадью? — спросил я, хлопая конягу по крупу, от чего у нее чуть не подломились ноги. — Ты не боишься, что она сдохнет подо мной?

— Боюсь, — серьезно отвечал робот. Впрочем, он все говорил и делал серьезно. — Но все другие лошади уже куплены кавалером Рюделем.

— Однако… — пробормотал я.

Это был чувствительный удар. Наша схватка с кавалером Рюделем еще не начиналась, а он уже выигрывал у меня очко. Впрочем, этого следовало ожидать. Ведь Рюдель наверняка догадался, зачем Ганелона пригласила меня к себе, а может быть, просто подслушал наш разговор. Знал он и то, что коня я с собой не возьму, — в тесной кабине внепространственных перелетов с трудом поместилась бы даже коза.

Я представил, как с копьем наперевес скачу верхом на козе навстречу Рюделю, и мне стало тошно.

Мы навьючили на новоявленного Росинанта тюки с одеждой и прочими запасами. Я посмотрел на карту и двинулся вперед, ведя конягу в поводу. Я чувствовал себя немного не в своей тарелке. Все же это была чужая планета. Она очень походила на Землю — белыми облаками, зеленым лесом, зеленой травой, пылью на дороге. Только солнце было слегка зеленоватым, да листья у деревьев оказались необычной формы, да насекомые орали в траве непривычными голосами…

Сзади меланхолично вышагивал Петрович. По-моему, его совсем не волновало, что он попал в другой мир. Я знал, что его чуткие уши слышат любое сотрясение воздуха в диапазоне до тридцати килогерц, что он постоянно прослушивает все радиодиапазоны, что четыре его глаза — лицевые, теменной и затылочный — обозревают всю полусферу как в видимом диапазоне, так и в инфракрасном и ультрафиолетовом, — словом, лучшего сторожа и телохранителя нельзя было и желать. И все же тайное беспокойство грызло меня.

После той кутерьмы, которую вчера подняла бабушка, мое предприятие перестало казаться мне приятной прогулкой на рыцарский турнир. Я не знаю, ложилась ли бабуся спать, но был убежден, что бессонную ночь сотне человек она обеспечила. Я представил, как в течение всей ночи приходили в действие могучие охранительные механизмы, созданные человечеством за последние века, как многочисленные подразделения Службы Безопасности, Службы Здоровья, Звездного Совета, Технологического Совета, возможно, даже Совета Академий решают одну-единственную проблему: где может возникнуть опасность для Алексея Северцева и как эту опасность предотвратить? Я представил, как моя бабуся с присущим ей напором насела на бедную Ганелону, — наверно, вывернула ее наизнанку, но разузнала все необходимое. Утром, прощаясь, я спросил об этом бабушку, но она только посмотрела на меня и сказала: «Уж молчал бы лучше, горе-рыцарь…»

Мы шли уже часа два, когда Петрович заговорил.

— Странно, — сказал он. — Здесь совсем нет радиопередач. Я прослушиваю все диапазоны — и нет ничего, кроме обычных атмосферных помех. На Земле такая тишина только на аварийной частоте Службы Здоровья.

— Неужели у них нет ни радио, ни телевидения? — удивился я.

— Дважды я слышал какой-то сигнал — очень мощный. Короткий модулированный сигнал сложной формы. Больше нет ничего. А телевидение здесь существует — я видел в поселке экран.

— Значит, они предпочитают проводную связь, — я оглянулся на Петровича и тут заметил, что мой Росинант как будто прихрамывает.

— Слушай, да ведь он потерял подкову, — в сердцах сказал я роботу, словно он был виноват в этом. Конечно, мне следовало сразу проверить ноги у лошади, но меня так расстроила ее внешность, что я забыл про все. — Надо искать кузницу.

Дорога, прямая и ухоженная, шла то через лес, то мимо

обработанных полей с какими-то мохнатыми злаками, похожими на ветвистую кукурузу. Еще через час мы увидели за лесочком разноцветные, словно у кукольных домиков, ярко раскрашенные крыши.

— Да будет тень Креста над тобой! — сказал я твердо заученную формулу приветствия, когда человек в ярко-желтом комбинезоне вышел к нам из ближнего дома.

— И над тобой, кавалер, — ответил он. — Я диспетчер Фей, чем я могу помочь путникам?

— Где я смогу подковать коня? — поскольку меня уже возвели в сан кавалера, я не рискнул назвать свою клячу лошадью.

— Боюсь, что это невозможно. Ты же знаешь, что в праздники всякая работа неугодна Кресту.

— Я, наверно, перепутал дни. Напомни мне, что за праздник сегодня.

— Кавалер смеется надо мной. Он упражнялся с копьем, которое я вижу притороченным к седлу, и утверждает, что забыл о празднике? А что же означает вымпел на его копье?

Я все понял. Претенденты на руку принцессы уже съезжаются в столицу, и Кресту неугодно, чтобы кто-то подковал моего коня, починил мой панцирь, наточил мой меч… Здесь чувствовалась рука кавалера Рюделя. Он явно выигрывал у меня еще очко.

Я на секунду задумался. Конечно, до столицы мой коняга дохромает и так, а там я его сменю. Но это все же риск. Вполне возможно, что Рюдель приготовил мне еще сюрпризы — скажем, отравил лошадей в королевской конюшне. Тогда все пропало, потому что кавалер без коня — никто. Мой Росинант, несмотря на крайнюю дряхлость, все же давал мне право воткнуть свой вымпел Соискателя перед троном принцессы.

— Ну хорошо, — принял я решение. — А кузница или мастерская у вас есть? Проводи нас.

— Я был бы рад помочь кавалеру, — отвечал диспетчер, показывая, куда идти. — Но работа в праздник неугодна Кресту — вчера нам весь день повторяли это по телевизору. Никто не согласится помочь кавалеру.

— Подкову вы мне найти можете? — спросил я его.

Я не знал, о каком Кресте талдычит желтый диспетчер и почему этого Креста так боятся, но мне надо было подковать Росинанта.

— Откуда у нас подковы? — вздохнул диспетчер. — За подковой надо ехать на Ристалище.

Я оглядел мастерскую. К счастью, здесь был простенький горн с ручным наддувом, а в углу я высмотрел подходящий кусок

железа.

— А ну, Петрович, разжигай горн, — скомандовал я, стаскивая плащ. — Надеюсь, Крест простит кавалеру некоторые причуды. Ведь имеет кавалер право на причуды?

Отковать подкову для меня не составило труда. Петрович тем временем нашел несколько болтов, раскалил их и несколькими ударами превратил в добротные гвозди. Когда я кинул темно-малиновую, покрывшуюся окалиной готовую подкову на верстак и вытер пот со лба, вокруг меня уже стояло человек десять. Они молча смотрели на меня, словно впервые увидели, как человек работает.

Баязета я всегда ковал сам, поэтому ремонт ходовой части горе-коняги не занял у меня много времени. В пять минут я зачистил и подрезал копыто, прибил подкову, обломал и расклепал выступившие наружу концы гвоздей, запилил их. Пока я возился, зажав ногу лошади в коленях, Петрович держал моего Росинанта под уздцы — его даже не пришлось привязывать. Разноцветные комбинезоны все так же молча — словно языки проглотили — смотрели на мою работу. Я протянул диспетчеру монету — по-моему, на нее можно было купить подков на целый отряд рыцарей. На душе у меня было радостно: как-никак, а очко у Рюделя я отыграл.

— Желаю всем удачи и света, — сказал я, — Да будет тень Креста над вами!

— Я провожу тебя, кавалер, — предложил диспетчер.

Он вывел нас за поселок, показал дорогу, потом, помявшись, сказал:

— Пусть кавалер извинит меня… Я простой диспетчер, и это не мое дело… Но я осмелюсь сказать: мы все желаем тебе победы. Мы все надеемся, что твое копье не будет знать поражений. И если тебе понадобится наша помощь — мы поможем. Даже если это неугодно Кресту…

Последние слова он произнес так тихо, что я едва расслышал.

— Спасибо, — растроганно ответил я. — Но почему вы решили оказать мне доверие?

— Ты… не настоящий кавалер, — сказал диспетчер тихо. — Мы видели, как ты работаешь. Ни один кавалер не умеет работать. У тебя руки рабочего человека. Ты — наш, хотя и одет кавалером…

Я рассмеялся — его слова были мне приятны.

— Спасибо за хорошие пожелания. Вскоре ты увидишь редкое зрелище — как Рюдель вылетит из седла. Говорят, этого никто еще не видел. Так что не пропусти!

Там, где дорога входила в лес, я оглянулся. Фигурка в

желтом комбинезоне по-прежнему виднелась на краю поселка. Я помахал Фею рукой. Теперь я знал, что не одинок на Изумрудной, что у меня есть сторонники.

Глава 9. Долгая жизнь — проклятье

Мы шли по лесу уже давно. Дорога, в полях проложенная почти напрямик, здесь запетляла среди крутых, заросших вековыми деревьями холмов. Стало сыро и прохладно. Кроны лесных великанов сомкнулись над нашими головами. Где-то неподалеку бормотал и булькал ручей, в воздухе разносился странный пряный запах переспелых листьев. Я невольно замедлил шаг, вглядываясь в переплетенья ветвей по сторонам дороги. Лучшего места для засады нельзя было выбрать. Я знал, что засады нет, а если будет, то Петрович заблаговременно ее обнаружит, но ноги сами шли все медленней. И тут Петрович остановил меня.

— В лесу кто-то стонет, — сказал он.

Мы продрались сквозь густые ветви, и я увидел лежащего в траве человека в поношенной, грязной одежде. На вид ему можно было дать лет шестьдесят-семьдесят. Он был без сознания. Из раны, рассекавшей его лоб, сочилась кровь, заливая лицо.

Нам пришлось повозиться с ним довольно долго — мы смыли кровь, продезинфицировали раны (еще три были на плечах и спине), заклеили их биопластырем, обработали синяки и ссадины, вправили вывихнутое плечо, сделали уколы. Неизвестный перестал стонать и заснул.

Петрович внимательно осмотрел и выслушал его.

— Ничего опасного, — сказал он наконец.

Примерно через час неизвестный пришел в себя.

— Кто вы? — спросил он тихо, всматриваясь в нас.

— Меня зовут Алексей, а моего товарища — Петрович. Скажи, что с тобой случилось?

— Я… умру? — он смотрел на нас с испугом и надеждой.

— Через пять дней ты будешь здоровехонек. Все, что теперь тебе необходимо, это покой, сон, хорошее питание. Где ты живешь?

Неизвестный долго молчал, закрыв глаза. Потом попробовал подняться на ноги, но силы ему отказали.

— Помогите мне добраться до дому, — прошептал он. — Это совсем недалеко. Один я не смогу. Потом… дома я все расскажу.

— Ты понесешь его на руках, Петрович, — сказал я и пошел за Росинантом.

Тот стоял на дороге, где мы его бросили, свесив голову и хвост, ни на шаг не сдвинувшись с места.

Мы блуждали по лесу довольно долго, пока, наконец, не отыскали запрятанный в самой глуши домишко. Жилище

незнакомца выглядело убого и снаружи, и внутри. Мы уложили пострадавшего на кровать, напоили, дали таблетку антеина. Постепенно наш пациент приободрился.

— Скоро ночь, — сказал он. — Оставайтесь у меня… Мне будет плохо одному.

Я понял, что он боится одиночества, темноты, своей слабости, чего-то еще.

— Хорошо, мы переночуем здесь. Сегодня тебя не стоит оставлять одного. Но я попрошу тебя назвать свое имя.

— Увы, у меня давно уже нет имени. Мое имя отобрано и передано другому, потому что я нарушил один из основных запретов — я слишком долго живу. А когда-то меня звали Летуром.

— Ты — Летур?! — чуть не закричал я. — Художник Летур?

— Нет, я не художник. Художник — это мой сын. Скажи — ты что-нибудь знаешь о нем? Неужели он еще жив?

Я оглянулся на робота. Петрович спокойно стоял у стены. Ему было все равно — сидеть, стоять или лежать.

— Я попрошу тебя позаботиться о лошади, — сказал я ему. — Расседлай ее, пусти попастись, да проследи, чтобы не сбежала. А если что-нибудь понимаешь в лошадях, подумай, как ее немного приободрить.

Робот ушел, и я облегченно вздохнул. Он наверняка знал кое-что о художнике Летуре, и мне не хотелось при нем говорить неправду. Но не мог же я сказать израненному человеку, что его сын погиб!

— Я слышал, что твой сын — талантливый художник. Он написал замечательный портрет принцессы Ганелоны. Принцесса его очень ценит и любит. Вот и все, что я о нем знаю.

Мой пациент так и засветился от счастья.

— Спасибо тебе. Твои слова — самое радостное, что я услышал за всю свою лишнюю жизнь!

— Расскажи мне все по порядку, Летур. Я ничего не понимаю. Какая лишняя жизнь? Что все это значит?

И он начал рассказывать. Только теперь передо мной стала вырисовываться подлинная картина жизни на Изумрудной — кое о чем я уже знал от Ганелоны, о чем-то догадывался сам… Все оказалось сложнее и проще — и намного хуже, чем я мог предполагать.

— Прежде всего должен сообщить тебе, что все мы, населяющие эту планету, не являемся аборигенами. Мы иммигранты, пришельцы из другой системы, теперь никому не известной, появившиеся здесь сотни лет назад.

— Я знаю это. И даже знаю, откуда вы прилетели, потому что

сам только сегодня прибыл оттуда. Ваша настоящая родина называется Земля, до нее сорок пять световых лет. Ты знаешь, что такое световой год?

— Знаю. Но сколько же времени ушло у тебя на дорогу?

— Сегодня утром я был еще дома.

— Поразительно… Наши предки провели в ракете много лет, пока добрались сюда. И это имело трагические последствия. Очевидно, в пути переселенцы подверглись действию какого-то фактора, изменившего наследственность. Люди начали умирать молодыми, и с этим не удалось ничего поделать.

Были и другие беды, неизбежные при подобных переселениях. На новом месте на беглецов обрушились неожиданные эпидемии, их косили беспощадные болезни. Одно время все существование колонии висело на волоске из-за огромной детской смертности. Наконец удалось найти прививку, которая спасала детей. Но со взрослыми все обстояло по-прежнему. Мужчины умирали в расцвете сил, как только достигали сорока лет, — умирали мгновенно, без мук, без каких-либо предшествующих симптомов. Женщины, продолжательницы жизни, воспитательницы детей, жили еще меньше.

Примерно в те же годы, когда была введена обязательная прививка всем новорожденным, спасавшая их от смерти, появилась и религия. Первые переселенцы тоже верили в своего бога, но это была формальная вера. Новая религия, религия Креста, была фанатичной, исступленной, беспощадной. Люди не знали, почему они умирают, и искали объяснения в иррациональном, потому что верить — это проще, чем знать. Вера ни к чему не обязывает, она учит смиряться, принимать мир таким, каков он есть.

Представь себе, как страшно жить человеку, если он знает, когда пробьет его час. Вот остался год, вот полгода, а вот всего месяц-два — небольшие отклонения бывают, но итог всегда один. Представь себе этот ужас — целая планета смертников! Целое человечество осужденных на смерть и знающих, что помилования не будет… Что им оставалось делать? Было только два выхода — или пьянство, безумие, самоубийство, или… вера.

Люди хотели жить, и они предпочли веру. Они поверили, что так надо высшему божеству, и верят в это до сих пор.

Одно время я думал, что есть и другой путь — наука. Ведь то, что мы потеряли по дороге сюда, можно найти снова. Но почему-то этот путь был оставлен. Больше того — на нашей планете практически нет науки. Мы живем остатками того запаса знаний, который привезли с собой. Но и этот древний багаж мы растеряли почти весь.

Это естественно. Наука и религия — всегда враги. Стремление к знанию и потребность в вере лежат на разных полюсах — я твердо уяснил это для себя. Сам я вере предпочел науку. И тоже потерпел неудачу.

Я говорю «тоже», хотя твердой уверенности у меня нет. Но не могли же люди за столько веков не попытаться справиться с бедой? Наши короли и принцы, наши всемогущие кавалеры из Черного совета — они ведь тоже хотят жить?

Мне удалось узнать другое — такое страшное, что до сих пор я сказал об этом только двоим. Но они умерли. Ты — третий, кому я открою эту тайну. Я узнал, что прежде, и не так давно, люди жили гораздо дольше — лет до пятидесяти.

Ты можешь себе это представить? Жить лишний десяток лет? Совсем недавно это было возможно. Но сработал неведомый механизм в нашем теле — и срок жизни сократился. Вначале сорок пять, затем сорок лет — для мужчин, и еще меньше — для женщин.

И еще одно я узнал. Иногда механизм все-таки не срабатывает. Приходит срок, а человек не умирает. Поверь, тут не ошибка в хронологии — каждый из нас считает не только годы, но и месяцы своей жизни. И вот человек живет — год, три, десять, вызывая вначале любопытство у окружающих, потом раздражение, потом — ненависть.

Ты видишь перед собой одного из таких людей. Я должен был умереть двадцать лет назад. Но я все еще жив, и мне уже шестьдесят. Значит, можно? Значит, есть надежда? Но меня не исследуют, не пытаются найти причину чудесной аномалии. Наоборот, возненавидели так, что мне пришлось скрыться. Уже много лет я прячусь в лесу, питаясь плодами и охотой. Сегодня мне не повезло — я пошел осматривать свои силки и ловушки и неожиданно наткнулся на людей, которые почему-то были не на работе. Ты видишь, что они со мной сделали! Только чудом я вырвался из их рук. А ведь последние сорок пять лет я тружусь над одной проблемой — пытаюсь понять, как вернуть людям долгую жизнь.

Когда-то я попытался обратиться к слугам Креста, они слушали меня, но в их глазах я видел только тупость и равнодушие. «Тень Креста над нами» — вот все, что они смогли мне сказать. Так угодно Кресту — и это их устраивает. Они глупы и бессердечны, а все их участие — только маска лицемерия. Им надо, чтобы я не думал, не сомневался, а слепо верил. Я предъявлял им факты, а они уверяли, что это ошибка, что сказка о долголетии— выдумка смутьянов. Я доказывал, что люди несчастны, а они уверяли меня в обратном.

«Посмотри — ласково журчали они, — милостью Креста мы не знаем болезней, не ведаем телесных страданий, у нас не рождаются уроды, убогие, не умирают малые дети. Каждый, кто появился на свет, получает столько же, как и все остальные, — и срок жизни, и жизненные блага. Все люди сыты, одеты, умеренно трудятся, хорошо зарабатывают, развлекаются, дома их уютны и красивы. Природа наша благодатна, места хватает всем, никому не приходится рисковать собой в бурных морях, знойных пустынях, в горах и снегах. Так угодно Кресту, а то, что ему угодно, — благо…»

Летур откинул голову на подушку и замолчал. У него явно поднималась температура. Я подозвал Петровича — он давно уже вернулся и стоял у стены, слушая рассказ, — и мы начали возиться с раненым. Потом я снова дал ему таблетку антеина, а когда та подействовала, стал готовить ужин. Продуктовый НЗ, взятый по настоянию бабушки, сейчас нам очень пригодился, потому что еды в доме не было никакой. Разыскав в шкафу две тарелки, я положил на них по кубику, полил водой, и после минуты шипенья и бульканья кубики превратились в сочные бифштексы, подрумяненные и аппетитные. Затем из прозрачной упаковки я извлек пучок тонких палочек величиной со спичку и тем же способом превратил их в макароны.

Летур накинулся на пищу с жадностью — видно, жилось ему в лесу впроголодь. Все же он обратил внимание, что Петровичу не досталось тарелки, и предложил с ним поделиться.

— Благодарю тебя, — отвечал Петрович. — Я сыт.

— Он сыт, — подтвердил я, уплетая румяное горячее мясо. — Он недавно хорошо подзаправился.

Это было верно — только вчера Петровичу сменили аккумуляторы.

— А теперь спать, — объявил я после ужина. — Утром нам надо быть в столице.

Когда мы легли — Летур на своей кровати, я на полу, — а Петрович вышел присмотреть за Росинантом, я спросил хозяина, сколько лет его сыну.

— Он уже достиг предела, — тихо ответил тот. — Ему сорок лет. Я не видел его почти двадцать лет…

Слова Летура многое мне открыли. Я понял, что причину смерти художника искать бесполезно. Просто он уже прожил весь отпущенный ему срок…

Глава 10. Рюделя никто не любит

— Опять тот же сигнал, — сказал Петрович, когда мы были уже в нескольких километрах от столицы. — На этот раз я его запеленговал. Скоро узнаем, откуда он идет.

— Передай запись на спутник — пусть на Земле займутся анализом.

Словно услышав наш разговор, мой браслет вдруг зажужжал зуммером вызова, и из экрана выглянуло улыбающееся лицо моей бабушки.

— Бабуся! — обрадовался я. — Откуда ты говоришь?

— Я на орбитальной ВП-станции — только что проводила домой твою принцессу.

— Она не моя, — попытался я возразить, но бабушка только отмахнулась.

— Твоя, не твоя — разбирайтесь без меня. Я тут навела справки, и мне сообщили, что вчера дружки этого самого Рюделя, или как его там, тоже вернулись на Изумрудную. Кстати, они везли какой-то прибор, довольно увесистый, — видимо, он был сделан по их заказу. Я, конечно, постараюсь узнать, что это за штука.

— А я узнал причину смерти художника Летура, — сказал я.

Бабушка выслушала меня, а потом попросила показать ей моего коня.

— Н-да, действительно Росинант, — рассмеялась она. — Тебе срочно надо выкрасить его в оранжевый цвет.

— Это зачем? — спросил я, чувствуя подвох.

— Тогда ты будешь совсем как д'Артаньян. Помнишь, как он въезжал в Париж на оранжевом коне?

— Тебе лишь бы посмеяться, — я скорчил сердитую мину.

— Не делай вид, что обиделся. Все равно не поверю. Вперед, рыцарь, — спеши завоевать свой Париж и свою принцессу!

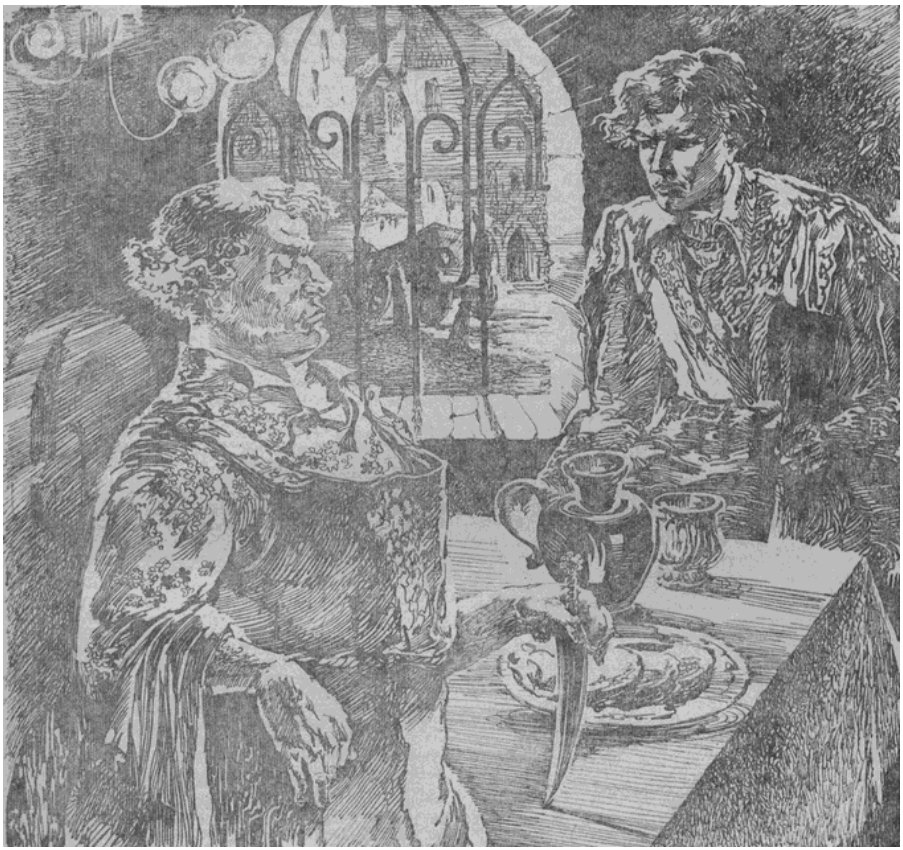
— Не нужна мне принцесса, — отмахнулся я, слегка покривив душой.

Уж эта бабушка — она видит меня насквозь…

В столицу мы вошли без приключений. Прежде чем двинуться во дворец, я решил подкрепиться и зашел в первый попавшийся ресторан. Хозяин, плотный невысокий человек, в годах (по меркам Изумрудной), усадил меня в прохладе под навесом просторной лоджии.

Видимо, пищу здесь готовили вручную — мне пришлось ждать почти полчаса, прежде чем он принес из кухни горячий, аппетитно пахнувший кусок мяса, из которого так и капал сок.

Увы, на вкус это блюдо оставляло желать лучшего. Мясо было жестким, словно животное, которому оно принадлежало, рассталось с молодостью задолго до моего рождения. Однако большая глиняная кружка, которую хозяин поставил на стол, несколько утешила меня, потому что в ней оказалось неплохое пиво.



Увидев, что я утолил голод, ресторатор подсел ко мне — в этот час его заведение пустовало, и он обрадовался случаю поговорить.

— Я вижу, кавалер прибыл издалека, — сказал он, оглядывая мой пыльный костюм. — Завтра начинаются поединки, и ты успел вовремя. Желаю тебе выбить из седла побольше соперников.

— А почему же не всех?

Хозяин покачал головой.

— Кавалера Рюделя тебе не одолеть. Ты же знаешь, какой он боец! Вчера он так ловко ударил двух кавалеров прямо в шлем, что те тут же испустили дух. Так что я тебе не завидую. Но, может быть, тебе повезет и кто-то опрокинет тебя раньше, чем ты встретишься с кавалером Рюделем.

— Я побью Рюделя, — сказал я упрямо.

— Хорошо бы, — вздохнул хозяин. — Но осмелюсь напомнить, что следует говорить «кавалер Рюдель», — хоть ты и приезжий, но правила должен знать.

— Я побью кавалера Рюделя, — повторил я.

— Надеюсь, — ответил хозяин. — Не хотелось бы мне видеть тебя в этом ящике…

Я проследил направление его взгляда. Внизу под нами по улице медленно ехала повозка, двуконная, но запряженная почему-то одной лошадью. Впереди восседал возница, а у него за спиной на повозке стоял небольшой контейнер.

— Что это такое? — спросил я в недоумении.

— Да откуда ты явился? — удивился хозяин. — Ты что, забыл, как у нас хоронят людей?

— Я хотел спросить, — поправился я, проклиная себя за неосторожность, — почему покойника везут одной лошадью?

— А, ты об этом… На днях почти всех лошадей скупил Черный совет. Ходят слухи, что объявилось много самозванцев, которые и копья-то никогда не держали, а теперь метят в Соискатели. Чтобы уберечь их, пришлось принять кое-какие меры.

— Разумно, разумно, — важно сказал я, щедро расплачиваясь за угощенье. — А кавалера Рюделя я все-таки побью. Ты, насколько я мог заметить, не очень любишь его?

Хозяин посмотрел мне в глаза, словно решаясь на что-то.

— Так и быть, я скажу тебе, кавалер. Все равно мой срок на исходе и бояться нечего. Нельзя же всю жизнь только и делать, что бояться. Жены мне не досталось, детей, следовательно, нет, а своя шкура мне не так уж и дорога… Так что я скажу тебе. Ты, видно, приехал издалека, хотя я не знаю, где у нас есть это самое далеко, и, видно, имеешь зуб на кавалера Рюделя. Хоть и сам кавалер. Может, ты вообще из этих… ну, не кавалер вовсе. Впрочем, это не мое дело. Так слушай. Да, я не люблю кавалера Рюделя. Кавалеров никто не любит — за это я ручаюсь. И знаешь, почему? Потому что никто не видел, как их хоронят. Недавно короля хоронили— все видели. А куда деваются мертвые кавалеры? Может быть, они и не умирают вовсе? Может быть, они бессмертны? Открыли какое-то лекарство и сами им пользуются, а от народа прячут? У нас не очень-то чтут мертвых и все же иногда ставят памятники. А где ты видел хоть один памятник кому-нибудь из Черного совета? Может быть, их трупы топят в море? Но почему? А не живут ли они среди нас — омолодившись, сбросив лет по двадцать, и так снова и снова? Нигде не работают, ничем не болеют, едят и пьют только самое лучшее, женщин выбирают, каких хотят, тешат себя конными играми… А я тоже хочу! Я хочу долгой жизни, хочу женщин, богатства, хочу, чтоб у

меня были дети. Да пусть мне скажет кто-нибудь, где Черный совет прячет свое лекарство, — я возьму свои кухонные ножи, соберу тысячи таких, как я, и мы перережем глотки всем кавалерам… И тебе тоже, если подвернешься.

— Спасибо за откровенность, — сказал я.

Да, этот зарежет и не задумается. У нас на Земле уже было такое. Резали, жгли, громили — за веру, за фюрера, за наличные монеты… Но там вожделенной целью была власть, слава, набитый бумажник, а здесь дело посерьезней. Здесь ставка — сама жизнь. Да такие, как мой ресторатор, не только кавалеров перережут — они вырежут каждого десятого, каждого второго, лишь бы хапнуть бессмертие — для себя, и жирный кус говядины — для себя, и женщину — для себя… Меня передернуло от омерзения.

— Хочешь договор? — спросил я тихо. — Помоги мне достать хорошего боевого коня. А я, когда сброшу кавалера Рюделя и заставлю его поделиться тайной, в первую очередь вспомню о тебе. Идет? Держи задаток.

Я сунул ему несколько монет, на каждую из которых можно было купить трех лошадей, и вышел, очень довольный собой. Я определенно делал успехи. За какие-то сутки я сумел найти двух друзей и одного соумышленника — причислять к друзьям бравого ресторатора мне не хотелось. Я явно отыграл у кавалера Рюделя несколько очков, и счет у нас снова стал ничейный.

Дорогу к дворцу я изучил по рассказам Ганелоны и теперь двигался довольно уверенно, во все глаза рассматривая улицы.

Город был тих и пустынен. Я уже знал, что механический транспорт здесь редкость, и все же был поражен патриархальным обликом столицы. Невысокие здания старинной кладки, узкие разбитые тротуары, коновязи у ворот — все свидетельствовало о неторопливом ритме здешней жизни, чуждающейся перемен. Несмотря на праздник, людей было мало — или так мне казалось после шумных улиц Москвы? Но больше всего меня поразили дымы, поднимающиеся над крышами. Я понял, что здешние дома не имели энергопитания, хозяевам для приготовления пищи приходилось разжигать в печах огонь.

Перед самым дворцом мимо нас с треском промчался легковой автомобиль, в котором восседал кто-то важный и тощий. За автомобилем вился хвост вонючего дыма и летели искры. Очевидно, этот экипаж работал на продуктах перегонки древесины — я знал, что в глубокую старину и у нас на Земле применялись двигатели на таком топливе.

Во дворец я вошел беспрепятственно. Народа здесь суетилось множество — и по делу, и без дела. Во дворе, у коновязи,

толпилось человек пятнадцать-двадцать кавалеров разных мастей. Я оставил Петровича стеречь Росинанта и под их насмешливыми взглядами прошел внутрь. Вот планета! Надо же было придумать такой обычай — свататься к принцессе только конным! Каждый видит за километр — раз человек с лошадью, значит — жених…

Во дворце дым стоял коромыслом — все спешили, всем было некогда, словно свадьба принцессы уже начиналась. С трудом я изловил за длинную юбку какую-то миловидную, ярко раскрашенную девицу.

— Да будет тень Креста над тобой, девушка! Скажи — в этом дворце все такие красавицы, как и ты?

Девица смутилась и мило покраснела.

— Кавалер мне льстит, — ответила она наконец. — Но слушать его мне приятно.

— Берусь доказать, что в моих словах нет ни капли лести. — Она в самом деле была очень недурна, хотя ее внешность сильно проигрывала от толстого слоя красок на лице.

— Мне будет интересно ознакомиться с доводами кавалера, — рассмеялась девушка. — На его счастье мне скоро сменяться с дежурства, и я смогу выслушать их.

— Только вот незадача — я прибыл с очень срочным донесением к принцессе. Ты не поможешь мне поскорее отыскать ее?

Девушка несколько секунд молча думала, потом схватила меня за руку и увлекла в какой-то — коридор. Мы долго плутали с ней по темным лестницам.

— Меня зовут Леннада, — тараторила она. — Уже месяц, как мне разрешено выходить замуж. Но я еще не знаю, за кого. Ко мне сватался один кавалер, но он такой старый! Вот за тебя бы я пошла — ты парень что надо. Посватайся ко мне, а?

Она оглянулась, сказала «тс-с-с…» и, вдруг обхватив меня за голову, пригнула вниз и поцеловала в губы.

— Подожди!

Она заглянула за тяжелую портьеру, потом поманила меня.

— Иди! — и подтолкнула в спину.

Я шагнул за портьеру и увидел Ганелону. Она стояла в длинном золотом платье среди зеркал, и три девушки поправляли на ней наряд.

— Да будет тень Креста над тобою, принцесса! — сказал я громко.

Она увидела меня в зеркале и стремительно обернулась. Честное слово, в этот момент глаза ее засияли, как два изумруда!

— Я рада видеть тебя, кавалер. Ты приехал вовремя и еще можешь принять участие в схватках. Ты уже вонзил свой вымпел

Соискателя на Ристалище?

— Увы, принцесса, это можно делать только конному кавалеру. Но если я усядусь на своего коня, он сдохнет, не доехав до ворот…

Принцесса — хлопнула в ладоши, и тотчас рядом появился мужчина.

— Илия, я поручаю тебе кавалера Алексея. Отведи его к себе, накорми, покажи лошадей. Словом, сделай для него все, как сделал бы для меня. Да, а как ты прошел сюда, Алексей?

— Меня привела Леннада. Очень милая и бойкая девушка. Кто она такая?

— Она тебе понравилась? — принцесса лукаво улыбнулась.

— Скорее это я понравился ей. По-моему, она попробовала объясниться мне в любви.

Принцесса окинула меня быстрым взглядом.

— Ты делаешь успехи! — Она обернулась к своим девушкам. — Спасибо вам, вы свободны. Тебе, наверно, многие объясняются в любви — там, дома?

Я смутился.

— Нет, не многие… одна…

— Всего одна? И давно это было? Кто она? Я молчал, не зная, что сказать.

— Понимаешь, Алексей, у нас на Изумрудной есть тонкости, которых ты не знаешь. Ты, конечно, слышал, что женщин у нас мало и живут они недолго. Поэтому спрос большой и девушки могут выбирать — все, кроме принцесс… И если девушка соглашается выйти замуж — уже от этого мужчина счастлив. Не надо никакой любви — сам факт согласия способен осчастливить мужчину. Но если, кроме согласия, девушка даст понять, что ее избранник мил ей, — это уже вершина блаженства. Поэтому у нас не так, как на Земле: девушки первыми признаются в любви… или просто дают согласие.

В это время за окном раздался чей-то вопль, а потом донеслись крики возбужденных людей.

— Что случилось? — нахмурилась Ганелона.

Я поспешил к окну. Сердце у меня замерло в предчувствии неприятностей. Внизу, у входа во дворец, смирненько стоял Петрович, держа Росинанта за узду, а у его ног, испуская громкие стоны, лежал кавалер. Вокруг них быстро сгущалась толпа.

— Илия, быстро прекрати все, — приказала Ганелона.

Вскоре я увидел, как тот вышел на крыльцо.

— Благородные кавалеры! — зычно крикнул он. — Принцесса начинает прием Соискателей. Благоволите пройти во дворец!

— Что ты тут натворил? — спросил я Петровича, когда мы с

ним остались одни. — Неужели ты посмел ударить этого кавалера?

Оказывается, пока я плутал по дворцу, кавалеры, которым мое появление в качестве Соискателя явно пришлось не по душе, решили выместить свое раздражение на Петровиче. Они стали издеваться над ним и над бедной неповинной лошадью — причем с одинаковым результатом, поскольку ни Росинант, ни робот никак на все их слова не реагировали. Пока кавалеры высказывались насчет одинакового цвета зубов у Петровича и лошади, все было ничего. Но тут кто-то случайно задал Петровичу прямой вопрос — куда подевался его хозяин. Робот, как и положено примерному механизму, ответил, что его хозяин пошел к принцессе. Тут кавалеры возмутились всерьез, потому что они дожидались приема с утра. Последовали новые вопросы, и ответы еще больше накалили атмосферу. Отвечал Петрович со свойственным ему равнодушием, чем совсем вывел кавалеров из себя. Наконец один из них, самый здоровенный и самый крикливый, задал Петровичу на свою беду еще один прямой вопрос: «Ты что же, меня кретином считаешь?» — на что Петрович вынужден был ответить с предельной точностью, хотя и вежливо. Тогда кавалер размахнулся и…

— Кавалеры так и рвались в драку. Их надо было как-то остановить. Поэтому я не стал увертываться от удара, а сам подставил ему голову…

Я расхохотался. Бить Петровича — все равно что бить кулаком по скале. Чем сильнее ударишь, тем хуже тебе будет. Бедняга кавалер, наверно, раздробил себе пальцы и теперь досрочно выбыл из числа Соискателей.

— А как же Первый Закон? — спрашивал я сквозь смех. — Ведь ты причинил вред человеку!

— Я не причинял вреда человеку, — ответил Петрович. — Он сам причинил себе вред, я просто не стал ему мешать. Могу я это себе позволить, раз цепи Первого Закона у меня заблокированы?

Через час Илия отвел меня на конюшню. Была она на другом конце города. Я выбрал там неплохого коня по кличке Нектар. Конечно, с Баязетом равняться он не мог, но все же это был настоящий боевой конь.

Затем я долго примерял оборонительное вооружение — шлем, кирасу, перчатки, поножи и все прочее. Металлическая броня была тяжела и неудобна, конструкция ее оставляла желать лучшего. С удивлением я увидел длинные крюки на правой стороне кирасы — один выступал вперед, другой торчал за спиной. На эти крюки всадник укладывал копье во время атаки, чтобы освободить правую руку для управления конем. Я знал, что

в средние века рыцари на Земле пользовались подобными крюками, но мы от них давно отказались, потому что крюки стесняли движения и мешали нанесению прицельного удара. Я решил, что крюки придется отпилить. Не понравилось мне и отсутствие шарниров и замков — все части брони соединялись при помощи кожаных завязок. Копья показались мне удобными, но я заметил, что они короче, чем земные, примерно, на полметра.

С грехом пополам я кое-как напялил на себя все необходимое и повесил на левую руку щит. К счастью, удалось отыскать один щит без герба — это был рондаш, круглый щит с приклепанной изнутри железной скобой, в которую с трудом пролезла моя ладонь, и ременной локтевой петлей.

Запаренный, как в бане, я приехал на Ристалище и воткнул копье со своим вымпелом среди нескольких десятков других копий. С этого момента я официально стал числиться Соискателем со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. Мне выделили две комнаты во дворце, и я, подкрепившись, улегся в кровать, попросив Петровича посторожить.

Однако долго спать мне не пришлось.

Глава 11. Поезд смерти

Сон у меня всегда чуткий, и, когда Петрович прикоснулся к моему плечу, я проснулся мгновенно.

— Тебя спрашивает человек, — сказал Петрович. — Он уверяет, что это очень срочно.

Я вышел в полутемную гостиную и увидел там взволнованного мужчину. С удивлением я узнал в нем воинственного ресторатора, который так не любил Рюделя. Рядом с ним стоял паренек лет пятнадцати.

— Тень Креста над тобой! — приветствовал я его. — Неужели ты раздобыл мне лошадь, да еще вместе с жокеем?

— Пусть кавалер извинит меня, — глухо пробормотал ресторатор (тут я вспомнил вывеску над его заведением — «Теодор накормит всех»). — Случилось страшное дело. Тут нас никто не может услышать? — он пугливо осмотрелся.

Я взглянул на Петровича, тот отрицательно покачал головой.

— Можешь говорить смело. Что за мальчик с тобой? Петрович, зажги свет.

— Ради Креста, не надо! — взмолился гость. — Если нас здесь увидят, то всем нам конец — и тебе тоже.

— Рассказывай, — сказал я, усаживаясь. — Петрович, последи, чтобы нам не помешали.

— Этого юношу, кавалер, зовут Юлик. Это сын моего старшего брата. Пусть он сам тебе все расскажет.

Мальчишка был так напуган, что мне пришлось дать ему антеин. У него даже зубы стучали по стакану, пока он запивал таблетку. Но лекарство подействовало, и он начал говорить.

— Мой отец водитель… уже много лет. Он знает все машины и научил меня управлять ими. Я тоже хочу стать водителем. Я все машины водить умею — газогенераторные и электрические, и даже старые — атомные. И я люблю везде ездить… Отец меня часто брал с собой. В дороге я иногда управлял вместо него, чтобы он отдохнул, и поэтому мы заканчивали рейсы быстро. И отцу хорошо платили… Он хвалил меня и говорил, что без меня ему работа не в радость. Ему ведь было уже почти сорок лет — он говорил, что в таком возрасте надо радоваться всему, пока есть возможность…

И вот недавно — да, три дня назад — ему предложили очень выгодную поездку. Куда, зачем — не сказали. Обещали заплатить втрое, но велели о ней никому не говорить. Отправление было назначено на тот же вечер.

Там, где машины выезжают из гаража, есть удобный поворот,

и отец велел подождать его в этом месте. Оказалось, что в рейс отправились сразу семь фургонов, причем с большими прицепами. Машина отца шла предпоследней. Он чуть мигнул мне фарами, и я сделал, как обычно, — встал там, где машины поворачивали, и на самом повороте вскочил в кабину. Быстренько приготовил себе укрытие в отсеке для инструмента и сел рядом с отцом.

«Чудеса, да и только, — сказал он мне. — Знаешь, кто нанял нас? Сам кавалер Рюдель… Он сказал, что рейс срочный, ехать надо без остановок. Кто-то заикнулся насчет сменщиков, но кавалер Рюдель пообещал, что каждый получит плату и за сменщика — и еще сверх того. Смотри, это я уже получил как аванс! — и он протянул мне деньги, много денег, гораздо больше, чем платили отцу за неделю работы. — Держи их у себя, — сказал он. — Пусть они принесут нам счастье. Да, ты знаешь, — добавил он потом, — у нас почему-то проверили документы. И я заметил странную вещь — все водители были моего возраста».

«Собрали самых опытных», — ответил я ему. «Наверно, — согласился отец. — Но все же это риск. А что, если кто-нибудь из нас?..» — ну, я понял, что он имел в виду.

Мы ехали всю ночь, нигде не останавливаясь. Я успел хорошо выспаться и под утро сменил отца, чтобы и он немного отдохнул. Потом дорога вошла в горы, и отец сам сел за руль.

К вечеру мы проехали самый трудный участок. Одно место было особенно опасным. Здесь над ущельем висел узкий мост, на который надо было въезжать после крутого поворота, а сразу за мостом начинался длинный подъем. Стоило здесь отказать тормозам, и машина сорвалась бы вниз. Однако все проехали благополучно.

Когда стемнело, мы, наконец, миновали горы и уже ночью выехали на большую поляну среди леса. Здесь машины остановились.

Впереди послышались голоса. «Опять проверяют», — сказал отец и велел мне спрятаться. Я услышал, как хлопнула дверца стоявшей впереди машины, но о чем там говорили, разобрать не смог. Потом голоса приблизились к нам, и отец открыл дверцу. Спросили его имя, он ответил. «Ну ладно», — проворчал голос, кто-то посветил фонарем, и люди пошли дальше. Они подошли к последней машине, затем куда-то удалились.

Несколько минут я молча сидел в своем убежище, дожидаясь, чтобы проверяльщики отошли подальше. Было очень тихо — так тихо, что мне стало немного жутко сидеть в темноте, и я потихоньку позвал отца. Однако он не откликнулся.

Я подождал еще немного и позвал погромче, но отец молчал.

И тут мне стало по-настоящему страшно. Я вылез из ящика и увидел при свете приборов, что отец неподвижно лежит на руле, свесив руки.

Он был мертв — я понял это сразу, даже не дотронувшись до него, даже не попытавшись понять, что с ним. Я совершенно потерял голову от страха. Выскочив из кабины, я бросился к соседней машине, чтобы позвать на помощь. Дверца кабины была раскрыта, а на руле лежал мертвый водитель!

Я не знаю, как я не сошел с ума. Я бегал от машины к машине и всюду видел одно и то же — мертвые водители в открытых кабинах. Я не мог ни кричать, ни плакать — такой ужас охватил меня.

И вдруг я снова услышал голоса. В первый момент я хотел кинуться к людям, но что-то остановило меня. Я вдруг понял, что меня тоже сейчас убьют, как только что убили всех водителей. Тогда я спрятался за деревом и стал смотреть. Вдоль нашего поезда шли люди — они подходили к машине, вытаскивали труп водителя, клали его на траву и шли к следующей. Все это они делали совершенно спокойно, словно занимались такой работой каждый день. Кто-то с фонариком пересчитал трупы, потом стал их обыскивать. Я догадался, что он ищет деньги, и с ужасом вспомнил, что отец передал их мне. Тут человек с фонарем позвал других, они о чем-то заспорили, и один забрался в машину отца — видимо, искал деньги там. Я понял, как мне повезло: останься я в машине, меня бы уже не было в живых.

Они еще долго ругались из-за пропавших денег, обвиняя друг друга. Потом из леса выехала конная тележка, трупы сложили на нее и куда-то увезли.

Тут кто-то спросил, где водители. «Надо сперва зарыть этих», — ответили ему. Я догадался, что скоро сюда прибудут новые шоферы, которые поведут машины дальше, а я останусь здесь один, за тысячу километров от дома.

К этому времени я немного успокоился и стал думать, что делать дальше. Терять мне было нечего, и я решил бежать. Дождавшись, когда неизвестные ушли, я забрался в последнюю машину, в полной темноте, не зажигая фар, развернулся на поляне и помчался по знакомой дороге.

Я гнал машину на полной скорости. В первый момент я хотел сбросить прицеп, но потом у меня возникла одна идея. Я вспомнил про тот мост и рассчитал, что успею добраться до него, прежде чем меня догонят. Поэтому я волок за собой тяжеленный длинный прицеп, вознося хвалу Кресту за то, что на моей машине стоит такой мощный электромотор. Погоню я заметил, когда передо мной ужо открылся крутой уклон, выводивший дорогу прямо на мост. Я включил тормоза, уменьшая скорость, и, когда

она упала почти до нуля, нажал на кнопку сброса прицепа. После этого я рванул машину вперед, чтобы уйти как можно дальше от прицепа, который тихо катился вслед за мной, медленно набирая ход.

Сразу за мостом была скала, под которой дорога делала крутой поворот влево. Моя длинная и тяжелая машина могла повернуться здесь с трудом, да и то на самом малом ходу. Когда до поворота оставались считанные метры, я изо всех сил затормозил. Раздался визг, машина пошла юзом. Я подумал, что сейчас перевернусь, и с ужасом ждал удара несущегося вслед за мной прицепа. Но я рассчитал точно и успел вывернуть машину буквально в сантиметрах от скалы. Секунду спустя позади раздался грохот — прицеп ударился о скалу, встал свечой и обрушился назад, на дорогу и мост.

Мои преследователи слишком поздно поняли, что произошло. Я услышал, как завизжали их тормоза, и оглянулся. На свою, беду, они шли за прицепом почти вплотную, и у них не оставалось пространства для маневра. Их водитель кинул машину на край дороги и едва не проскочил в узкую щель между обрывом и прицепом. Но падающий прицеп все же задел машину, и этого оказалось достаточно, чтобы сбросить ее в пропасть…

Тогда я поехал дальше. Вблизи от столицы я бросил машину в лесу и пришел к дяде Теодору.

Юлик закончил свой рассказ.

— Почему ты привел его ко мне? — спросил я трясущегося ресторатора.

— Я думал… Мальчика опасно оставлять у меня. Они же будут искать…

— Поэтому лучше пусть найдут его у меня?

Ресторатор совсем поник и ссутулился.

— У кавалера искать не будут… При чем тут кавалер и сын какого-то водителя? И еще я думал, что кавалеру будет интересно… Поскольку он не любит кавалера Рюделя…

Я слушал моего гостя и напряженно думал. Подослан он или нет? Вряд ли, — похоже, что все рассказанное мальчишкой чистая правда. У дядюшки хватило порядочности не выдать его, но он все же очень опасается за свою шкуру и предпочел бы сплавить опасного беглеца мне. Наверняка кавалер Рюдель перетряхнет всех родственников убитых водителей. И, конечно, когда дядюшку Теодора как следует прижмут, он не будет долго запираться. Такие типы храбры, когда их толпа, да все с длинными мясницкими ножами.

Мне очень не хотелось впутываться в какую-нибудь историю, но парнишке всерьез грозила беда.

— Слушай, дядюшка Теодор, и да будет над тобой тень Креста! Я действительно не люблю кавалера Рюделя и хочу его побить в честном бою. Все, что мне тут наплел твой племянник, меня не интересует. Но мальчишка мне нравится. Мне нужен шустрый парень, которому я смогу доверять. Оставь его у меня.

Я выпроводил ресторатора за дверь и велел Петровичу заняться мальчиком, а сам ушел в другую комнату и долго говорил с бабушкой.

Глава 12. Полцарства за коня!

Бои Соискателей проходили по олимпийской системе — проигравший мог отправляться восвояси или занять место среди зрителей. Ничья не объявлялась — соперники бились до победы.

По жребию мне пришлось принять участие в утренних боях. Кавалер с красной лентой Верховного Судьи через плечо долго копался тощими пальцами в вазе и, наконец, вытащил мне первый номер. Я предпочел бы выступать не самым первым, чтобы предварительно посмотреть на один-два боя, — все-таки знать уровень мастерства здешних кавалеров мне бы не повредило. Судья смотрел на меня наглыми глазами, склонив голову набок, как вздорная сорока. Почему-то его птичье лицо показалось мне знакомым. Я попытался вспомнить, но не смог. «Ладно, — подумал я и равнодушно кивнул. — Первый так первый. Выиграю бой и насмотрюсь вдоволь».

Мою броню привез на тележке Илия со своими подручными. С помощью Петровича и Юлика я надел ее на себя. Была она тяжела и неудобна, но приходилось терпеть. Илия припас также дюжину деревянных копий. Я уселся на Нектара, строго-настрого приказав Петровичу только наблюдать и ни во что не вмешиваться, взглянув на всякий случай на блок-кольцо, надетое на палец левой руки, и выехал на Ристалище.

Глашатаи долго перечисляли победы моего соперника — все это я слушал вполуха. Наконец раздался сигнал, и мой первый бой начался.

Из этого короткого боя я успел понять только то, что мастерством здешние кавалеры не блещут. Мой противник вылетел из седла от первого удара, не сумев даже толком зацепить меня. Я спешился, снял по здешнему обычаю шлем, помог подняться на ноги кряхтевшему кавалеру, и мы поклонились королевской ложе. Потом я сидел на солнышке, сняв броню, и смотрел, как ломают копья другие претенденты, — среди них лишь двое или трое показались мне достаточно серьезными соперниками. Больше всего мне хотелось увидеть кавалера Рюделя, но его нигде не было, — видимо, он попал в вечернюю подгруппу.

Часа через два пришел черед второму моему поединку. Я надел броню и пошел за лошадью. Картина, которую я увидел, заставила меня похолодеть: Нектар, дергаясь, лежал на полу конюшни, с его губ капала розовая пена, а вокруг метался ошалевший Юлик.

Я понял все с одного взгляда — кавалер Рюдель нанес мне

новый и очень меткий удар.

— Здесь кто-нибудь был? — спросил я.

— Никого… Дядюшка был… — мальчишка чуть не плакал.

— Зачем он приходил?

— Проведать… сладостей вот принес…

— К лошади подходил?

— Да… Хороший, говорит, конь, славный конь… Похлопал его.

— Кормил?

— Конфету дал…

Все было ясно. Агенты Рюделя добрались-таки до дядюшки Теодора. Ах, быстро его обработали!

Я стремглав бросился наружу, потому что там уже объявлялся следующий бой — мой бой.

— Моя лошадь отравлена, — шепнул я Илии и Петровичу. — Что будем делать? Кто-нибудь из кавалеров сможет одолжить мне коня?

— Я боялся чего-нибудь подобного, — сказал Илия. — Это все подстроено, и никто нам лошади не даст.

Вдруг мне в голову пришла сумасшедшая мысль. Ведь дворцовая конюшня в пятистах метрах отсюда!

— Есть выход, — сказал я. — Илия, прошу тебя именем Ганелоны: беги в конюшню и скачи сюда на Росинанте. Дай ему с сахаром эти таблетки — и сюда. Я постараюсь выиграть время.

Сопровождаемый Петровичем, я кинулся к птицеголовому судье. Он с важностью восседал в глубине судейской ложи, потягивая что-то из стакана.

— Я прошу дать мне пять минут отсрочки. Моя лошадь нездорова, и я хотел бы ее сменить.

Остроносый кавалер окинул меня мерзким взглядом — я даже поежился под броней — и проворно вылез из кресла.

— Кавалер отказывается от поединка? — громко спросил он. — Кавалер испугался боя с соперником?

— Да не отказываюсь я! Мне нужно пять минут, чтобы сменить лошадь.

Он смотрел на меня с ядовитой ухмылкой.

— Поскольку бой уже объявлен и соперник ожидает на Ристалище, по кодексу конного боя его следует объявить победителем…

Тут меня словно кипятком ошпарило. Я вспомнил, откуда мне знакома эта длинноносая рожа!

— Кавалер же, отказавшийся встретиться в честном бою с соперником, изгоняется с позором из числа Соискателей, вымпел его всенародно срывается и попирается ногами… — открыто

издеваясь, нараспев читал судья.

Я быстро оглянулся — не помешает ли мне Петрович? Но тот стоял спиной к нам у балюстрады и разглядывал моего гарцующего соперника. Ну и хорошо. Эх, птиценосый, ты меня видишь впервые, а я тебя уже видел — на портрете, за спиной у Ганелоны, — и теперь знаю, что ты за птица! Сейчас я сделаю мгновенное движение, которое ты даже не увидишь, и ты сложишься пополам, тихо ляжешь на землю и будешь лежать долго, достаточно долго, чтобы я успел вышвырнуть из седла своего соперника. А когда ты немного оживешь, я шепну тебе несколько слов, после которых ты никогда не захочешь становиться мне поперек дороги!

Судья был глуп, как пень, и инстинкты самосохранения у него начисто отсутствовали. Иначе он не посмел бы разинуть рот и заорать ликующим голосом:

— Объявляется, что ввиду отказа…

«Сам виноват, — подумал я, незаметно разворачивая плечи и расслабляя кисть. — Эх!..»

Но ударить я не успел, потому что пальцы Петровича намертво сковали мою руку.

— Второй кавалер тоже не может биться, — сказал Петрович, дружески обнимая судью за шею и поворачивая лицом к Ристалищу. От этого легкого прикосновения глаза у судьи вылезли из орбит, рот приоткрылся, а лицо начало синеть. Но Петрович знал меру — через две-три секунды он отпустил обмякшего судью и даже поддержал его за локоть, чтобы тот устоял на ногах.

— Обрати внимание, судья, второй кавалер тоже не может биться, — повторил он флегматично. — У него что-то случилось с лошадью. Видишь, она лежит на траве?

— Видимо, сегодня невезучий день для лошадей, — сказал я судье, ласково улыбаясь. — Я думаю, что надо объявить перерыв минут на пятнадцать-двадцать. Неужели у тебя есть возражения?

Судья ошалело крутил головой, потирая шею.

— Н-нет… Не возражаю, — прохрипел он. Голос явно не слушался его. Он подозвал герольда и приказал объявить перерыв.

Я был готов расцеловать Петровича — я не сомневался, что все это его проделки.

— Петрович, побудь тут с судьей, — сказал я. — Ты посидишь здесь, судья, пока я буду готовить лошадь? Ее, по-моему, уже привели…

— Да-да, я посижу, — с готовностью пролепетал судья, оглядываясь на могучую фигуру Петровича.

К моему удивлению, Росинант выглядел достаточно бодро. Видно, мои таблетки слегка взгорячили его старческую кровь. В бой он поскакал не то чтобы очень уж резво, но все же не плелся шагом. Первое копье я сломал безрезультатно. При второй схватке я ударил точней, и мой противник шлепнулся наземь.

— Что ты сделал с лошадью? — шепотом спросил я Петровича, когда он подошел ко мне после боя.

— Я усыпил ее, — ответил тот.

— Каким образом? Ты ведь не отходил от меня.

— А мне не надо для этого отходить, — Петрович вытянул вперед палец, и я понял, где скрыто его оружие.

— У тебя что, в каждом пальце по сюрпризу? — спросил я озадаченно.

Только сейчас я начал понимать, какого могучего помощника дала мне Земля.

— Сюрпризы — только в правой руке, — ответил Петрович. — В левой у меня индикаторы. На радиацию, яды, микроорганизмы… Но я надеюсь, что они нам не пригодятся.

— Я тоже надеюсь, — ответил я, с уважением глядя на робота. Я еще не догадывался, что все его индикаторы окажутся здесь бесполезными.

Глава 13. Тень Креста над нами

К лошадям в королевской конюшне приставили охрану — пять назначенных Ганелоной придворных поклялись не отходить от них ни днем, ни ночью. Только убедившись, что опасность с этой стороны больше не угрожает, я отправился к себе, чтобы отдохнуть.

Я шел пустым темным коридором, когда меня тихонько окликнули. Это был диспетчер Фей. Я провел его к себе и попросил Петровича проверить комнаты. Замки замками, а за мое отсутствие сюда могли подсунуть любой сюрприз — от подслушивающего аппарата до мины под подушкой. Рюдель, по-видимому, уже понял, что я его главный враг, и мог пойти на любую подлость, чтобы устранить меня со своего пути. Петрович прошелся по комнатам, но ни один из его многочисленных индикаторов не обнаружил опасности.

— Я пришел поздравить кавалера, — сказал Фей. — Я видел оба боя и восхищен ими. Если бы кавалер не поменял лошадей, его вторая победа была бы еще убедительней. Опять что-нибудь случилось с подковой?

— Если бы так!.. — Я рассказал ему, что произошло с моей лошадью на Ристалище.

— Кавалер твердо уверен, что лошадь отравлена?

— Абсолютно.

— И он не боится говорить об этом вслух?

— А кого мне бояться, диспетчер? Рюдель и так все знает. Кроме того, сейчас нас никто не слышит — за это я ручаюсь.

— Тогда я скажу несколько слов по секрету. Сегодня ночью ко мне приходил тот человек, которого ты послал. Летур. Мы долго с ним говорили, и он рассказал то, о чем все догадываются, но вслух говорить боятся. Что существует способ продления жизни и кавалеры его знают, но скрывают от народа. Нам говорят: короткая жизнь угодна Кресту. Но почему это ему угодно? Почему сам Летур живет уже шестьдесят лет, если Кресту это неугодно? Почему куда-то исчезли книги о прежних временах, когда жизнь была гораздо длинней? И неужели даже сорок лет — уже не для всех? Летур сказал, что люди стали умирать до этого срока. Мне сейчас тридцать пять. Я хочу знать, есть у меня еще пять лет впереди или я умру завтра? А может быть, я зря беспокоюсь и мне повезет, как Летуру, хотя это и неугодно Кресту?

Я слушал диспетчера и в который раз перебирал в уме все, что узнал. Странные и противоречивые факты никак не укладывались в стройную систему…

Тут я вспомнил воинственного ресторатора.

— Один человек недавно сказал мне, что если бы существовало лекарство для продления жизни, то он перерезал бы глотку любому, лишь бы завладеть им. Что ты думаешь по этому поводу?

— Я тоже знаю таких. Но сам думаю иначе. Я считаю, что это лекарство нужно всем.

— И кавалерам тоже?

Диспетчер несколько секунд молчал, словно не решаясь заговорить.

— Такое лекарство должно принадлежать всем, кто работает, — сказал он наконец, глядя мне в глаза.

Я ожидал такого ответа и все же почувствовал немалое удовлетворение. Кто не работает, тот не ест — вот как звучала его фраза в переводе на язык земной философии.

— Но кавалеры не работают.

— Они будут работать… со временем.

— Когда же это время наступит?

— Мне кажется… наступит, — диспетчер вдруг замолчал, словно сказал что-то такое, чего говорить не следовало. Я понял его опасения и спросил:

— Летур не сказал тебе, кто я такой?

— Нет.

— Я прилетел с той самой планеты Земля, откуда много лет назад прибыли ваши далекие предки. В то время на всей нашей планете был навсегда провозглашен лозунг «Кто не работает, тот не ест». Кое-кому он не понравился, и недовольные сбежали сюда…

Тут в дверь негромко постучали. Я попросил Фея перейти в другую комнату и выглянул в коридор. Там стояла Леннада.

— Пусть кавалер извинит меня, но мне поручено передать, что во дворе его ожидает человек с лошадью.

Девушка явно ждала, что я приглашу ее зайти. Но я закрыл дверь — мне очень не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел у меня Фея…

Некоторое время мы шли молча.

— Я хочу, чтоб кавалер завтра проиграл, — сказала вдруг Леннада.

— Почему? — удивился я. — До сих пор все желали мне победы. Правда, это были мужчины.

— Если кавалер победит в турнире, он не захочет смотреть на меня. У него будет принцесса, он станет королем… Поэтому я хочу, чтобы он проиграл. Тогда кавалер посмотрит на меня не только во время беготни по коридорам и увидит, что я ничуть не

хуже Ганелоны.

Я взглянул на Леннаду, удивленный ее откровенностью.

— Ты очень красивая девушка, — сказал я, ничуть не кривя душой. — Я уверен, что любой кавалер будет счастлив, если ты выберешь его.

— Я уже выбрала тебя… — ответила она шепотом.

— Поверь, милая Леннада, я никогда не забуду твоих слов. Но где же человек с лошадью?

— Вот он, — показала она.

Невдалеке, у коновязи, рядом с великолепным белым конем стоял, бравый ресторатор.

Я ожидал чего угодно, но только не этого. Отравил одну лошадь и привел другую…

— Кавалер желал, чтобы я раздобыл для него коня, — сказал дядюшка Теодор, когда я подошел. — Кресту было угодно, чтобы я смог выполнить его желание.

— Зачем ты приходил на Ристалище? — в упор спросил я.

— Кавалер обещал мне, что он свалит кавалера Рюделя. Как я мог пропустить такое зрелище?

— А что ты делал возле лошадей?

— Пусть кавалер не беспокоится — меня там никто не заметил. Я только с парнишкой поговорил, с Юликом. Конфет вот ему принес.

— Ему или лошади?

— А что, разве нельзя? Животное — оно тоже ласку любит. Но если нельзя, то я не буду. Откуда мне знать — я в них не разбираюсь.

Дядюшка Теодор преданно смотрел на меня ясными глазами, словно это не он обещал мне недавно перерезать при случае глотку. Может быть, он действительно ни при чем?

— Почему же нельзя, — пробормотал я и повернулся к лошади.

Уже с первого взгляда я понял, что это — самый лучший конь из тех, что я здесь видел, хотя моему Баязету он все же уступал. Я долго осматривал, ощупывал, оглаживал животное, тщетно пытаясь найти в нем какой-нибудь изъян. Конь был безупречен.

— Спасибо тебе, — сказал я наконец. — Ты честно выполнил свое обещание. Теперь очередь за мной. Я свое тоже выполню.

— Да будет тень Креста над тобой, кавалер, — глухо произнес ресторатор, глядя в землю. — Ну, я пошел… А лошадь эту зовут Закатом.

И вдруг я понял, выполнения какого обещания он от меня ожидает. Я ведь собираюсь свалить Рюделя. Но дядюшке Теодору нужно от меня совсем другое — он ждет, что я поделюсь с ним

рецептом долголетия!

Оставив Петровича стеречь лошадь и с трудом отделавшись по пути от Леннады, я возвратился к себе и рассказал обо всем Фею.

— И все-таки мне кажется, что лошадь отравлена им, — сказал я. — Но зачем тогда он привел эту?

— Если это проделки Рюделя, — сказал Фей, — можно ожидать любой подлости.

Я вызвал Петровича через браслет и попросил проверить лошадь. Через несколько минут он доложил, что все в порядке, и я успокоился. Меня смущало только одно: где дядюшка Теодор раздобыл лошадь? К сожалению, я не спросил его об этом сразу, и мне оставалось только гадать, каким образом человек, совершенно не разбирающийся в лошадях, мог приобрести такое великолепие.

Я поделился своими опасениями с Феем, и он сказал, что не стоит держать Заката вместе с остальными лошадьми. Вдруг завтра объявят, что конь ворованный, наложат на конюшню арест… Да мало ли фокусов в запасе у Рюделя!

— Если кавалер разрешит, мы смогли бы присмотреть за его лошадью, — предложил он. — Мы будем дежурить возле нее круглосуточно. А когда она понадобится, кавалер сообщит нам.

На этом мы и договорились.

Вечером я вызвал спутник. Бабушки там не оказалось. Все же вскоре ее разыскали на Земле. На экране браслета рядом с нею я с изумлением увидел Виолу, которая на этот раз уже не была блондинкой.

— Ты эту девушку знаешь? — спросила бабушка. — Ладно, ладно, не смущайся. Мы тут с нею тебе сюрприз готовим…

— Бабуся, а я получил подарок от Рюделя! — сказал я и поделился с нею своими новостями.

Она долго смеялась над рассказом о том, как я хотел нокаутировать судью, и похвалила Петровича за сообразительность. Но что за сюрприз мне приготовлен, она так и не сказала. Зато я узнал, что спутники обнаружили в том месте за Южным — хребтом, где побывал Юлик, небольшой городишко, и показала мне фотокарту.

— Петрович, не отсюда ли идут те сигналы, которые ты слышал?

Петрович взглянул на экран, мысленно сфотографировал карту и сказал, что пеленги сходятся в районе королевского парка, неподалеку от Ристалища.

— При случае прогуляйся туда, — посоветовала бабушка. — У нас об этой планете информации — ноль с хвостиком.

Поручение бабушки я решил выполнить немедленно, как ни хотелось мне посмотреть на вечерние схватки. Таинственные импульсы очень интересовали меня. С момента прибытия на Изумрудную Петрович старательно пеленговал их и теперь мог указать местоположение передатчика точно.

Огромный королевский парк пустовал — в этот час жители уже спешили на Ристалище или усаживались у экранов. Это было нам на руку. Мы долго бродили с Петровичем по аллеям, выложенным плитами красного песчаника, по ажурным мостикам над прудами, продирались через заросли. Наконец, поднявшись на заросший деревьями холм, мы наткнулись на маленькую часовню — я видел такие и в городе.

Солнце уже сползало к горизонту, и его зеленый свет сделал изумрудными ползущие по небу облака. Зеленой стала и вода в пруду, и белая часовня.

Мы долго разглядывали часовню, однако ничего подозрительного не заметили. Выглядела она дряхлой и заброшенной. Мы уже хотели повернуть к выходу. Но в это время солнце выглянуло из-за облака, брызнув нам в спины изумрудными лучами, и мы увидели, что на наши тени, вытянувшиеся на траве, упала тень огромного креста.

Тень — это всего-навсего тень, но мы оба мгновенно обернулись. Недалеко от нас среди деревьев прятался большой бетонный куб, над которым возвышался огромный сверкающий крест.

— Мне кажется, Петрович, это то, что мы искали, — сказал я вполголоса.

Мы пробрались через густые кусты вплотную к зданию. Куб был непроницаем, без окон и дверей. Лишь обойдя его кругом, мы обнаружили небольшую дверку, но она оказалась запертой.

— Что это такое — храм Креста или радиоцентр? — спросил я. — Для храма это здание слишком неприступно. Или здесь посещение храмов не предусматривается обычаем?

— Это здание лежит в центре треугольника ошибок, — сказал Петрович. — Сигналы могли исходить только отсюда.

— Петрович, ты помнишь антенну того аппарата, с которым Рюдель сидел в Гурзуфе? — спросил я. — Тебе не кажется, что она похожа на этот крест?

— Сходство есть, — подтвердил Петрович, — Но все-таки этот крест — не антенна.

Вдруг он сделал предостерегающий жест и увлек меня в кусты. Раздался скрип металла — дверки в стене растянулась, и оттуда кто-то вышел. Судя по голосам, их было двое.

— Я сделаю все, как мы договорились, — услышал я гнусавый

голос, который показался мне знакомым.

— Но ни секундой раньше, ни секундой позже, — ответил ему второй. — Я оторву тебе голову, если ты ошибешься!

— Кавалер обижает меня, — сказал первый голос. — Если он во мне сомневается, он может все сделать сам…

Тут в просвете между листьями я увидел лицо говорившего. Это был мой старый приятель — птицеголовый судья.

— Я не должен появляться утром на Ристалище, — сказал его невидимый спутник. — Если я появлюсь утром… — дальнейшее я расслышать уже не смог.

Когда голоса затихли вдали, мы выбрались из кустов.

— Ты узнал судью? — спросил я.

— Да, — ответил Петрович. — Но второго я не рассмотрел.

— Я тоже. Но мне кажется, что это был сам Рюдель. Уж слишком заискивал перед ним судья. И вообще все это мне не нравится. Не кавалерское это дело — таскаться по радиостанциям… А ну, Петрович, отсними это здание. Покажем его бабушке.

Петрович обошел вокруг, зафиксировав его в своей фотонной памяти. Мне показалось, что перед тем как пересечь отбрасываемую крестом тень, он на мгновение замешкался.

— Да будет тень Креста над нами — бодро сказал я. — Ты не находишь, что сейчас эта поговорка очень кстати? И еще: ты можешь объяснить, почему она мне так не нравится?

Глава 14. Пленник любви

— Ты убежден, что это Рюдель подсунул тебе лошадь? — спросила меня бабушка, когда, вернувшись, я рассказал ей о прогулке по королевскому парку.

Неодобрительно поджав губы, она долго вертела так и этак фотографии таинственного радиохрама, переданные на спутник Петровичем.

— Больше некому. Такой лошади здесь нет цены. Ни у кого из кавалеров я не видел ничего подобного. Не могу поверить, чтобы Рюдель скупил всех мало-мальски стоящих лошадей, а эту не заметил.

— Знаешь, внучек, держись-ка ты от нее подальше, — сказала вдруг бабушка. — Не по душе мне подарки твоего Рюделя. Скачи лучше на своем Росинанте.

— Ох, бабуся, что ты говоришь! Он шагом-то еле ходит. А Закат — отличная лошадь. Она уступает только Баязету.

— Тебе виднее, — заметила бабушка. — И все же на твоем месте я бы к ней не подходила.

После ужина я уселся в кресло перед телевизором, чтобы посмотреть, чем меня порадует местная телесеть.

Телевизор был допотопный — не с пленочным, а с толстослойным экраном, заделанным в деревянный ящик. Из пяти каналов работал только один.

Я впервые смотрел местную телепрограмму, и она меня ничем не порадовала. Изображение было плоское, краски неважные. Передавали что-то вроде последних известий — смесь уголовной, спортивной и светской хроники. Состязания претендентов не показали, объявили только результаты — Рюдель снова выиграл оба боя. Я заметил, что вся передача состояла из прямой трансляции. Видеозапись совсем не применялась.

Я выключил экран и задумался. Моего очень краткого пребывания на Изумрудной было достаточно, чтобы понять, что здешнее общество неуклонно деградирует. Я понимал, почему это происходит. Кучка беглецов с Земли привезла сюда передовые знания, передовую технику и технологию, самую современную энергетику. Здесь, на Изумрудной, в распоряжении колонистов были неограниченные природные ресурсы, идеальная среда обитания — им не приходилось сражаться за жизнь, терпеть голод и холод, ютиться в пещерах, экономить каждый глоток воды или воздуха. У них имелись все условия для неограниченного развития — не было только развития. И причина крылась вовсе не в неимоверно кратком сроке жизни.

Первобытный человек на Земле жил вдвое меньше и все-таки создал цивилизацию… Нет, я понимал, что дело совсем в другом: привезя сюда передовую технику, беглецы не привезли передовых идей.

На Изумрудной царили классовое неравенство, экономическая зависимость, религия. Застывшие на столетья производственные отношения сковали рост экономики, если не остановили его совсем.

Я помнил, как Юлик назвал атомные автомобили старыми — новейшими конструкциями были аккумуляторные электромобили и газогенераторные машины. Очевидно, то же самое происходило во всех областях, и прежде всего в энергетике. Переселенцы привезли сюда кварк-реакторы, но со временем те постепенно вышли из строя, и основой энергетики Изумрудной стали ядерные реакторы, а затем тепловые электростанции… Из пяти программ телевизионной сети осталась одна, стал популярен конный транспорт. Общество неуклонно двигалось к закату, и если правда, что средняя продолжительность жизни на планете тоже уменьшается, то закат этот наступит очень скоро.

Вмешательство Земли могло все изменить. Но если Рюдель захватит власть, он этого не допустит. Я должен победить его, чтобы никогда ни он, ни подобные ему не могли здесь верховодить. Могущество Земли неизмеримо — в считанные дни она сможет дать Изумрудной все, чего здесь не достичь за века. Я был уверен, что земная наука быстро справится и с самой страшной бедой этой планеты — катастрофическим сокращением продолжительности жизни здешних жителей.

Если бы я знал, как я ошибаюсь!

Несмотря на все хлопоты и волнения, сон у меня был прекрасный. Однако я мгновенно проснулся, когда среди ночи Петрович тронул меня за плечо.

— В чем дело?

— Тебя вызывает принцесса.

Я быстро оделся и вышел в темную гостиную. Там меня ждала взволнованная Леннада.

— Пусть кавалер простит меня за беспокойство — вполголоса сказала она. — Мне поручено немедленно проводить его к принцессе. Никто не должен знать об этом.

— Что-нибудь случилось? — спросил я, наскоро причесываясь. — Петрович, идем!

— Пусть Петрович останется, — возразила девушка, — Мне приказано привести одного кавалера.

Я последовал за Ленадой по темным коридорам.

В огромном королевском дворце я плохо ориентировался и днем, сейчас же совсем не представлял, где мы находимся. Мы шли то вниз, то вверх, то снова вниз. Видимо, девушка прекрасно знала дорогу — только изредка она посвечивала слабеньким фонариком, а все остальное время вела меня в полной темноте. Наконец мы остановились, и я услышал скрип отворяемой двери.

— Кавалер может войти, — шепнула она и на миг включила фонарик. — Его там встретят.

Я шагнул вперед и остановился в полном мраке. Дверь позади меня скрипнула и закрылась. Я услышал, как с лязгом задвинулся засов. Затем за дверью послышался смех. Только тогда я понял, что никакого вызова от принцессы не было… Я шагнул к двери, нащупал ручку и несколько раз дернул ее, но дверь даже не шелохнулась.

— Леннада, открой дверь! — сказал я как можно строже. — Что это за глупости!

Девушка за дверью звонко рассмеялась.

— Пусть кавалер простит меня. Но теперь он мой пленник!

— Зачем ты это сделала? — спросил я.

— Справа от двери кавалер найдет кресло, — сказала она в замочную скважину. — В нем он может провести остаток ночи. А потом я его освобожу.

— Освободишь? Так тебя не Рюдель подослал? — я был совсем сбит с толку.

— Рюдель? О нет! Меня никто не подсылал. Это я сама.

— Зачем?

— Я хочу спасти кавалеру жизнь.

— Каким же образом? Я могу это узнать?

— Я знаю, что кавалер — очень умелый и храбрый боец. Он будет побеждать всех претендентов, пока жребий не сведет его с кавалером Рюделем. А кавалер Рюдель непобедим. В первой же схватке он своим огромным черным копьем пробьет голову кавалеру Алексею — так же, как всем предыдущим соперникам, и мне останется только положить на могилу кавалера белые цветы печали.

— Я побью Рюделя, — возразил я.

— А если кавалеру повезет и он побьет Рюделя, он женится на принцессе, — продолжала девушка. — Вот я и решила: пусть кавалер лучше посидит здесь, пока не кончатся утренние поединки. Тогда я его выпущу, и он уже не сможет ни проиграть, ни победить, потому что не явившийся на поединок кавалер исключается из числа Соискателей. И тогда, может быть, он захочет посмотреть на меня…

— Открой дверь! — зарычал я, напрасно дергая за ручку.

С той стороны снова послышался смех.

— Этот подвал — один из самых заброшенных во дворце. Если кавалер будет громко кричать, он может охрипнуть, а это не украсит его…

Лязгнул еще один засов, загремел замок, и я услышал удаляющиеся шаги. Тогда я включил осветитель браслета и стал осматривать свою темницу. Это был настоящий каменный мешок — шириной в три шага, длиной в пять, с высоким сводчатым потолком. Очевидно, это помещение служило кладовой — на полу стояли какие-то старые ящики, валялись бумаги. В комнату вела единственная дверь, сделанная из кованого железа, ни окон, ни отдушин не было видно. Справа от двери, как и сказала Леннада, стояло тяжелое мягкое кресло, которое девчонка приволокла откуда-то из дворцовых покоев. Я сел в кресло, вызвал Петровича и попросил поскорее вызволить.

— Попробую, — сказал Петрович. — Пеленг я уже взял, теперь надо лишь найти дорогу…

Время тянулось медленно. Чтобы как-то отвлечься, я открыл один из ящиков. В нем лежали книги и рукописи, все очень ветхие. Я выбрал наиболее сохранившуюся, сдул с нее пыль,

уселся в кресло и начал читать. Вначале архаический язык раздражал меня, но постепенно я увлекся. Это был сборник каких-то легенд. Меня поразило, что в легендах упоминались древние старцы и старухи. И тогда я понял, что читаю запрещенную и изъятую литературу тех времен, когда люди доживали до старости! На Изумрудной умирали молодыми. И я не мог поверить, чтобы кто-то сумел выдумать такие подробности, как ноющие кости, слепнущие, слезящиеся глаза, выпавшие зубы… Нет, все это было явно списано с натуры!

Время от времени Петрович докладывал мне о ходе поисков. Он уже примерно определил, где я нахожусь, и обследовал несколько подвалов, хотя не имел еще ясного представления о плане подземных коридоров.

— Когда же ты его будешь иметь? — спрашивал я, потому что время шло и беспокойство грызло меня все сильнее.

— Точно сказать не могу, — отвечал Петрович. — Здесь под землей целый лабиринт. Но я уже где-то рядом.

Это «где-то рядом» продолжалось так долго, что я совсем распростился с надеждой попасть на Ристалище… Но вот раздался гулкий удар в дверь — Петрович все же нашел меня. Я взглянул на часы. До начала схваток оставалось меньше тридцати минут.

— Петрович, ты сможешь выломать дверь? — спросил я с тревогой.

Только теперь я вспомнил, как старательно гремела засовами и замками Леннада.

— Отойди в угол и стань спиной к двери, — скомандовал робот.

Раздалось шипение, запахло горячим железом, в спину мне ударили крошки камня. Через несколько секунд дверь распахнулась.

— Опять сюрприз из пальчика? — спросил я, глядя на перерезанные замки.

Петрович кивнул. У него был очень довольный вид.

— А теперь скорей на Ристалище! Мне еще надо надеть броню.

И тут я вспомнил, что не послал никого к Фею. Значит, первый бой придется вести на Росинанте…

На Ристалище мы явились минута в минуту. Первым делом я взглянул в судейскую ложу. Наш приятель с напыщенным видом сидел в глубине, а вход в ложу охраняли десять до зубов вооруженных кавалеров.

— По-моему, судья очень разволновался, — сказал Петрович.

Действительно, тот выскочил из-за своего столика и

растерянно метался по ложе, показывая в нашу сторону какому-то человеку. Тот тоже посмотрел на нас и кинулся куда-то бежать.

— Знаешь, Петрович, у меня такое впечатление, что наше появление их поразило. Может быть, они пронюхали о проделке Леннады? Или еще проще — она выполняла их задание?

Тогда я еще не догадывался, что причиной переполоха были не мы, а тихоня Росинант, который стоял рядом со мной, растопырив для устойчивости ноги. Об этом я узнал гораздо позднее, а сейчас мое внимание привлек знакомый мне предмет на судейском столе. До ложи было довольно далеко, но все же я мог поклясться, что этот предмет мне знаком. Я попросил Петровича дать его крупным планом и включил экран браслета. Петрович нацелился в ложу своим телеглазом, и я увидел во весь экран стоящий на столе приборчик с крестовидной антенной, — точь-в-точь такой был в руках у Рюделя на пляже.

Я не знал, для какой цели служит этот аппарат, но прекрасно помнил, что Летур погиб в то самое время, когда Рюдель вертел такой же прибор в руках, и это совпадение мне очень не понравилось. Я шепотом напомнил об этом Петровичу и попросил не спускать с судьи глаз.

— Я не спущу с него глаз, — серьезно ответил робот. — Мне такие совпадения тоже не нравятся.

Но тут птицеголовый схватил прибор и, сложив антенну, стал яростно запихивать его себе в карман. Затем он дал сигнал, и я поехал вперед — мой бой был самым первым… Свалив противника, я подъехал к конюшне, где уже вертелся Юлик, и послал его к Фею. Я все же решил поменять коня — из опасения, что Росинант однажды оплошает и свалится от старости посреди атаки.

Через полчаса Фей привел Заката. Петрович внимательно осмотрел его, затем за дело принялся я — даже пощупал копыта, не теплые ли. Но лошадь была здоровехонька. Я успел немного погарцевать на ней — она была превосходно выезжена, и, не существуй Баязета, я сказал бы, что это лучшая боевая лошадь во всей Галактике.

Впервые я почувствовал радость боя. Своих предыдущих соперников я побеждал по необходимости и лишь теперь, сидя верхом на Закате, ощутил играющую во мне силу. Моим соперником оказался тот драчливый кавалер, который пытался избить Петровича. Я сразу узнал его по забинтованным пальцам правой руки — из-за бинтов кавалер не смог надеть боевую перчатку. Я ударил его так, что мое копье разлетелось на мелкие щепки. Он рухнул с коня и не вставал, несмотря на попытки помочь ему. Выбежавшие служители унесли беднягу.

Бросив взгляд на судейскую ложу, я заметил, что в ней царит суматоха. Неподалеку стоял Петрович, с флегматичным видом взирая на происходящую кутерьму.

— Твоя работа? — спросил я, подъехав поближе.

— Моя, — подтвердил он и рассказал, что случилось.

Подчиняясь моему приказу, он не спускал с судьи глаз и сразу увидел, когда тот извлек из кармана свой прибор и снова поставил перед собой.

— Тогда я вспомнил старую пословицу: береженого бог бережет. И решил, что не будет беды, если этот прибор простоит без дела, для чего бы он ни служил. И я сделал вот так…

Он многозначительно вытянул вперед палец.

— Нехорошо поступать с человеком, как с лошадью! — с деланным недовольством воскликнул я. — И долго он теперь проспит?

— Праздничный сон — до обеда, — безмятежно ответил Петрович. — Зато он проснется с хорошим самочувствием, бодрый и веселый.

Но я позволил себе не поверить Петровичу. Вряд ли мог чувствовать себя бодро и весело главный судья, проспавший соревнования.

Глава 15, Короткая жизнь — благо?

Леннада встретила меня на ступеньках дворца. Она протянула мне букетик цветов, которые, как я уже знал, назывались здесь столетником и были символом долгой, счастливой жизни.

— Поздравляю кавалера с победой, — грустно сказала она. В ее глазах стояли слезы. — Воистину для него не существует непреодолимых препятствий. Я начинаю думать, что он сумеет победить кавалера Рюделя.

Сегодня на ее лице не было никакой косметики, и девушка выглядела еще привлекательней.

— Прошу простить меня за испорченную дверь, — извинился я. — Кстати, ты не знаешь, для чего служит подвал, в который ты меня так старательно запирала?

Леннада сердито сверкнула глазками, но все же ответила мне.

— В нем когда-то хранилась королевская казна, а потом архив Черного совета. Но его вывезли много лет назад, когда я была еще девчонкой. Это случилось в ту ночь, когда убивали кавалеров, поэтому я все запомнила.

— Как это — убивали кавалеров? Кто убивал? За что?

— Я ничего не знаю. Отец мне сказал, что всех кавалеров убивают и надо бежать из дворца. Потом он ушел, и я больше его никогда не видела.

— Когда это было?

— Одиннадцать… нет, двенадцать лет назад. Я только-только научилась читать и писать.

— И многих кавалеров убили?

— Не знаю. Мы прятались на чердаке целый день. Потом нас нашли и сказали, что мы можем вернуться.

Я слушал девушку с возрастающим удивлением. До сих пор я ничего не слышал о подобных событиях. Я не знал, что это было — бунт, революция, дворцовый переворот, но понимал, что обстановка на Изумрудной накалена. Намеки диспетчера Фея и прямые угрозы дядюшки Теодора позволяли догадаться, что назревают крупные события. Рассказ Леннады только подкрепил мою уверенность.

Мне было ясно, что монархия на Изумрудной доживает последние дни. Когда она станет помехой Рюделю, ее уничтожат. За Рюделем стояла сила, причем вовсе не кавалеры, привыкшие к почету, богатству и безделью, — они, как и монархия, были только удобной ширмой. Главной опорой для него будут все-таки

тысячи бравых рестораторов и им подобных — с мясницкими ножами в потных кулаках, с цепями, дубинками, а то и с автоматами — наверняка где-нибудь припрятаны до поры до времени. И еще есть диспетчер Фей и его друзья — те, кому суждено первыми погибнуть в день, когда Рюдель придет к власти. Если только сами они не сумеют вовремя обуздать Рюделя и его шайку.

Да, следовало ожидать бурных событий… Не знал я только одного — как может повлиять на эти события тот неизвестный на Земле фактор, который я для себя назвал «сроком жизни». Я не верил, что существует и сохраняется в глубокой тайне лекарство, дающее обитателям Изумрудной долголетие, и не очень разделял надежды дядюшки Теодора. Но на моей родине люди жили по двести лет и более, а не пятьдесят-шестьдесят, как в прошлом, поэтому я был уверен, что земная наука быстро найдет противоядие от чудовищной гримасы здешней генетики.

Все эти мысли не раз уже приходили мне в голову, но сегодня я выстроил свои соображения в ином порядке. Меня все время смущало, почему на Изумрудной не только не искали способов продления жизни, но даже попросту противодействовали этому. Почему короткая жизнь угодна Кресту? Почему долгая жизнь — проклятье?

Простое решение напрашивалось само собой. Обреченность каждого живущего — вот извечное проклятие этой планеты. И религия, естественно, помогает отрешиться от сознания обреченности, утверждая, что короткая жизнь — благо.

Это рассуждение могло показаться очень убедительным, если бы не одно «но». Религия никогда не имела своей целью утешение. Любая религия — на Земле, на Изумрудной ли — всегда была инструментом порабощения трудящихся, имеющим точные классовые цели. Обман под видом утешения — да, это религия могла, но утешение — никогда.

Религия должна проповедовать то, что выгодно правящему классу.

На этой аксиоме цепь моих рассуждений постоянно обрывалась. Сегодня я попробовал подойти к проблеме по-иному.

Итак, что мы знаем об истории Изумрудной?

Около пятисот лет назад, когда в результате Второй Великой революции на нашей планете возник Всемирный Союз Коммунистических Республик, сюда прибыли беглецы с Земли. Один или несколько кораблей, сотни или тысячи пассажиров. Вряд ли я очень ошибусь, если возьму за основу пять тысяч человек. Этому крохотному отряду предстояло освоить целую планету. И прежде всего — создать стабильное, развивающееся

общество.

Беглецы, конечно, понимали, что их ожидают гигантские трудности. Им придется создавать промышленность, строить жилища, сеять хлеб, разводить скот. Поэтому они привезли с собой зерно и семена, лошадей и коров. Они привезли строительные автоматы и автоматы для производства инструмента. На каждом корабле имелись мощные кварк-реакторы, энергии которых хватило на первые десятилетия, а может быть, и не на один век. А еще они привезли с собой классовое неравенство.

Пока корабли блуждали в космосе, все шло по установленному еще на Земле распорядку. Кто-то командовал, а кто-то подчинялся. Кто-то ремонтировал реакторы, вычислял курс, готовил пищу, убирал каюты, чинил одежду. Кто-то отдавал приказы.

Но вот цель была достигнута — благодатная планета, которая, казалось, только и ждала хозяев. Наверно, многие из беглецов надеялись, что на этой земле обетованной начнется для них новая жизнь. Но этого не случилось.

Было бы наивно думать, что последыши капиталистического мира летели сюда через бездны космоса, чтобы провозгласить здесь царство равенства и справедливости. Тот, кто привык на Земле к власти, не собирался расставаться с нею и здесь. Для этого прекрасно годился испытанный инструмент — государство. Почему-то из всех видов государственного устройства была выбрана монархия. О причинах такого выбора гадать сейчас бесполезно, да и не нужно. Гораздо важнее было другое.

Колонизаторы Изумрудной должны были создавать здесь все заново — своим потом, своими руками. Молодые, сильные ценились, старые, ослабевшие становились обузой. Они были не нужны обществу, более того — они были вредны ему!

Когда в своих рассуждениях я дошел до такого вывода, меня поразило, как удачно эта мысль укладывается в общую картину. Обществу Изумрудной выгодно, чтобы люди жили мало, — религия провозглашает короткую жизнь благом — и продолжительность жизни действительно очень мала!

Это было невероятно. Подумать только — крохотной колонии, где каждый кусок на учете и каждый лишний рот в тягость, не надо кормить стариков. Какая неимоверная удача для общества — едва у человека остается за спиной период расцвета, едва он начинает уступать в производительности труда более молодым и энергичным, как его настигает неизбежная смерть. Но таких удач не бывает.

Значит, короткая жизнь — это результат злой воли?

Но как же так? Ведь все умирают — даже короли и принцессы. Неужели все они добровольно пошли на это?

Правда, кавалеры не умирают. Или умирают так, что их похорон никто не видит.

Да нет, все это дикий бред… Как можно заставить все человечество, пусть даже крохотное, преждевременно умирать? И как это осуществить технически?

Но все сходится — потребности экономики и проповеди религии.

И кавалеры не умирают.

Кто-то из заметивших это поднял бунт. Была сделана попытка перебить кавалеров. Но все кончилось тихо и мирно. Бунтовщики куда-то сгинули, уцелевшие кавалеры бездельничают по-прежнему. А Рюдель понял, что с монархией пора кончать. Но он немного опоздал. Король почувствовал, что дело плохо, и упрятал принцессу на Землю. И протянулась тонкая ниточка к планете-праматери. Такая тонкая, что порвать ее ничего не стоит.

Только тонкая ли? Я, Алексей Северцев, уже нахожусь здесь, на Изумрудной, и с каждым ударом моего копья рушатся надежды Рюделя на захват власти. А за моей спиной — коммунистическая Земля и еще сто сорок две планеты Содружества. Девяносто два миллиарда человек, обладающих неизмеримой мощью.

Все эти соображения я пересказал вечером бабушке.

— Пожалуй, ты рассуждаешь логично, — сказала она. — Тут что-то есть… Подкину-ка я твою задачу машинам — пусть подумают.

— Знаешь, бабуся, по моим расчетам завтра финал. Я пересчитал всех претендентов, и у меня получается, что все Соискатели, кроме Рюделя, уже выбыли.

— И как настроение? — поинтересовалась она. — Волнуешься?

— Есть немного, — сознался я. — Вот завтра выбью Рюделя из седла и успокоюсь.

— А на каком коне собираешься драться?

— Возьму какого-нибудь из конюшни Ганелоны. Не нравится мне эта история с Закатом.

— Вот что, внучек… Все твои рассуждения о мощи Земли в принципе правильны. Но ставка очень уж велика. А для твоего Рюделя, судя по всему, никакие законы не писаны. Мой тебе совет — не ночуй сегодня во дворце. Пойди в гости к диспетчеру Фею. Или просто поспи в лесу на травке, а Петровича поставь сторожить. Если завтра — финал, Рюдель может плюнуть на все приличия.

Бабушка как в воду глядела.

Глава 16. Смерть ходит рядом

Фей со своими товарищами поселился у брата — слесаря единственной в городе авторемонтной мастерской. Тот жил на окраине города в старом двухэтажном доме, стоявшем на берегу реки. Дом порядком обветшал, и в нем почти не осталось жильцов. Но отсутствие удобств никого из приезжих не смутило. Рабочие навели чистоту в пустовавших комнатах, натащили травы и веток, подмели вокруг дома, протерли стекла и жили здесь веселой гурьбой.

Поздно вечером, когда мы собирались спать, мой браслет зажужжал — меня вызывала бабушка.

— Есть новость, — сказала она хмуро. — Твой дружок Рюдель украл у нас робота.

— Как это — украл? Зачем? — растерянно спросил я.

На Земле никто ничего не крал уже несколько столетий — любую нужную или ненужную вещь каждый мог получить, набрав соответствующий индекс на шифраторе своего домашнего пульта.

— Как он это сделал, не знаю, А зачем — для какой-нибудь новой пакости. Похоже, что робота вывезли на Изумрудную. Мы еще не выяснили, как Рюдель проник в хранилище роботов. К счастью, ему достался робот класса один. Это просто механический слуга, сильный, но не вооруженный, и с меньшей емкостью мозга. Так что ты на всякий случай посмотри там…

Фей и его друзья с удивлением слушали этот разговор. Особенно их поразило, что крохотный экран моего браслета давал большое объемное изображение, выступавшее над ним в рамке цветного тумана. Впрочем, в этот вечер им пришлось удивляться много раз. Мой рассказ о Земле, о ее бурном прошлом, о Великой революции и Всемирном Союзе Коммунистических Республик они слушали как волшебную сказку. Я даже показал им несколько фильмов — их запись хранилась в памяти Петровича и оттуда транслировалась через мой браслет. Мне долго не хотели верить, что Петрович — не человек. Пришлось рассказать им об устройстве роботов. Потом Петрович продемонстрировал несколько фокусов, вызвав бурный восторг. Кто-то попросил его умножить 73 891 431 на 3,1415. Петрович выдал ответ через секунду, а пока его долго проверяли по бумажке, извлек из этих чисел кубические корни. И тут я заметил, что хозяева смущенно переглянулись.

— Нас этому не учили, — смущенно сказал Фей. — Четыре действия арифметики — верх образования для большинства на планете…

Всех развеселило умение Петровича видеть затылком. Тогда я попросил погасить свет, и минут пять все по очереди в полной темноте показывали отвернувшемуся Петровичу разные предметы, а тот безошибочно называл их. Потом каждый из собравшихся долго жал Петровичу руку в знак знакомства. За разговорами, смехом и шутками никто, кроме Петровича, не услышал осторожного стука в дверь.

— Кто это может быть? — шепотом спросил Фей в сразу наступившей тишине. — Мы никого не ждем.

Это оказался Илия. Он был чем-то сильно встревожен и попросил меня выйти с ним в другую комнату.

— Полчаса назад в конюшне был взрыв, — сказал он. — Пожар еще гасят. Все сторожа погибли. Из лошадей удалось спасти только двух, но они обгорели. Завтра тебе не на чем сражаться.

— А Росинант? — спросил я, чувствуя, что сердце у меня проваливается куда-то вниз.

— И он тоже…

— Как же это случилось? — У меня не было ни малейших сомнений, что диверсия организована Рюделем.

— Мы не знаем ничего. Взрыв был несильный — лошади погибли в основном от ожогов. А люди — все… Возможно, их попросту убили.

Вид у Илии был измученный, на лице и руках виднелись царапины и ожоги. Видимо, он кинулся ко мне, не успев даже привести себя в порядок.

— Ты голоден? — спросил я. — Садись с нами ужинать. И оставайся тут до утра.

Он кивнул.

Я познакомил Илию с Феем и его друзьями. Пока Илия умывался и ел, я рассказал о происшествии во дворце.

— Теперь у меня осталась только одна лошадь. Если что-нибудь случится и с Закатом, Рюдель станет победителем.

Немедленно несколько человек вызвались проверить, как охраняется стойло. Я попросил Петровича пойти с ними — его электронные органы могли обнаружить то, что недоступно чувствам человека. Илия утолил голод и сел в низкое кресло — он очень устал.

— Я начинаю думать, что бабушка права, предостерегая меня от рюделевского подарка, — сказал я Фею. — Меня словно подталкивают к этой лошади. Завтра — решающий бой, но я с радостью сел бы на Росинанта, будь он жив…

— Но чем может быть опасен Закат? — спросил Фей. — Ведь ты уверяешь, что с ним все в порядке, что это отличная лошадь.

Кроме того, ты уже сражался на ней. Почему ты решил, что она — от кавалера Рюделя?

— Да потому, что это лучшая лошадь на всей Изумрудной. Где мог достать такую лошадь дядюшка Теодор?

— Эти торговцы с ножами могут многое. Мы кое-что о них знаем. Они создали свое тайное братство, имеющее деньги, оружие. Похоже, что они намереваются скинуть кавалеров. Лет десять назад они уже пробовали сделать это…

Я слушал Фея, и расстановка сил на Изумрудной становилась мне все яснее. Да, от законов истории никуда не денешься — они срабатывают с предельной точностью, в каком бы конце вселенной ни происходили события…

— Что сейчас делает принцесса? — спросил я у Илии.

Но беднягу сморил сон — он лежал в кресле, уронив голову на грудь и свесив на пол руку.

— Перейдем-ка в другую комнату… — прошептал я, поднимаясь.

Фей стремглав шагнул к Илии и поднял ему голову.

На нас глянули остановившиеся глаза мертвеца.

Наверно, все, что я пытался в тот миг делать, было нелепым и ненужным. Я стал искать у Илии пульс, пытался слушать сердце, делать искусственное дыхание… Еще никогда рядом со мной не умирали люди, и я растерялся.

Фей остановил меня.

— Как обидно, — сказал он грустно. — Я встретил человека, который мог стать другом. Но Кресту было угодно, чтобы срок его жизни истек… — Он заметил мой непонимающий взгляд и объяснил: — У нас все так умирают, достигнув сорока лет. А теперь даже раньше. Летур говорил тебе это…

Поздно ночью громкий стук поднял нас всех на ноги. Дверь распахнулась, и в комнату ворвались вооруженные люди. Последним вошел птицеголовый судья, самодовольно поводя выпученными глазами. На скуле у него красовался огромный, тщательно запудренный синяк.

— Что это значит? — спросил я хмуро. — Как ты смеешь тревожить сон кавалера?

Судья рассыпался в извинениях, а на его губах так и змеилась противная улыбка.

— Я никогда бы не осмелился… Но у меня строжайший приказ разыскать и схватить опасного преступника, покушавшегося на жизнь кавалера.

— Где ты видишь здесь преступника? — Я взглянул в мерзкую рожу судьи, и у того сразу сползла улыбка с лица. — Кто

он? Говори!

— Вот… — судья ткнул рукой, показывая на Петровича. — Твой слуга напал на кавалера, изувечил его, и тот выбыл из числа Соискателей, поскольку не мог продолжать схватки. Вот ордер на его арест!

Мне все стало ясно. Я кавалер, гость принцессы, и поэтому неприкосновенен. Но если я окажу сопротивление властям, это будет прекрасный предлог, чтобы обвинить меня в чем угодно и не допустить до боя. Такого удовольствия я Рюделю не доставлю.

Я внимательно прочитал ордер и передал Фею. Документ был составлен по всей форме — Фей огорченно вздохнул и развел

руками.

— Хорошо, я позволю тебе выполнить свой долг, — сказал я судье. — Что будет с арестованным?

— Это решит суд, — важно заявил птицеголовый, опять обретая уверенность, — Наши законы справедливы.

— Я приду на суд, — сказал я. — И берегись, если хоть волос упадет с головы моего слуги до суда! Петрович, следуй за ними.

— Руки… — проверещал судья, тыча пальцем в Петровича. — Руки ему свяжите!

— Что? — я шагнул вперед. Побледневший судья юркнул за спину охраны, схватившейся за оружие. Я представил, что сейчас произойдет, и остановился. — Я обещаю тебе, судья, что мой слуга будет идти за вами туда, куда ему прикажут, не пытаясь бежать.

— Связать! Связать! — снова завопил птицеголовый.

Тут я вдруг успокоился. Я вспомнил, кто такой Петрович.

— Пускай они тебя свяжут, — сказал я Петровичу и добавил на русском, которого здесь никто не знал:

— Информируй меня обо всем.

Стража накинулась на робота, скручивая его заранее припасенными веревками. Судья снова рассыпался в ехидных извинениях и удалился впереди своего войска, конвоировавшего Петровича.

Некоторое время все молчали. Потом раздались возмущенные возгласы.

— Успокойтесь, друзья! — сказал я. — От нас только и ждут, чтобы мы нарушили какой-нибудь закон. Прошу вас — никакого негодования! Меня больше беспокоит другое. Никто, кроме Ганелоны, не знал, где я буду, и тем не менее Рюдель нас нашел…

Зазуммерил мой браслет. Я торопливо включил связь и услышал голос Петровича.

— Мне связывают ноги, — докладывал он невозмутимо, как всегда.

— Они что — собираются тебя нести? — удивился я.

— Не думаю. По-моему, меня хотят утопить. Мы находимся на самом берегу реки. Да, ко мне привязывают камень.

Разговор шел по внутреннему устройству робота, не имеющему акустического канала, и не был слышен для окружавших Петровича людей.

— Меня сталкивают в воду, — докладывал Петрович. — Вот столкнули. Иду ко дну. Глубина метра три.

— Ты сможешь выбраться? — спросил я обеспокоенно.

— Конечно. Руки я уже освободил.

— Подожди минут пять, пока они уйдут, и возвращайся ко мне, — распорядился я. — Ты мне будешь нужен.

Когда Петрович вошел в комнату, вода так и текла с него. Однако он казался очень довольным.

— Судья задумал что-то еще, — сообщил он. — Я немного проследил за ним. Он ожидает, когда вы уснете.

Я вспомнил про взрыв в конюшне, и мне стало тревожно.

— Всем надо немедленно уходить!

Петрович сходил в конюшню за Закатом, и мы ушли подальше в лес. Я завернулся в одеяло, лег под кустом. Петрович стоял рядом и сторожил. Ему было все равно — сидеть, стоять или лежать. Небо уже начинало светлеть, одна за другой гасли звезды. Вскоре я уснул. Больше меня никто не тревожил.

Глава 17. Человек против автомата

Зеленое солнце Изумрудной уже поднялось над вершинами деревьев, когда я открыл глаза. Капельки росы на траве перед моим лицом зажглись зелеными огоньками. Десятиногая букашка неторопливо карабкалась вверх по травинке, покачивая длинными спиральными усиками. Невдалеке слышалось фырканье коня. В шаге от меня стоял Петрович — смотрел на утро всеми четырьмя глазами, впитывая информацию, и стерег мой сон.

Пробуждение было быстрым и ясным. Прыжком поднимаясь на ноги, я уже чувствовал, как во всем теле играет нерастраченная сила. Впереди меня ждали бой, успех, слава, любовь — и бесконечно долгая удивительная жизнь. От всего этого меня отделяло только копье Рюделя. Но если бы даже все копья вселенной преграждали сегодня мой путь, утро не показалось бы мне менее прекрасным.

— Здравствуй, Петрович! — закричал я от избытка чувств. — Ну как — свалим мы сегодня Рюделя?

Петрович был машина точная. Он ответил мне, что вдвоем мы Рюделя, безусловно, свалим, но по правилам я должен сделать это один. Еще он сказал, что недавно в той стороне, где оставался покинутый нами дом, поднялось большое зарево, как от пожара, что со спутника мне пожелали успеха, но будить не велели, и что сигналов, которые он постоянно засекал в эфире, сегодня совсем нет.

— А вчера вечером впервые прошло пять сигналов подряд, — добавил Петрович для полноты сообщений.

Но меня не заинтересовали сигналы из радиохрама. Бой, бой, бой — вот чем были полны мои мысли.

На Ристалище мы прибыли задолго до начала схваток, чтобы я смог без помех размяться. Фей и его товарищи ожидали меня.

— Ты был прав, — тихо сказал мне Фей. — По дороге сюда я прошел мимо нашего дома. Его уже нет — сгорел дотла.

— Мы и это припомним судье, — пообещал я.

Я был сыт по горло взрывами, поджогами и отравлениями, поэтому решил не приближаться к отведенным мне помещениям, где меня мог ожидать очередной рюделевский сюрприз. Я распорядился сложить все свои доспехи не в раздевалке, а прямо на краю поля, на виду у всех. После этого я с Петровичем и Феем направился к трибунам, на которых уже начали собираться наиболее нетерпеливые зрители.

Под трибунами было сыро и сумрачно. Сверху раздавались

шаги, через щели сыпался мусор. Я встал возле входа в судейскую ложу и вдруг заметил бравого ресторатора, который спешил куда-то с озабоченным видом. Увидев меня, дядюшка Теодор смутился, глаза его забегали, и он постарался прошмыгнуть мимо. Но я ухватил его за плащ и остановил.

— Ты пришел посмотреть, как я выполняю свое обещание? — спросил я ласково, продолжая держать его за полу плаща. — Теперь уже недолго ждать. Да, кстати, я все хочу тебя спросить — где ты раздобыл такого великолепного коня?

Дядюшка Теодор, красный как рак, молча тянул плащ.

— Почему ты молчишь? Ведь я могу подумать, что он добыт нечестным путем.

Побагровевший ресторатор все дергал свое одеяние, губы его шевелились, но издаваемые им звуки были абсолютно бессвязными.

— Ба, что я вижу! Да у тебя под плащом целый арсенал? А мне казалось, что сюда могут приходить с оружием только кавалеры. Как я ошибался! Надо будет рассказать стражникам о своем заблуждении. Что? Ты не хочешь?

Тут дядюшка Теодор так рванул плащ, что тот затрещал. Тогда я разжал кулак.

— Я пошутил. Иди, занимай хорошее место. Только послушайся моего совета — забудь про свои игрушки. — Я кивком показал, что имею в виду.

— Можно, я тоже скажу несколько слов? — прорезался наконец голос у ресторатора. — Будь на месте благородного кавалера кто-то другой, мы бы прирезали его так, что он и пикнуть не успел. Так что пусть кавалер идет своей дорогой.

— А могу я узнать, почему для меня делается такое исключение?

— Кавалер должен сперва свалить кавалера Рюделя… Дядюшка Теодор поплотнее запахнул плащ и исчез, оставив меня раздумывать над его многообещающим «сперва»…

Через несколько минут я заметил автомобиль птицеголового судьи, волочивший за собой хвост дыма, и приказал Петровичу отойти в сторону.

Судья лихо подскочил на своем драндулете ко входу и важно вышел из машины. Меня он заметил только у самой двери и перепугался так, что на него было противно смотреть.

— Я приветствую кавалера… — пролепетал он. — Сейчас ему предстоит важный бой…

— Молчать! — рявкнул я как можно свирепей.

Когда бабушка говорила мне, что грубость и наглость могут оказаться здесь более действенным оружием, чем ум и логика, я

не хотел ей верить. Но птицеголовый понимал только такой язык — язык силы.

— Ты сдержал слово? Где сейчас мой слуга?

— А… э… — заблеял судья. — Он… это… жив-здоров…

— Я сам знаю, что он жив-здоров. Я спрашиваю — ты сдержал слово? Петрович, сюда!

При виде Петровича глаза у судьи вылезли из орбит и отвалилась челюсть.

— Теперь я знаю, что ты не только судья, но и палач. Неправедный судья и никудышный палач. Но ты больше не будешь судьей — я это тебе обещаю. Ты не умеешь держать слова.

Я повернулся к Петровичу.

— Судье больше не понадобится автомобиль. Это излишняя роскошь — такому подонку ездить в автомобиле.

Петрович понял меня с полуслова. Он чуть повернулся к машине — раздалось шипение, над автомобилем встало белое облако дыма, и он развалился на две аккуратные половинки. Еще белее, чем дым, стало лицо судьи. От страха он начал громко икать.

— До конца схваток я разрешаю тебе оставаться судьей, — сказал я. — А после боя я подумаю, что мне делать с тобой.

Птицеголовый был перепуган насмерть, и все же я заметил, как в его глазах промелькнул злобный огонек. Я решил не оставлять ему ни малейшей надежды.

— А если я не выиграю бой… Тогда мой слуга, который нынешней ночью очень тебя полюбил, сделает с тобой то же, что и с автомобилем.

Я приказал Петровичу отвести судью в ложу и не выпускать оттуда ни под каким предлогом.

— И пусть он прикажет своей страже убраться из судейской ложи. А не послушается — изруби их, как капусту.

Я решительно отдавал кровожадные приказы, а Петрович послушно кивал. Я знал, что он никого и пальцем не тронет, — но судья о том не догадывался и принимал все за чистую монету.

— Надеюсь, что сегодня больше не будет никаких неожиданностей? Ни взрывов, ни пожаров? — тут я провел пальцем по рукаву судьи. — Это что? На твоей одежде копоть? Не из дворцовой ли конюшни? А может быть, из нашего дома?

Судья дернулся, словно его ударили, и мне стало ясно, что мои подозрения справедливы.

— Да, вот еще… — я вынул из кармана два снимка и сунул ему под нос. — Вот тут Рюдель и ты с каким-то аппаратом. Если я увижу эту штуку хоть раз… — я задумчиво посмотрел на остатки автомобиля. — А сейчас иди. И суди праведно. Это твой

единственный шанс. Петрович, от судьи ни шагу, даже если тебе будет приказывать сама Ганелона!

Петрович подхватил обмякшего судью и поволок его в судейскую ложу.

В какое же болото ты попал, Алексей, думал я, направляясь к своим друзьям. Бабушка права — здесь могут отравить, ударить ножом в спину… О честном рыцарском бое никто и не помышляет. Хорошо, что остался последний поединок.

Но я ошибся — глашатаи объявили бой с неизвестным мне кавалером.

Это был какой-то обман — я знал, что все Соискатели, кроме Рюделя, уже выбыли из борьбы. Видимо, кавалеры срочно мобилизовали еще одного претендента. Вряд ли это был сильный боец — все свои резервы Рюдель уже бросил в бой против меня. Ну что же, свалю еще одного — только и всего.

Я надел броню и уже собирался сесть на коня, когда увидел бегущую от трибуны девушку. Это была Леннада.

— Принцесса желает успеха кавалеру Алексею, — сказала она.

Ее щеки раскраснелись от бега, а большие глаза под густыми дугами бровей были так печальны, что у меня защемило сердце.

— Спасибо, Леннада, — сказал я как можно ласковей. — А каким будет твое пожелание?

Она отпрыгнула от меня, как разъяренная кошка.

— Чтоб твой конь сломал ногу на первом же шагу! Чтоб твои руки ослабели и не могли удержать копья! Чтоб солнце ослепило тебе глаза, чтоб пыль задушила тебя!

— Не слишком ли много пожеланий сразу? — засмеялся я.

Но девушка вдруг расплакалась и села на траву, закрыв лицо руками.

— Пора, Алексей, — сказал мне Фей, показывая на Ристалище, в противоположном конце которого уже показался мой противник.

Я сел на коня. Юлик протянул мне боевые перчатки. Раздался сигнал к бою. Я опустил забрало, взял щит и копье.

Мой противник уже скакал навстречу. С первого взгляда я понял, что всадник он не из лучших. Он сидел на лошади, растопырив ноги, и неуклюже подпрыгивал в седле. Так скакать мог только новичок, впервые в жизни севший на коня.

Закат шел идеально ровным галопом, и я уже нацелил копье в щит противника, но состояние полного сосредоточения, которое всегда приходило ко мне во время атаки, никак не наступало. Меня беспокоил какой-то пустяк, какое-то полузабытое случайное воспоминание. Расстояние между мной и противником все

уменьшалось, а я никак не мог поймать ускользающую мысль. Нас разделяло уже полсотни метров, сорок, тридцать. Что я должен вспомнить — вспомнить сейчас, пока мы еще не сошлись на длину копья?

И я вспомнил. До соперника было всего метров двадцать, и скакать оставалось почти секунду, а я вдруг понял, что именно так, с нелепой уверенностью механизма, скакал на коне Петрович, когда я однажды решил испробовать его в верховой езде.

Против меня выступал не человек, а автомат — робот класса один, похищенный Рюделем с Земли.

Автомат против человека — это было вопиющим нарушением устава конных поединков, но нас разделяла всего секунда, и за это время мне следовало все продумать и решить.

Секунда — огромное время для спортсмена. У себя на Земле мы измеряем свои результаты с точностью до тысячных долей секунды. Но все же секунда — очень короткий отрезок времени. Ее не хватит, чтобы прервать бой, подать протест, дисквалифицировать бойца. За секунду можно только выиграть бой. Или проиграть его.

Я хорошо знал, что такое робот класса один. Мне противостоял неуязвимый механизм с терилаксовым корпусом, весящий почти двести килограммов, абсолютно нечувствительный к моим ударам. Очевидно, для того Рюдель и вывез его с Земли, чтобы поручить ему выбить меня из седла в веселой рыцарской забаве. Рюдель должен был скрывать от всех свое тайное оружие, даже ближайшие помощники могли не знать, что по его приказу сейчас отстаивает свои права на принцессу не человек, а механизм…

Такое не сошло бы даже Рюделю. Поэтому — я был убежден в этом — он проверил в бою робота сам, без свидетелей. Усадил на коня, дал щит и велел скакать навстречу. Безрезультатно сломал о него десяток копий и, вероятно, остался доволен. А чтобы не рисковать, — ведь с психикой роботов на Изумрудной незнакомы, — копья ему в руки во время проверки скорее всего не давал. Или давал, но приказал — на всякий случай — промахнуться. Поэтому Рюдель не мог узнать того, что на Земле известно каждому ребенку, — что ни один робот не способен ударить человека.

Роботы класса ноль были сверхинструментом и сверхоружием человека, но и они подчинялись Первому Закону. Петровичу цепи Первого Закона заблокировали по разрешению Службы Безопасности, — эта точнейшая и трудоемкая операция осуществлялась в одной-единственной лаборатории на планете. У

роботов же всех остальных классов заблокировать цепи Первого Закона было принципиально невозможно.

До моего противника оставалось уже не двадцать, а всего десять метров, когда я понял, как следует поступить. Копье робота, плотно лежавшее на опорном крюке, уставилось мне в лицо. Но я знал, что робот не ударит.

Все случилось так, как я и думал. За миг до встречи наконечник его копья чуть приподнялся и мелькнул где-то возле плюмажа. Я ударил точно и сильно — у коней был отличный ход, и от удара мое копье разлетелось вдребезги, но робот даже не качнулся. И я знал, что могу бить его так хоть сутки — пока не сломаю все свои копья или вместе с конем не упаду от усталости.

Я повернул Заката, чтобы взять новое копье.

— Возьми-ка щит, — сказал я Фею.

Он встревоженно глядел на меня. Я поднял забрало и подмигнул ему. Мне требовалось освободить руку, и щит только мешал мне.

Блок-кольцо я носил на левой руке, и переодевать его было некогда. Я просто взял копье в левую руку, заранее стряхнув боевые перчатки. Мне было все равно, какой рукой биться, — недаром я был обоеручный боец, единственный в Содружестве.

Я включил блок-кольцо за секунду до столкновения. Эта секунда была необходима, чтобы обездвиженный импульсом кольца робот начал терять равновесие. Мой расчет оказался безупречным. Двух прыжков лошади вполне хватило — робот уже заваливался назад и набок, поднимая копье, и мой удар ускорил падение. Оглядываясь, я видел, как робот неуклюже грохается в пыль, обрывая стремена.

Публика взвыла от восторга. «А-лек-сей! А-лек-сей!» — хором выкрикивали с трибун. Разгоряченный конь подо мной плясал, изгибая гоголем шею. Я поднял его на дыбы напротив королевской ложи и тут почувствовал, что он падает.

Мне удалось вовремя спрыгнуть. Закат лежал на боку, его ноги дернулись несколько раз и замерли. Большой остекленевший глаз неподвижно глядел на меня.

Соскакивая с Заката, я уже знал, что он мертв. Как и чем его убили, меня не интересовало. Важно было одно: Рюдель нанес новый удар, и удар оказался решающим.

На мгновение у меня мелькнула мысль воспользоваться лошадью, на которой скакал робот. Я огляделся. Увы, поздно! Какие-то дюжие молодцы из рюделевской шайки уже уводили ее в конюшню.

Я стащил с себя шлем, поклонился королевской ложе и швырнул копье. Оно упало на изрытую копытами траву. Я

повернулся и пошел прочь, потому что делать на этой планете мне было нечего.

Еще никто из тысяч собравшихся здесь людей не знал, что это конец, — никто, кроме Рюделя, ликовавшего где-то в своем укрытии, да еще моих верных друзей, кучкой столпившихся на краю Ристалища. Я подошел к ним и стал развязывать ремешки панциря.

Юлик сидел на траве и горько плакал. Фей осторожно положил мне руку на плечо. Его товарищи хмуро смотрели в землю — видимо, они считали, что виноваты в смерти коня. Бесновавшиеся трибуны постепенно замолкли, и тогда я услышал в вышине знакомую тонкую ноту.

Несколькими секундами позже этот звук услышали все. Словно вздох пронесся в воздухе, и тысячи лиц обратились к зениту, откуда, источая звон гравидвигателей, на окраину Ристалища спускался десантный «Гриф».

Глава 18. Человек против автомата. (Окончание)

Первой по широкому трапу из корабля вышла моя бабушка, сопровождаемая несколькими рослыми мужчинами.

— Бабуся, милая! — кричал я, подбегая к ней. — Дай, я тебя расцелую!

Я схватил ее в охапку и закружил на глазах у изумленных зрителей.

— Да отпусти меня, медведь! — отбивалась она. — Совсем ведь задушил. Лучше поздоровайся с девушкой.

За спинами бабушкиной свиты я увидел смущенное и очень хорошенькое личико. Это была Виола. Она улыбнулась мне и покраснела.

— Как твои дела, Аника-воин? — спросила бабуся. — Скоро бой с Рюделем?

— Не будет никакого боя. — Я взглянул на бездыханную тушу среди Ристалища, и радость сразу схлынула. — У меня убили коня.

— И только-то? — Бабушка весело рассмеялась. — А ну-ка, внучек, оглянись!

Я посмотрел на трап, куда она показала, и мне захотелось от радости встать на голову, потому что из трюма выводили под уздцы моего Баязета!

— Как тебе нравится мой сюрприз? — спросила бабушка. — Скажи спасибо монтажникам Космостроя — чтобы привезти тебе эту кобылу, они трое суток без сна и отдыха собирали на орбите новую ВП-кабину.

— Бабушка, Баязет не кобыла, — не удержался я от комментария. — Но все равно всем спасибо!

Я еще раз расцеловал бабусю, потом Виолу и хотел уже облобызать остальных, но тут заметил, что это были не люди. Вся свита бабушки состояла из роботов класса ноль — родных братьев Петровича. Это открытие несколько отрезвило меня.

— А как тебя сюда пустили? — спросил я. — Насколько мне известно, въезд на Изумрудную запрещен.

Бабушка насмешливо фыркнула.

— Хотела бы я посмотреть, как твоя Ганелона отказала бы в разрешении Генеральному комиссару Службы Безопасности.

— Кому? — я не поверил своим ушам. — Ты — комиссар Службы Безопас?..

Наверно, у меня был очень глупый вид.

— А вот и хозяева мчатся, — сказала бабушка, и голос ее сразу стал жестким. — Всем — внимание! Действовать по инструкции!

Кучка вооруженных стражников, рысью спешивших к кораблю, ничуть не напоминала почтительных таможенников. Появление «Грифа» было для Рюделя неожиданностью, и он, очевидно, послал сюда всех, кто оказался под рукой, дав им задание выдворить незваных гостей любым способом.

Роботы выступили вперед, заслонив нас собою. Стражников было человек тридцать, а роботов только восемь, но я знал, что они смогут справиться с сотнями людей, даже не пуская в ход оружия, поэтому с интересом смотрел на бегущих. По мере приближения прыти у них поубавилось, и плотная вначале группа постепенно растянулась. На последних метрах впереди оказался лишь один стражник, наиболее ретивый и самый здоровенный из всех. Большим умом он, очевидно, не отличался, иначе не стал бы бросаться с мечом на гостей с другой планеты. Но поднятый меч развалился пополам, а сам стражник упал на землю с выпученными глазами, судорожно хватая ртом воздух. Это зрелище мигом отрезвило остальных. Они остановились в почтительном отдалении и вступили в переговоры. Поверженный стражник потихоньку уполз к своим. Тогда вперед бесстрашно выступила секретарь Звездного Совета Виола Ириния Миллер и предъявило свои полномочия и разрешение, подписанное принцессой Ганелоной и скрепленное государственной печатью. Генеральному комиссару Службы Безопасности Содружества и любому числу сопровождающих ее лиц и механизмов дозволялось в любой удобный для нее момент посетить планету Изумрудную без какого-либо дополнительного уведомления, с правом высадиться в любом удобном для нее месте и оставаться на планете сколь угодно долго, а также передвигаться по ней или над ней в любой район Изумрудной любым видом транспорта. Этим же документом всем официальным лицам и населению планеты предписывалось оказывать бабусе и всем сопровождающим ее лицам и механизмам полное и максимальное содействие… Разрумянившаяся Виола читала все это звонким голоском, изредка оглядываясь на нас, роботы неподвижно стояли шеренгой, сложив ладони перед собой так, что их начиненные сюрпризами пальцы были обращены к стражникам, а бабуся мило улыбалась, наклонив голову, и с интересом слушала Виолу, словно все это было ей в новинку и не она сама сочинила вместе с Ганелоной этот документ.

Потом стражники долго рассматривали подпись и печать. Но придраться было не к чему, да и обломки меча, валявшиеся на

траве, не вдохновляли их на активные действия. Ворча, они отступили.

Я вел Баязета, поглаживая его по гладкой, теплой шее, и рассказывал бабушке и Виоле про воинственного ресторатора и задуманную им резню. Баязет тыкался мне в щеку носом, хватал губами за ухо — дурачился от радости. Фей и остальные по-прежнему стояли кучкой в стороне от трибун. Я познакомил всех с бабушкой и Виолой. Представляя друг другу Виолу и Леннаду, я в самый последний момент сообразил, что сейчас произойдет вспышка. Но все обошлось — воспитанные девушки метнули друг в друга по испепеляющему взгляду, мило улыбнулись, и Виола о чем-то заговорила с Феем. Всегда спокойный и выдержанный диспетчер заметно оживился и беседовал с новой знакомой с несвойственным ему возбуждением. Но мне было не до психоанализа. Стражники уже сообщили кому надо о законности появления гостей. Поле было очищено, и герольды возвестили о последнем, решительном поединке за прекрасную принцессу — поединке кавалера Рюделя (громкий рев трибун) и кавалера Алексея (еще более громкий рев).

Пора было готовиться к бою. Я нагнулся и поднял свою кирасу. Сердце у меня упало — все ремни на ней были перерезаны! А без ремней она не будет держаться на теле… В отчаянии я перебирал свои защитные принадлежности — на них не осталось ни одного целого ремешка!

— Кто?.. — только и смог я выдавить из себя. Я очень добрый человек, но сейчас был готов зарубить предателя, совершившего подлое дело. Герольды уже вызывали Соискателей на поле, а я стоял над грудой бесполезного железа, обводя всех яростным взглядом. — Кто?..

На том конце Ристалища на поле выехал мой грозный соперник — непобедимый кавалер Рюдель, и герольды под нарастающий рев трибун провозглашали его имя, перечисляя многочисленные победы. Победа над кавалером А (кавалер убит). Победа над кавалером Б (кавалер убит). Победа над могучим, непобедимым кавалером В (кавалер убит)… Это была психическая атака, направленная против меня, и все, что выкрикивали герольды, было правдой.

Виола смотрела на меня перепуганно, Фей отвел глаза в сторону, Юлик стоял потупившись. Герольды вызывали меня, а я с яростью и отчаянием глядел в радостные глаза Леннады.

— Это я сделала, — сказала она спокойно. — Теперь кавалер останется живым, и мне не придется плакать над его могилой…

— Ты… тебя подослал Рюдель? — прошептал я, бессильно опуская руки.

— Меня никто не подсылал! — девушка гордо выпрямилась. — Кавалер прекрасно это знает!

Да, я знал это. Но что делать, что делать? Скакать так, без брони? Не допустят, остановят. Рюдель первый отвернет в сторону — был бы предлог. Кавалер без брони — не кавалер, а самозванец. Без брони не сражаются, как не ходят в гости нагишом у нас на Земле.

На Земле? Нет, не годится. До нее по ВП-линии доля секунды, но надо подняться на орбиту — на любом ускорении это двадцать минут, а потом стыковка…

Сумасшедшая, радостная мысль сверкнула в моем мозгу. Уже через секунду я взлетел на Баязета и послал его в бешеный галоп к «Грифу», вызывая корабль через браслет. Мне нужен был скафандр — космический скафандр аварийного комплекта, обязательный на каждом корабле!

До корабля было метров двести, и через какую-то минуту я уже скакал обратно, размахивая свертком. Я швырнул его на траву, скафандр развернулся.

— Ты сошел с ума! — сказала бабушка, разглядывая меня.

— Да, я сошел с ума! — ответил я.

Все было решено, и ко мне пришло упоительное лихорадочное спокойствие, обостряющее чувства, возбуждающее разум, заставляющее мышцы звенеть, как струны. У меня было копье и был щит — локтевую петлю с него Леннада срезала, но осталась стальная скоба для кисти. На мне сверкал металлизированной тканью скафандр, подо мной плясал мой любимый, лучший во всей вселенной боевой конь! Конечно, космический шлем не выдержит удара копья, а любой удар по телу проткнет меня насквозь, но я не позволю Рюделю бить себя — увернусь, отобью удар щитом!

— Возьми меч, — сказала бабушка. — Видишь — Рюдель тоже с мечом. Я привезла тебе Эскалибур.

Я опоясался мечом, нагнулся и чмокнул бабушку. Она поцеловала меня в лоб.

— Ну, ни пуха…

— К черту, к черту, — бормотнул я. — Скажи, а роботы не помешают?

— *Эти* роботы, — с ударением на первом слове ответила бабушка, — не помешают.

— Ты мне обещала сказать еще что-то. По-моему, про Рюделя. Никак не могу вспомнить.

— Я знаю, — сказала бабушка. — Ты спрашивал, что за прибор он вывез. Я узнала. Ничего особенного. Обыкновенный коммутатор.

— Что, что? — переспросил я.

— Электронный коммутатор на полмиллиона абонентов.

— Ты заметила — он очень интересуется радиоделом! Давай сделаем его начальником АТС? — сказал я, принимая копье и щит.

Герольды прокричали в последний раз, я повернул Баязета к полю и наконец-то смог рассмотреть Рюделя.

Это был крупный мужчина, широкий в плечах, явно превосходивший меня и ростом, и весом. Он был закован в черную вороненую броню, украшенную золотыми узорами — статный, красивый и грозный. Этого всадника можно было бы назвать прекрасным, если бы не чудовищно огромный конь, на котором он сидел. Я даже не подозревал, что лошадь может достигать таких размеров. Конь весил, пожалуй, не меньше тонны, если у него еще и достаточная скорость, то удар Рюделя будет страшен.

Над полем наступила тишина. Два смертельных врага сошлись лицом к лицу.

Наверно, это понимали все — Ганелона в занавешенной королевской ложе, Фей со своими друзьями, бабушка, Леннада, Виола, бравый ресторатор, прячущий под плащом наточенный мясницкий арсенал, его решительные дружки, побежденные мной расстроенные неудачники-кавалеры, бабушкины роботы, что выстроились цепью — лицом к зрителям — между полем и трибунами, оберегая меня от неожиданностей… Сошлись два врага, сошлись два мира. За мной была коммунистическая Земля и все планеты Содружества, за Рюделем — последыши отвергнутого народами Земли строя. Мир непобедимый и мир обреченный.

В горле, как всегда, пересохло. Я перехватил поудобнее копье и послал Баязета в галоп.

Рюдель уже несся мне навстречу. Я был поражен — его конь, несмотря на гигантскую массу, летел вперед, как ветер.

Еще при первом взгляде на своего противника я разглядел очень высокую спинку седла, помогающую удержаться при ударе, и чрезмерно широкие, похожие на трубы предножья — упираясь в них голенями, всадник сидит на лошади, как влитой. Такие широкие предножья были запрещены правилами, как и огромные, загнутые наружу остро отточенные шпоры — стоит чуть оттопырить пятку, и бок лошади соперника будет распорот, точно бритвой. Но я предвидел подобные сюрпризы и был готов к ним.

Меня потрясло другое. Я вдруг увидел, как концом уставленного на меня копья Рюдель прочертил в воздухе невидимую, спираль.

Это было невозможно, невероятно, но я не мог ошибиться. В руках у Рюделя было Волшебное копье!

Во вселенной существовал только один экспериментальный образец этого оружия, и я был уверен, что он хранится сейчас на Земле, в моем шкафу с копьями, куда его собственноручно поставил Павел Гусев после боя с рыцарем Леопарда.

Но сейчас не было смысла гадать, какими путями мое оружие оказалось здесь, на Изумрудной. Надо было решать, что делать, и решать быстро, потому что на острие рюделевского копья ко мне неслась моя смерть и я знал, что нет на свете силы, которая могла бы предотвратить этот удар.

Волшебное копье было создано для конного боя и имело своим назначением встречу с целью — шлемом или щитом соперника. Это свое предназначение оно выполняло с высочайшей точностью. Все соперники Рюделя пали мертвыми от удара в голову — сейчас я вспомнил это, и жутковатый холодок сдавил мне живот. Я уже понял, каким видел бой мой соперник. Вслепую боя у Рюделя не выиграть — он слишком серьезный боец, чтобы я мог надеяться на успех случайного удара. Но стоит мне на мгновенье выглянуть из-за щита — и мой шлем разлетится вдребезги. Волшебное копье не промахивается. Оно ведь и создано для того, чтобы не промахиваться. И оно не знает, что металлические шлемы кавалеров не рассчитаны на его удар.

Мой круглый космический шлем, наверно, не уступал в прочности здешним стальным бургиньотам, но он не был намертво привинчен к тяжелой кирасе, как положено рыцарским шлемам, а свободно лежал у меня на плечах, и я знал, что удар Рюделя просто переломит мне шею. Я вдруг отчетливо понял это, но совершенно не испугался.

Наверно, в мире существовали какие-то звуки — крики на трибунах, свист ветра, удары копыт. В этот момент их не стало. В абсолютной беззвучности я сближался с Рюделем. Было такое ощущение, что лошади несутся уже за звуковым барьером. Копье Рюделя смотрело прямо мне в глаза. Оно не лежало на крюке — как и у меня, опорные крюки панциря были спилены, чтобы не мешать копью прицеливаться.

И тут я понял, что Рюдель проиграл.

Не знаю, как назвать такое состояние, не раз приходившее ко мне в моменты наивысшей опасности, — вдохновением, прозрением? Чувства обостряются, в тело вливается неведомая сила, мозг работает с огромной скоростью, просчитывая десятки вариантов, в долю секунды отбрасывая негодные и каким-то неимоверным, фантастическим путем находя единственно правильный, ведущий к спасению — нет, к победе!

Наша схватка с Рюделем длилась давно. Она началась еще на Земле и продолжается здесь, на Изумрудной. В этой схватке он ни разу не пользовался честными приемами. Обман, ложь, клевета, предательство, насилие были его оружием. Честный рыцарский поединок он хотел выиграть с помощью подлости, и благородное оружие рыцарей моей планеты — Волшебное копье — превратил в орудие убийства.

Как он ликовал, расправляясь с беспомощными кавалерами! Он бил только в шлем, бил наверняка — и шлемы разлетались, как яичная скорлупа. Копье точно выполняло свою функцию — оно било в шлем, не зная, что здешние шлемы не выдерживают его чудовищного удара.

Оно било в шлем. В шлем, а не в голову!

Волшебное копье было задумано и создано добрыми людьми Земли. Это было спортивное оружие, и оно не могло быть негуманным.

На Земле никому и никогда не могла прийти в голову подобная мысль — выйти с копьем против человека без шлема. Но конструктор обязан был предусмотреть это.

Значит, если я сброшу шлем — копье отвернет? А если нет? Ну что же, тогда я, скорее всего, даже не успею ничего почувствовать.

Но нет, такого не может быть. Волшебное копье было земным автоматом, следовательно, добрым автоматом.

Дальномер в моем мозгу работал непрерывно. Расстояние между нами уже невелико, но времени достаточно.

Итак, прежде всего — долой щит. Я разжал кулак, и круглая металлическая тарелка рондаша скользнула вниз. Хорошо, что Леннада срезала локтевую петлю, — это сэкономило мне долю секунды.

Теперь шлем. Как удобно расположены замки! Щелчок, щелчок — чуть наклонив голову, я стаскивал прозрачный спереди, затененный сзади шар. Страховка не помешает, поэтому еще целых две секунды я держу его чуть впереди лица, чтобы Волшебное копье не потеряло ненароком свою цель. Вперед же, Баязет, вперед! Мой посыл превращает галоп в полет. И за мгновенье до того, как мы, наконец, сошлись, я отбросил шлем в сторону и увидел, как смотревшее мне в лицо копье метнулось за шлемом, выкручивая и опрокидывая Рюделя!

Через долю секунды мое копье настигло цель.

Гигантская масса наших коней и тел, помноженная на их бешеную скорость, сосредоточилась вся на острие моего копья и обрушилась в центр вороненого рюделевского шлема. Страшный удар потряс меня. Будь ярость нашего столкновения чуть меньше,

я, наверно, был бы сброшен с лошади отдачей своего же копья. Но оно словно взорвалось от удара, разлетевшись черными брызгами. Перед моими глазами зароились белые галактики, весь мир словно померк на мгновенье, но мозг работал, запечатлевая, как в рапидной съемке, медленно переворачивающееся в воздухе тело Рюделя.

Я завернул Баязета и подъехал к поверженному врагу. Шлем с него был сбит моим ударом, и я увидел его лицо — теперь уже не на картине. Рюдель еще не пришел в сознание, его красивое и жестокое лицо было искажено гримасой боли и страха.

Ко мне бежали мои друзья. Обгоняя всех, мчался Юлик, за ним спешили Фей, схвативший за руку Виолу, бабушка и все остальные. Позади бегущих тихо шла одинокая девичья фигурка. Я помахал всем перчаткой, сошел с коня и поклонился королевской ложе. Как быть дальше, я не знал, никто не объяснил мне, что должен делать кавалер, выигравший турнир, принцессу и трон.

В нескольких шагах от меня торчало копье Рюделя, воткнувшееся в какой-то предмет. Я пригляделся — это был мой шлем, расколотый ударом. Волшебное копье все-таки настигло свою цель.

Постепенно начали возникать звуки — чудовищный рев на трибунах, восторженный вопль Юлика, с разбега кинувшегося мне на грудь. Меня целовали, колотили кулаками, жали обе руки сразу. На миг мелькнули полные слез глаза Леннады, потом Фей снова сграбастал меня в объятья.

И тут все оборвалось. Тишина упала на поле мгновенно, и это было так неожиданно, что все мы сразу повернулись к трибунам.

От королевской ложи, протягивая ко мне руки, бежала Тина… Нет, Ганелона.

Обманутое глазами сердце на миг остановилось, чтобы тут же расплескаться упругими толчками. Это была не Тина, это бежала совсем чужая девушка, которая к тому же любила другого.

Бежала повелительница планеты, принцесса, право на руку которой принадлежало теперь мне. Роботы пропустили ее.

Полный ужаса крик Леннады раздался за моей спиной. Я услышал одно только слово: «Нет!..», наполненное мучительной болью, и странный, ни на что не похожий звук. Отпрыгивая и выхватывая из ножен меч, я увидел, как оседает на землю Леннада, цепляясь слабеющими пальцами за плащ Рюделя, как, переступая через преградившую ему путь девушку, он поднимает надо мной обагренный кровью Леннады меч, в припадке ярости хрипя что-то нечленораздельное.

Рюдель был в латах и с мизерикордом в левой руке, а я — в легком тканевом скафандре. Но у меня был Эскалибур, и к тому же я не привык отступать ни перед кем. Я отразил удар Рюделя встречным ударом, и его разрубленный меч отлетел в сторону. Уже поняв, что все потеряно, он тем не менее метнулся ко мне, чтобы ударить стилетом. Я опередил его. Я все еще не хотел его убивать и ударил по голове плашмя. Он закрылся бронированной рукой, и это помогло ему устоять, но второй и третий удары свалили его наземь. '

— Помогите Леннаде! — закричал я. — Есть тут врач? Где роботы? Где Петрович?

И тут я вспомнил про блок-кольцо. Обездвиживая кавалера Робота, я обездвижил и Петровича!

Мгновенно я переключил кольцо. Подбежали бабушкины телохранители.

— Бабушка, ее надо на Землю! Может быть, ее спасут!

Роботы уже заклеивали страшную сквозную рану девушки, делали ей уколы. Подоспевший Петрович стоял рядом, что-то толкуя мне о сбежавшем судье, но я не слушал его. В тот момент, когда один из роботов поднял Леннаду, чтобы нести к «Грифу», Петрович сказал мне, что Рюдель очнулся.

Я подошел к нему. Он чуть приподнялся на локте и судорожно шарил пальцами по завязкам панциря — видимо, хотел освободиться от брони. Кожа на голове была рассечена моими ударами, и лицо заливала кровь, но он засмеялся.

— Ты победил, рыцарь Черной Башни, кавалер Алексей Северцев, — сказал он, и лицо его исказила гримаса. — Жаль, я не смог прикончить тебя. Если бы не эта девчонка… Я был уверен, что она заодно со мной.

Ему наконец удалось развязать ремешки кирасы. Я глядел на движения его пальцев, еще не понимая, что все события этого бурного дня — ничто по сравнению с ужасом, который настигнет планету через несколько секунд.

— Можешь править, Алексей! — закричал он. Его рука скользнула под броню. — Король Алексей, повелитель планеты мертвецов! Ха-ха-ха!

Его смех был страшен и отвратителен. Как я жалел потом, что не зарубил его в этот момент!

Резким движением он вырвал руку из-под кирасы, и я увидел в его кулаке небольшую коробочку, из которой выскочила и развернулась крестообразная антенна.

— Пусть все умрут! Все! Все-е-е! — страшно закричал он.

Невероятное подозрение шевельнулось во мне. Но оно было настолько чудовищно, что понадобилось несколько мгновений, чтобы человеческий разум осмыслил его, а этих мгновений у меня уже не было.

— Пошли сигналы, — сказал Петрович. — Примерно сто сигналов в секунду…

И в этот момент последняя тайна Изумрудной открылась мне. За кратчайший миг я вспомнил и сопоставил все: гибель художника Летура в черноморских волнах, бесшумную смерть водителей поезда смерти, пять сигналов подряд вчера и смерть пяти придворных, охранивших конюшню, наконец, привезенный Рюделем коммутатор…

— Какой пеленг, Петрович? — закричал я. — Это Крест! Ты

помнишь его? Это он!

— Пеленг указывает на Крест, — Петрович еще ничего не понимал. — Точность в пределах ошибки…

— Петрович, сруби Крест! — я кричал, потому что коса смерти уже замахнулась над трибунами, над городом, над всем полумиллионным населением Изумрудной, и с проклятого рюделевского коммутатора шло по сотне смертоносных импульсов в секунду. — Крест — это смерть! Сруби его! Всем роботам — огонь по Кресту!

Холм, на котором располагался радиохрам, был хорошо виден отсюда. Роботы ударили по нему все разом. Я увидел, как падают деревья на вершине холма, открывая сверкающее перекрестье антенны, увидел, как она рухнула, а секунду спустя большой клуб дыма взметнулся на ее месте, и до нас донесся грохот взрыва.

— Сигналы исчезли, — сказал Петрович.

Я огляделся. На трибунах царила паника — десятки, может быть, сотни мгновенно погибших заставили разбегаться остальных.

— Ты снова проиграл, Рюдель, — сказал я, нагибаясь над поверженным врагом, — Люди Изумрудной больше никогда не будут умирать раньше времени. Но за твою жизнь я не ручаюсь.

— И все-таки ты не будешь королем, — прохрипел он.

Его пальцы стискивали рукоятку мизерикорда, и Рюдель поднес его к горлу. Но я не, мог позволить ему умереть так легко. Ударом ноги я выбил стилет из его руки и приказал роботам стеречь Рюделя.

Опустевшие трибуны были усеяны телами тех, кого успел скосить Крест. На «Грифе» поднялся трап и захлопнулся люк. Бледная, но решительная бабушка отдавала какие-то распоряжения на спутник. Вздрагивала, прижимаясь к Фею, Виола. И я никак не мог понять, кого же здесь не хватает.

Бабушка поняла это раньше меня. Она взяла меня за руку и повернула лицом к трибунам.

Я шагнул вперед, еще не веря, что случилось непоправимое. Но на этот раз Рюдель сказал правду.

В нескольких метрах от меня, устремив в изумрудное небо, навсегда остановившиеся глаза, лежала Ганелона.

Нет, Тина.

Глава 19. Обещание долгой жизни

Мне трудно рассказывать о событиях, происходивших на Изумрудной в последующие дни, — я не был их свидетелем.

Снова и снова повторял я в памяти каждое движение финального боя, когда жизнь и смерть Рюделя были в моих руках, — укоряя себя за то, что не зарубил этого выродка. На глазах у тысяч людей он пытался прикончить меня ударом в спину, а я' пожалел его и не убил как собаку…

Ах, как он рвался к абсолютной власти, этот красавец без совести и принципов! — С помощью Креста он мог тайно убить любого жителя планеты и все чаще пользовался своей установкой. Так он убил придворных, охранявших конюшню, убил Илию и многих других. Но убийство нажатием кнопки не доставляло ему удовольствия. Убить человека собственными руками, на глазах у всех, вызывая всеобщий ужас и восхищение, — вот что было для него истинным наслаждением.

Заполучив каким-то образом Волшебное копье, Рюдель, и без того сильнейший боец на планете, стал непобедим. Неуклюжие, закованные в неудобную броню кавалеры не умели наносить точных ударов на большой скорости. Как бы стремительно ни атаковали они друг друга, в последний момент всадники придерживали коней, и их удары уже не представляли серьезной опасности. Волшебное копье дало Рюделю возможность бить без промаха на полном скаку. К тому же оно было почти на полметра длиннее, чем копья кавалеров, так что Рюдель поражал своих противников, практически не получая ответных ударов.

Рюдель был уверен, что расправится со мной, лишь в самом конце он сделал попытку устранить меня. Подослав мне с помощью дядюшки Теодора великолепного коня, он настолько уверился в успехе, что уже не старался устранить меня физически.

Разгадав тайну Креста, я понял и остальное. Мне стало ясно, почему Рюдель так упорно охотился за моими лошадьми. Опасаясь вмешательства Земли, он остерегался трогать меня — ему было достаточно одержать победу в бою. Сев на Заката, я в первой же схватке был обречен на поражение. Меня спасло только то, что, выбравшись из подвала, я не успел послать к Фею за лошадью, был вынужден сесть на Росинанта и вовремя заметил в руках у судьи подозрительный прибор.

Закат должен был погибнуть на скаку, за секунду до столкновения с противником. Кодекс конного боя не знает исключений — боец считается побежденным, если упал на землю.

Но я выступил не на Закате, а на Росинанте, следующий же бой судья с помощью Петровича проспал и не сумел в нужный момент нажать кнопку.

В день финала присутствие Петровича не позволило судье воспользоваться излучателем. Однако я включил блок-кольцо и этим обездвижил Петровича, а судья, понимая, что Рюдель не простит ему бездействия, все же рискнул достать прибор и убил мою лошадь, после чего сбежал под охрану своих стражников. К счастью, бабушка привезла мне Баязета. А потом заработал Крест.

Очевидно, в глубине души Рюдель все же допускал возможность поражения и принял свои меры. Поняв, что все потеряно, он включил Крест дистанционным пускателем. Крест заработал и прежде всего скосил тех, кто служил Рюделю верой и правдой, в том числе и птиценосого судью. Но самой первой его жертвой была Ганелона.

Когда бабушка сказала мне, что Тина и Ганелона — один и тот же человек, я не хотел ей верить. Увы, все оказалось так. Никто из нас не подозревал, сколь сильно могут менять свою внешность обитатели Изумрудной. Это свойство появилось у беглецов с Земли сразу после обоснования на Изумрудной и, возможно, явилось следствием воздействия факторов космической среды во время многолетних скитаний в межзвездном пространстве. Не у всех оно проявлялось одинаково — у мужчин меньше, у женщин больше, особенно у духовно одаренных, артистических натур; не у всех эти изменения поддавались контролю разума.

У себя на родине Ганелона была надменной, чопорной принцессой. Познакомившись с радостным миром Земли, она стала иной — такой, какой я привык ее видеть. Но, возвращаясь в жилище принцессы, она вновь становилась горемычной наследницей престола…

Предпринятое Службой Безопасности расследование показало, что среди спутников Рюделя был мужчина очень маленького роста. Он-то и сыграл роль мальчишки в день моего первого визита к Ганелоне. Так Рюдель узнал о предстоящем моем приезде на Изумрудную и принял меры… в том числе заказал коммутатор.

Рюдель хотел уйти из жизни, громко хлопнув дверью. Будь у него атомное оружие, он взорвал бы всю планету. Но последние граммы урана сгорели в реакторах переселенцев сотни лет назад, и ему оставался только Крест.

Волею Рюделя погибли многие его приспешники. Этим не преминули воспользоваться молодцы дядюшки Теодора. Они были неплохо организованы и, кроме ножей и дубинок, имели

портативные самодельные огнеметы. Опомнившись от первого шока и убедившись, что потери в их рядах невелики, они захватили телестудию, электростанцию, центральный гараж и основные пищевые предприятия. Дядюшка Теодор выступил по телевидению и провозгласил себя диктатором. Он объявил виновниками всех несчастий кавалеров и призвал вырезать их поголовно. Дружинам Фея пришлось вступать с шайками диктатора в схватки, чтобы спасти ни в чем не повинных кавалеров. Несколько дней бандиты грабили магазины, убивали жителей, насиловали женщин, устраивали погромы, жгли дома. Тогда бабушка послала на помощь рабочим своих роботов, и те быстро подавили сопротивление.

Все эти бурные события происходили без меня. Я улетел на Землю, где врачи вели упорную борьбу за жизнь Леннады.

Ее сердце остановилось в «Грифе» во время причаливания к спутнику. Стыковка обычно занимала минут десять, но пилот сделал невозможное — он состыковал корабль за три с половиной минуты. Еще какие-то секунды ушли на переноску девушки в ВП-кабину, причем все это время роботы не прекращали массаж сердца. Спустя долю секунды она оказалась на Земле. Служба Здоровья знала свое дело: комплекс реанимации заработал через тридцать секунд…

К тому времени, когда бои на Изумрудной закончились и бабушка произнесла свою знаменитую речь, у медиков появилась надежда, что Леннаде удастся выжить. Но она по-прежнему не приходила в сознание.

Молодчики бравого ресторатора в бессильной ярости разгромили телестудию, поэтому десантные дисколеты несколько дней прочесывали Изумрудную и везде, где обнаруживали людей, оставляли пластинки телеэкранов.

Наверно, это было единственное в истории Изумрудной выступление, которое слушали все жители планеты. По каналу ВП-связи оно транслировалось и на Землю.

— Я Генеральный комиссар Службы Безопасности планеты Земля и Содружества коммунистических планет, — так начала бабушка свою речь. — Наше Содружество включает сто сорок три планеты с населением девяносто два миллиарда человек. Я надеюсь, что сто сорок четвертым членом Содружества станет ваша Изумрудная, потому что вы тоже дети Земли…

К тому времени тайные архивы Черного совета были уже изучены, и каждое свое слово бабушка подкрепляла документами. Она рассказала, почему и как бежали с Земли те, кто колонизовал Изумрудную, какие трудности встали на пути переселенцев.

— Теперь уже никогда не узнать, кому первому пришла в

голову чудовищная мысль избавляться от стариков, чтобы не тратить на их содержание скудные материальные ресурсы. У себя на Земле мы любим и бережем своих отцов и матерей, бабушек и дедушек. Так было всегда и так всегда будет. У всех народов во все века старики пользовались почетом. Здесь, на Изумрудной, их лишили права на жизнь.

Вы, конечно, знаете легенды о повальных болезнях, косивших первых поселенцев. Все это — ложь, которая понадобилась, чтобы оправдать обязательность предохранительных прививок. Эти прививки делаются у вас всем новорожденным поголовно. Считается, что они спасают детей. Тоже ложь, чудовищная ложь! Именно эти прививки являются причиной того, что все вы умираете молодыми — мужчины в сорок лет, женщины в тридцать.

Ни для кого из вас не секрет, что иногда, очень редко, кое-кто из вас не умирал в положенный срок. Вас приучили верить, что эти люди неугодны Кресту, что они прокляты. Рано или поздно таких людей убивали фанатики. Я открою простой секрет их долголетия. Дело в том, что им по разным причинам не были сделаны предохранительные прививки. Сейчас вы познакомитесь с такими людьми.

И тут я увидел на экране Летура и нескольких незнакомых мне старцев.

— Летур родился в лесу, куда его мать сбежала со своим возлюбленным от гнева родителей, и провел там детство. Сейчас ему шестьдесят лет. Прививка ему не сделана — вы знаете, что их делают только в одном месте, в родильном доме, а именно там работали родители матери Летура. И она не посмела туда обратиться.

Затем бабушка рассказала о других долгожителях.

— Кстати, посмотрите на меня — мне восемьдесят лет. Люди на Земле живут долго — даже двести лет не являются пределом. Столько же будете жить и вы. Конечно, не сразу. Чтобы увеличить продолжительность жизни, вам надо будет немало потрудиться над развитием экономики, здравоохранения, культуры, образования. Я думаю, вы займетесь этим немедленно.

Но вернемся к прививкам. Среди первых поселенцев был гениальный ученый, свои способности обративший во зло. Именно он придумал эти прививки.

На Изумрудной наука совсем не развита — мы еще поговорим об этом, — и я не знаю, все ли вы поймете из моих объяснений. Но думаю, вам известно, что в организме человека происходят электрические процессы, управляющие функционированием всех органов. Мозг послал сигнал — мышца

сократилась. Другой сигнал — мышца расслабилась. И так далее.

Сигналы, влияющие на живую ткань, могут иметь разную природу. В принципе могут быть использованы радиосигналы различных частот, биопсихические сигналы и ряд других, о которых я говорить не буду.

Ваш ученый изобрел живой приемник таких сигналов — живую клетку, способную реагировать только на один-единственный сигнал, для каждой клетки имеющий особую форму. Именно такую клетку он помещал в организм ребенка под видом предохранительной прививки. Размещалась эта клетка около нерва, управляющего работой сердца. Она была неотличима от всех остальных клеток: жила в организме, делилась, образуя себе подобные… и ждала. Ждала сигнала, который заставит ее сработать. Тогда она выключала нерв, и человек мгновенно умирал.

Я не случайно сказала, что тот ученый был гениальным. Лабораторными методами можно создать лишь считанное количество клеток. А нужны были тысячи. Не забывайте также, что все это проделывалось в глубочайшей тайне. Ваш ученый сумел автоматизировать выращивание закодированных клеток, и его автоматы исправно действуют до сих пор. Вот они, познакомьтесь.

И зрителям был продемонстрирован небольшой фильм, снятый в лаборатории родильного дома.

— Я уже говорила — эти клетки-мины неотличимы от обычных клеток организма. Когда у нас на Земле погиб Летур-младший, мы не смогли установить причину его смерти. А причина была в том, что Рюдель послал сигнал с помощью вот этого прибора, — на экране появилась хорошо известная мне фотография. — Такие портативные орудия убийства заряжались на один импульс, когда надо было убить человека за пределами досягаемости большой антенны, спрятанной в этом кресте, — бабушка показала новый снимок. — С помощью таких аппаратов были убиты водители автопоезда, о котором нам поведал единственный спасшийся из него мальчик.

Тут бабушка усадила рядом с собой Юлика и рассказала его историю. Затем слушатели увидели усыпанный трупами городок за Южным хребтом. Тот самый, куда Рюдель отправлял таинственные автопоезда и где совсем недавно в неслыханной роскоши жили те из власть имущих, кому возраст не позволял уже показываться на глаза людям.

— Чтобы убить человека, надо было заглянуть в его документы, где указывался номер прививки. Затем этот номер набирался на шифратор, и тот выдавал запись нужного сигнала

на магнитном стержне. Оставалось вставить стержень в прибор и в нужный момент нажать кнопку. Такое устройство действовало надежней любого оружия — тут невозможно было промахнуться.

Тайну прививок знало лишь несколько человек. Сейчас в живых остался один Рюдель. Решайте, как с ним поступить. Он уже не представляет общественной опасности, но на его совести — жизнь всех, кто умер на вашей планете за последние двадцать лет. Это ему принадлежала идея установки автоматического коммутатора, который, включившись по сигналу радиопускателя, перебил бы все население планеты. К счастью, Алексей Северцев разгадал тайну Креста и уничтожил его. Только поэтому все вы живы сейчас. И все же шесть тысяч жизней Крест успел унести. Эту цифру вы тоже должны помнить, когда будете решать судьбу Рюделя.

На первый взгляд, жизнь на вашей планете кажется идиллической. Все сыты, обуты, одеты, никто не болеет — случайные насморки не в счет, а до серьезных болезней старости никто не доживал. Производство оружия запрещено и жестоко карается. Вывезенные когда-то с Земли лучеметы неспособны сделать больше двух-трех выстрелов. Нет армии, нет войн — ведь воевать не с кем. Копья и мечи для кавалеров и стражников — вот и все оружие, которое производится в ваших мастерских. Но эта идиллия — всего лишь маскировка. Тем, кто стоял у власти, не нужно было оружия — любое возмущение, любое недовольство или просто инакомыслие подавлялось с помощью Креста, а он знал только одну меру наказания — смерть. Вот почему некоторыми из вас было замечено, что гарантированный слугами Креста срок жизни не всегда соблюдался. Теперь разгадка ясна — всех неугодных попросту убивали. Так погибла жена Летура, неосторожно высказавшая вслух крамольную мысль о том, что люди стали жить меньше… Но такая смерть выглядела естественной, недовольства не вызывала, а наоборот, приучала верить во всемогущество Креста…

Обращаю ваше внимание на отсутствие радиосвязи на Изумрудной. Развитие радиотехники рано или поздно позволило бы обнаружить сигналы Креста и разгадать их тайну. Поэтому правители Изумрудной всячески тормозили развитие науки. Но диалектика имеет свои законы. Развитие — это вектор, устремленный только в будущее. И если его нет, регресс захватывает все области жизни — от науки и техники до культуры. Волею слуг Креста вы были обречены на деградацию и вымирание. К счастью, среди вас нашлись люди — сотни и тысячи людей, способные противодействовать этому. Схватка с силами зла была неизбежна, и появление Алексея Северцева лишь

ускорило развязку. Теперь власть рюделей и теодоров свергнута навсегда, и ваша жизнь отныне — в ваших собственных руках. Все вы будете жить долго и счастливо — от имени коммунистических планет я обещаю вам это и зову вступить в наше Содружество…

Мне не пришлось дослушать речь бабушки до конца. Зажужжал вызов моего браслета, и мне сообщили, что Леннада пришла в сознание и хочет видеть меня.

Я вошел к ней в палату с букетом цветов столетника, который по моей просьбе прислала с Изумрудной Виола, — она до сих пор находилась там, помогая бабушке дирижировать сложным механизмом экспедиционного флота Службы Безопасности, дрейфующего вокруг планеты по близким космических орбитам. Впрочем, я подозревал, что ее удерживает на Изумрудной не только эта причина..

Леннада лежала в окружении приборов контроля здоровья в залитой солнцем комнате. Она увидела меня и грустно улыбнулась.

— Я рада видеть кавалера Алексея, — прошептала она.

— Здравствуй, Леннада, — сказал я, садясь возле нее. — Только какой уж я кавалер… Не будет больше на Изумрудной кавалеров.

Она вся напряглась.

— Я что-то сказала неправильно? — произнесла она через силу. — Мне следовало сказать… король Алексей?

Я смотрел в ее огромные глаза, и смысл вопроса медленно доходил до моего сознания. Ведь она ничего не знает!

— Я не король и никогда им не буду! — произнес я наконец.

Я никак не мог решить, можно ли сказать девушке, что Ганелона умерла, и в отчаянии оглянулся, словно кто-то мог дать мне совет.

— Это правда? — прошептала девушка.

Глаза ее засияли. И без всякой подсказки нужные слова сами пришли ко мне на язык.

— А знаешь, почему я не стану королем? — спросил я шепотом, наклоняясь ближе к девушке. — Потому что мне очень некогда. У меня есть одно важное-важное дело: я должен сидеть вот здесь, возле тебя, и ждать, когда ты выздоровеешь. Я буду сидеть очень тихо, чтобы доктора не выгнали меня, а если они это сделают, я все равно никуда не уйду, сяду возле твоей двери и буду оберегать твой сон. По утрам буду класть возле твоего изголовья охапки самых лучших цветов Земли. Я буду петь тебе свои самые любимые песни — хотя, если быть честным, петь я совершенно не умею… А когда ты станешь совсем-совсем здоровой, я возьму тебя на руки и унесу отсюда, посажу в

дисколет и покажу тебе мою планету. А дома бабушка будет кормить нас лучшими в мире пирогами, которые испечет специально для тебя и для меня…

Я гладил руку девушки и рассказывал ей о чудесах Земли, и о сидящем в железной клетке Рюделе, и о том, какие красивые глаза у одной моей знакомой девушки, которую зовут Леннада… Я сказал, что теперь она, как и все жители Изумрудной, будет жить долго-долго — не меньше ста лет, и все эти сто лет я буду около нее… Я говорил и чувствовал, как силы возвращаются к Леннаде, как глаза ее приобретают привычный блеск, глубже становится дыхание, уверенней движения…

Эпилог. Памятник

Павел Гусев пришел ко мне без предупреждения, хмуро поздоровался, глядя в сторону. Войдя в комнату, не уселся в кресло, как делал всегда, а стоял, точно столб, молчал и разглядывал потолок.

Он очень изменился за те дни, что мы не встречались. От-его веселой суетливости не осталось и следа. Видимо, смерть Тины была для него тяжелым ударом.

— Во всем виноват я, — произнес он наконец. — Это я отдал Волшебное копье Рюделю…

Я молча смотрел на него и не узнавал в нем милого друга Пашку — веселого, беззаботного, самоотверженного. Передо мной стоял совсем чужой человек, подавленный и растерянный.

Всего месяц назад мы сидели с ним и с Тиной в этой самой комнате, смеялись и дурачились. И вот он стоит передо мной, маленький и несчастный, не смея посмотреть мне в глаза.

— Я знал, что Тина любит тебя… Но я тоже ее любил… И когда Рюдель рассказал, что ты будешь биться за нее на копьях и женишься на ней, я решил: пусть ни мне и ни тебе. Я отдал ему копье и рассказал, как с ним работать. Я же не знал, что он будет убивать этим копьем…

Нет, он по-прежнему ничего не понимал. Для него моя схватка с Рюделем была только битвой за женщину.

— Для чего ты пришел? — спросил я. Наш разговор был бесполезен, и его следовало кончать. — Хочешь извиниться? Разве в этом дело?

— Я знаю, ты меня не простишь. Но попробуй хотя бы понять! Я не мог уступить ее тебе! — он почти кричал мне в лицо. — Сколько можно во всем уступать? Все, все только тебе одному — победы на турнирах, восторг болельщиков, улыбки женщин. Да, ты всегда первый во всем — первый в поединках, в Большом и Малом споре, в науке, в любви! А я тоже хочу быть первым. Чтобы это меня несла на руках толпа! Чтобы моему коню бросали под ноги цветы! Чтобы меня, понимаешь, меня любила Тина! Чем я хуже тебя?

Я смотрел на него с изумлением. И этого человека я считал своим другом!

— Разреши, я напомню тебе одну мелочь, о которой ты, наверно, позабыл. Выиграв с твоей помощью турнир, Рюдель получал законное право вышвырнуть нас с Изумрудной, чтобы без помех установить там фашистскую диктатуру! Вот оно — твое «ни мне, ни тебе»!

— Я ведь не знал… — только и мог пробормотать Павел.

Он был уничтожен.

— А что копье отдавать нельзя — ты тоже не знал? Забыл, что говорит рыцарский кодекс о разном оружии? Кстати, не ты ли помог Рюделю раздобыть робота? Я помню, ты говорил как-то, что твой брат — конструктор роботов…

Гусев повернулся и медленно пошел к двери.

Через несколько дней после того, как Леннаду выписали из больницы, Фей сообщил, что нас ожидают на Изумрудной.

Десантный «Гриф» опустился на хорошо знакомую мне площадь перед дворцом, и я сразу попал в объятия многочисленных друзей.

— Вот его обнимайте сколько угодно, — отбивался я, показывая на Петровича. — А нас пощадите!

Я помог Леннаде сойти с трапа — она еще недостаточно окрепла и остерегалась быстрых движений.

— Твои комнаты ожидают тебя, — сказал мне Фей.

Я знал, что моего друга избрали председателем Революционного Совета, что его день расписан по минутам, и был благодарен ему, что он все же нашел время повидаться со мной.

— Может быть, сегодня кавалер Алексей все же пригласит меня зайти к нему в гости? — спросила с лукавой улыбкой Леннада.

Мы вспомнили, как я прятал от нее Фея, и дружно рассмеялись.

— А вот это наш маленький сюрприз, — сказал Фей, когда мы вошли во двор.

И я увидел на том месте, где прежде была коновязь, высокий постамент, на котором возвышалась фигура конного рыцаря.

Коня я признал с первого взгляда — это был мой Баязет, но лишь в следующее мгновение понял, что рыцарь — это я. Скульптор изобразил меня в боевой броне, только вместо бургиньота на голове у меня был прозрачный космический шлем. Из-за этого изваяние чем-то походило на изображение Георгия Победоносца — но вместо змея я поражал копьем огромный крест… Удар копья раздробил крест на куски, и он теперь напоминал уже не крест, а разбитую вдребезги свастику.

— Идею подал Летур, — рассказывал Фей. — Он нашел такое изображение в книгах своего покойного сына, которые тот привез с Земли. Замысел всем понравился, и принцессы утвердили проект. Это был их первый и последний указ, потому что они обе отреклись от престола и передали власть Революционному Совету. Они сказали, что право выбирать себе мужа им дороже

королевского трона.

— Они правильно сделали! — заметила Виола, шедшая рядом с Феем. — Выходить за нелюбимого — это, наверно, ужасно!

— Я лучше умерла бы! — согласилась с ней Леннада, и я почувствовал, как пальцы девушки крепко стиснули мой локоть…

Во дворце нам встретилась небольшая группа. В окружении вооруженных людей с заложенными за спину руками по коридору шагал дядюшка Теодор. Увидев меня, ресторатор остановился. Выглядел он как облезлый пес, но по-прежнему напускал на себя бравый вид.

— Да будет мне дозволено приветствовать благородного кавалера, — напыщенно произнес он. — Как я жалею, что вовремя не оценил его! Если бы мне знать, что кавалер исполняет все свои обещания, что он победит кавалера Рюделя и даст нам долгую жизнь… Может быть, по старой дружбе кавалер замолвит за меня словечко перед судьями, которые, кажется, не очень желают мне долгой жизни?

— Ты сам распорядился своей жизнью. Я ведь говорил, чтобы ты не хватался за ножи.

Я хотел пройти мимо, но он удержал меня.

— А жаль, что мы тогда не прирезали тебя, кавалер, — медленно произнес он, с ненавистью глядя мне в глаза. — Зачем ты только к нам явился…

Его слова ошеломили меня.

— Ты что — жалеешь об этом? А как же долгая жизнь?

— Мы все равно перерезали бы всех кавалеров, и тогда их проклятая машина перестала бы действовать, — объяснил он. — Но власть была бы вот в этих руках, — он потряс кулаками перед моим лицом. — А если бы удалось сговориться с кавалером Рюделем…

На его лице заиграла такая отвратительная улыбка, что меня передернуло от омерзения. Я молча повернулся и пошел прочь.

Через час, когда Леннада отдохнула, Фей зашел за нами. К моему удивлению, он повез нас на Ристалище.

Мы прошли под трибунами и очутились на поле.

— Петрович… Посмотри, Петрович, — прошептал я, хватая его за руку.

В центре поля, над которым, казалось, еще витал бешеный храп коней, на том самом месте, где я совсем недавно увидел бегущую ко мне девушку, возвышалась гранитная стела с изваянием. Скульптор изобразил Тину такой, какой она была в последний миг ее жизни, — радость и любовь в распахнутых

глазах, а в протянутых к людям руках голубые неувядающие цветы столетника, как обещание долгой жизни.

Я взглянул на своих спутников. Петрович молча смотрел на изваяние, и мне показалось, что в глазах его застыла тоска. Дрожащая Леннада прижалась ко мне. На ее глазах блестели слезы. Видимо, весь ужас пережитого снова обрушился на нее. Я обнял ее за плечи и почувствовал, как постепенно утихает бившая ее дрожь.

Она подняла ко мне заплаканное лицо.

— Мы никогда не забудем ее — правда, Алексей? — прошептала она.

Я медленно наклонил голову в знак согласия. Говорить я не мог.